

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Григорий
Тульчинский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ

источники,
уроки,
перспективы

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2018

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос)6
Т 828

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор *О. В. Попова*
(Санкт-Петербургский государственный университет)
академик Международной Академии наук (Русская секция),
доктор культурологии, профессор *В. А. Сулимов*
(Сыктывкарский государственный университет)

Тульчинский Г. Л.

Т 828 Политическая культура России: источники, уроки,
перспективы / Г. Л. Тульчинский. – СПб.: Алетейя,
2018. – 294 с.

ISBN 978-5-9905768-6-5

Систематически рассматриваются ценностно-нормативное содержание российской политической культуры, источники и этапы его формирования. Специальное внимание уделяется советскому цивилизационному эксперименту, перспективам современной российской политической культуры.

Книга рассчитана на студентов бакалавриата и магистратуры, специалистов и всех, интересующихся отечественной историей, состоянием и перспективами развития российского общества.

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос)6

ISBN 978-5-9905768-6-5

9

© Г. Л. Тульчинский, 2018
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Предисловие : оттуда и опять туда?

Некоторые реалии развития российского социума, особенно в пореформенный период с начала нынешнего столетия стали вызовом для отечественных и зарубежных специалистов, особенно – ориентирующихся на стандарты политического анализа, выработанные на материале либеральных демократий. Характерные для 1990-х сведения осмысления к модели «демократического транзита» сменились оценочными концептами типа «гибридного режима», «электорально-авторитаризма», выглядящими очевидными *ad hoc*, неспособными открыть некий горизонт. Не более перспективными предстают и концепции, представляющие современную российскую ситуацию как возврат в традиционную «колею», ведущую на обочину современной технотронной цивилизации, а то и просто – к возврату страны на старт возможной модернизации. Подобная квалификация практически обесмысливает искания и борения XX века – конечно же, наиболее трагического в российской истории, но и тем более важного для конструктивного осмысления перспектив. Неужели целое столетие российской истории является (в духе известной фэнтези Толкиена) «путешествием туда и обратно»? И что брать за исходный пункт такого путешествия? Россию начала XX века, «которую мы потеряли», и к которой несколько неудачно возвращаемся? Или – то ли сталинский, то ли брежневский СССР? Или наша страна проходила и проходит по общеисторические этапы развития, но по своей, достаточно причудливой траектории?

Одной из ключевых сторон российского социума, осмысление роль которого открывает возможности поиска ответов на эти вопросы, представляется политическая культура. Политическая культура – один из наиболее дискутируемых концептов современных политических наук, теории и философии культуры. Особенно жаркие споры вызывает отечественная политическая культура, в первую очередь – ее потенциал и перспективы. В этом плане разброс мнений достигает популярности: от уникальности и чрезвычайной перспективности российской политической культуры – до ее исчерпанности.

Аналогична ситуация и в учебно-методическом плане. Тематика политической культуры представлена разделами (главами и параграфами) в учебниках по политологии, культурологии и социологии культуры, в которых политическая культура рассматривается в контексте практик политического участия, роли личности в политике, психологии поведения, т.е. преимущественно в качестве мотивационного

фактора. Иногда авторы ограничиваются описанием политических культур исторического прошлого или своеобразия политических культур различных стран. Из работ, посвященных особенностям российской политической культуры, в этой связи следует отметить книгу Ю.С. Пивоварова «Политическая культура пореформенной России» (М.: ИНИОН РАН, 1994), публикацию очень содержательной дискуссии «Куда ведет кризис культуры?» (М.: Либеральная миссия, 2011), в которой принимали участие А.П. Давыдов, И.М. Клямкин, А.В. Тихонов, И.А. Яковенко и другие видные отечественные исследователи и эксперты.

Ни в коей мере не оспаривая содержание и значение этих и ряда других работ, а наоборот – в соответствующих разделах, по возможности, отсылая к ним, автор данного текста позволил себе сделать акцент на нескольких аспектах, которые хотелось бы оговорить.

Во-первых, в данной работе делается акцент на ценностно-нормативных аспектах социогенеза, что позволяет не только рассматривать динамику политической культуры, ее роль в развитии общества, но и позволяет не противопоставлять различные концепции и подходы (либерализм и коммунитаризм, марксизм и корпоративизм, институционализм и солидаризм, рационализм и постсекуляризм и проч.), рассматривать их как не исключающие, а взаимодополняющие друг друга, раскрывая их возможности в зависимости от исторической и конкретной политической ситуации в конкретном обществе. Это позволило нам опереться на результаты международной программы World Value Survey (WVS), в рамках которой на протяжении почти 40 лет отслеживалась динамика ценностей в более чем 80 странах и на данных которой Р.Инглхартом и его коллегами была построена модели человеческого развития, на ряд других авторитетных международных исследований, таких как «Culture matters», исследования Г. Хофстеде, Р.Льюиса, органично использовать их результаты в контекст учебника.

Этот нормативно-ценностный подход позволил, во-вторых, как представляется уйти от понимания политической культуры как преимущественно ментального (психологического) феномена, показать ее объективное институциональное содержание и значение. Политическая культура систематически рассматривается как проявление социогенеза, в контексте его ценностно-нормативного, институциональным содержания. Особое внимание при этом уделено факторам, определяющим формирование и развитие политических культур, что открывает возможность не только учитывать роль политической культуры в процессе выработки и проведения реформ, но и управления

развитием самой политической культуры, ее связь с национальными и корпоративными деловыми культурами, что весьма плодотворно для осмысления политической культуры на макро- и микро-уровнях рассмотрения.

И, наконец, в-третьих, такой подход открывает возможность систематического осмысления политического развития российского общества, история и современность которого является удивительно богатным материалом для использования практически всей палитры концептуального аппарата, развитого современной политической мысли.

Содержание данной книги во многом является существенным дополнением и развитием содержания монографии «Российская политическая культура: особенности и перспективы» (СПб: Алетейя, 2015). Автор чрезвычайно благодарен издательству «Алетейя» за возможность уточнить и развить ряд идей, важных для осмысления чрезвычайно динамичных политических процессов в современной России.

Концептуальная основа такого осмысления представлена в двух работах: «Политическая философия» (М.: Юрайт, 2014) и «Политическая культура» (М.: Юрайт, 2014), выполненных под общей редакцией автора.

Ряд основных идей относительно особенностей содержания и судьбы российской культуры был сформулирован автором ранее в работах: «Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы» (СПб: РХГИ, 1996); «Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы» ((Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001); «Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности» (СПб: Алетейя, 2002), а также журнальных публикациях. Без публикаций в таких периодических изданиях, как «Власть и общество», «Вопросы философии», «Культура и семиозис», «Публичная политика», «Философские науки», «Человек.ru», «Journal of Russian Communication» и других ряд авторских идей, используемых в данной работе, не прошел бы научную апробацию.

Искренняя авторская признательность Российской ассоциации политических наук (РАПН). Конгрессы, конференции и симпозиумы, организуемые РАПН и при ее поддержке, всегда отличаются высоким теоретическим уровнем и широкой палитрой обсуждаемых вопросов, что весьма помогло дать максимально возможный обзор современных точек зрения, позиций и подходов к осмыслению роли и значения политической культуры в современном обществе, специфики российской политической культуры.

Автор также благодарен своим коллегам по департаменту прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, студентам – бакалаврам и магистрантам, принимавшим активное участие в семинарах и коллоквиумах, на которых обсуждались многие идеи, представленные в книге, что позволило более точно расставить акценты.

1. Политическая культура: как ее можно понимать и зачем

Культура и политическая культура. Роль политической культуры. Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации. Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры. Справедливость и конфигурации политических режимов.

Культура и политическая культура

В теории культуры давно отмечается обилие подходов к трактовке феномена культуры – факт хорошо известный гуманитариям. Однако все это разнообразие определений можно свести к нескольким группам. Прежде всего, это «ценностное» понимание культуры, при котором под культурой понимается совокупность материальных и духовных ценностей народа или человечества в целом. Действительно, ни одно общество не может существовать и развиваться без накопления опыта предшествующих поколений, ибо только на их основании становится возможной жизнь последующих. Согласно другому – «деятельностному» («технологическому») – подходу, культура есть способ жизнедеятельности. Все люди спят, едят, трудятся, любят, но в каждом обществе это делают по-своему. Именно «быт и нравы», или принятые в данном сообществе способы, осуществления жизненных актов понимаются здесь как выражение конкретной культуры. В «деятельностно-технологическом» понимании к культуре относятся и такие сомнительные, с точки зрения ценностного подхода, явления как, скажем «культура преступного мира», «технология» средств массового уничтожения. Существует и третье понимание, когда культурными признаются не все без исключения способы осуществления жизнедеятельности, а только такие, которые способствуют развитию, совершенствованию и возвышению человека.

«Ценностный», «деятельностно-технологический», «человекотворческий», каждый в чем-то по своему справедлив, поскольку акцентирует внимание на разных, но, в то же время, действительно важных сторонах культуры. Особый интерес представляет предложенное

Ю. М. Лотманом определение культуры как «внегенетического механизма наследования социального опыта». Действительно, в отличие от животного, поведение человека программируется не только и не столько генетически, сколько социально-культурно. Поведение животного регулируется инстинктами, то есть является врожденным, полностью заданным каждому животному и каждому виду животных генетически. Животное, а точнее – вид, выживает за счет того, что он уже «заранее» приспособлен жизни в определенной среде. Если же среда меняется вид может сохраниться только за счет изменения генотипа (мутации). Человек, не меняясь как биологический вид, он изменяет саму окружающую среду, как бы заставляя ее «мутировать» в нужном ему направлении: он заменяет природную среду искусственно создаваемой культурной средой, превращая натуру в культуру. Но, оказываясь в новой, им самим созданной среде, человек испытывает на себе ее обратное воздействие. Его собственное «творение», в свою очередь, начинает изменять его самого – но уже не как вид, а как личность.

В этом плане, обобщая упомянутые подходы, *культуру можно понимать как систему порождения, накопления, хранения, передачи социального опыта.*

Культура упорядочивает деятельность человека тем, что фиксирует конкретные нормы – правила этой деятельности по достижению целей. Последние могут быть конкретными, выражающими представления о желаемом результате, а могут и выражать представления о нереализуемом полностью, но желаемом идеале (истины, добра, красоты, свободы, святости). В обоих случаях речь идет о материальных и духовных ценностях – образцах желаемого должного. Ценности – не предметы, не вещи, а их значения для человека и общества. Мир ценностей – мир значений. Здание – памятник культуры, книга – ценности не в силу их материальной вещественности, а в силу того значения, которое они имеют для социального опыта и памяти о нем. Ценностные установки и ориентации определяют стремления и намерения людей. Их реализация предполагает деятельность, осуществляемую по каким-то правилам, образцам – тем же нормам, определяющим социально приемлемые средства и способы достижения целей. Наиболее развитой формой норм являются институты, к динамике формирования и развития которых мы еще вернемся

Ценности и нормы образуют единые комплексы – нормативно-ценностные системы. В основе любой сферы человеческой деятельности мы можем обнаружить такую нормативно-ценностную

систему. Деятельность всякого социального института от религиозной секты до Академии наук, от политической партии, до семейного круга строится на том или ином нормативно-ценностном фундаменте. Именно в нем аккумулируется социальный опыт, который есть не что иное как совокупность определенных программ эффективной (результативной) целесообразной деятельности.

Культура, таким образом, предстает совокупностью нормативно-ценностных систем, действие которых закрепляется в многообразных формах вовлечения человека в социально упорядоченную деятельность. Формы такого вовлечения достаточно многообразны. Это и детские игры, и личный пример окружающих, прежде всего – родителей, и обучение (школьное и профессиональное) – все то, из чего складывается личный опыт личности. Итогом этого процесса и является социализация личности – формирование социального субъекта, способного к активной продуктивной деятельности.

В определенном отношении культура напоминает игру. Игра вообще имеет в культуре важнейшее значение. Важность этой свободной, вроде бы необязательной, несерьезной деятельности трудно переоценить. В играх усваивает первоначальный жизненный опыт ребенок. Игры взрослых не только связаны с досугом, отдыхом, развлечениями. Широкое применение имеют обучающие игры, деловые игры как метод принятия решения.

Художественное творчество включает в себя явно выраженный игровой компонент. Политика, бизнес во многом имеют соревновательный (игровой) характер. Конфликты, переговоры, даже войны содержат в себе игровые моменты. Религиозные ритуалы, придворный церемониал, дипломатический и бытовой этикет, все это происходит по правилам, представляющимся совершенно естественными их участникам, но с точки зрения постороннего наблюдателя могут показаться какими-то непонятными играми взрослых, серьезных людей. Все мы постоянно, удачно и не очень, играем какие-то социальные роли: ребенка, родителя, товарища, пассажира, покупателя, продавца и т. п. И вообще, как известно: что наша жизнь? – игра!

Что характерно для игры? Прежде всего, любая игра условна, осуществляется по каким-то правилам, о которых играющие договариваются специально или они должны быть им заранее известны и, пусть даже и молчаливо, приняты. Любая игра ограничена в пространстве и времени. Игра имеет какие-то границы, место: арена, площадка, стадион, стол... В нее можно войти, а можно выйти. Игра начинается, длится, заканчивается – имеет границы во времени. У каждой игры

имеется свой сюжет, завязка, интрига, завершение, итог. Игра вызывает напряжение, требует мобилизации физических, интеллектуальных, духовных сил. Она вовлекает человека, способна доставить ему удовольствие и удовлетворение. Игра предполагает успех или неудачу, соревновательность. Каждая игра творит свой порядок, осуществляется по правилам и требует послушания этим правилам, их соблюдения. Тем самым игра объединяет, создает сообщества. Одновременно игра отделяет играющих от «непосвященных», создавая даже иногда атмосферу секретности. В игре выражаются способы деятельности и осмысления действительности, человека, его возможностей и целей.

Все эти характеристики применимы и к культуре, к человеческой жизни в целом. По отношению к самым серьезным вещам всегда можно найти какую-то внешнюю, стороннюю позицию, когда они предстают игрой. Но тогда – существует ли что-то «всерьез», не игра? Ответ на такой вопрос, фактически есть вопрос личного самоопределения, смысложизненный выбор личностью ценностной позиции, задающей смысл его существования, с которой он оценивает себя и действительность всерьез. Другими словами, «игры», которые кем-то играют всерьез, составляют содержание его идентичности, самоопределения. Если признать, что игра – понятие более общее, чем культура, то можно сказать, что игра – «инстинкт» культуры, тогда как культура – «сознание» игры.

Культура «предлагает» человеку определенные программы деятельности, в которых человек осваивает действительность. Она как бы очерчивает горизонт этой действительности, показывая человеку, что он может желать в этой жизни и какие средства удовлетворения этих желаний могут быть доступны ему в его положении. А поскольку человек осмысляет мир только в контексте своей деятельности и ее программ, то культура очерчивает границы и осмысленного (имеющего значение и понятного) мира человека, «рисует» ему определенную картину этого мира. Такая «картина мира», система взглядов, мировоззрения и миропонимания является основанием отличия одной культуры от другой. Эта картина мира выражается и закрепляется в мифах, религиозных верованиях, философских учениях и научных теориях.

В свете сказанного ***политическую культуру можно рассматривать как механизм порождения, сохранения и трансляции политического опыта.***

Если политика – деятельность, связанная с властными отношениями (принципами, нормами, институтами), гарантирующими жизнеобеспечение и развитие общества, то, вне зависимости от конкретной

политической системы и исторической ситуации, реализация политического опыта предполагает решение вопросов о власти, жизнеобеспечении общества, а значит – проблем безопасности, развития, справедливого порядка, регулирующего реализацию интересов социальных акторов. При этом следует различать политику (*policy*), как конкретное решение, программу действий по решению проблем, реализации интересов, как конкуренцию различных идей, целей, интересов, например, в связи с легализацией нового закона, нормы, положения, и политику (*politics*) – как борьбу за получение и удержание власти.

При этом, однако, центральным, системообразующим политический опыт является феномен и идея власти, которая не сводится к формированию и развитию государства. Политическое существовало до возникновения государства, оно проявляется в отношениях между различными организациями, в гражданском обществе, в межличностных отношениях.

Таким образом, политическая культура включает в себя целый ряд компонентов:

- политические институты, включая собственно политическую систему государства, порождения и функционирования законодательной, исполнительной и судебной власти, политических партий и групп интересов, процедуры принятия политических решений, политической самоорганизации гражданского общества.
- политическое поведение, включая формы политического участия, профессиональной политической деятельности, традиции, практику правоприменения, разрешения конфликтов;
- политическое сознание, совокупность политических идей, знаний, убеждений, представлений, мнений.

Человек как социальное существо не принадлежит абстрактному обществу вообще. Его социальность всегда реализуется в конкретных общностях: семье, дворовой компании, компании школьных сверстников, трудовом коллективе, профессиональной группе. И для каждой из таких общностей характерны свои нормы, ценности, традиции и герои, предания и легенды, нередко – язык или жаргон. Культура всегда предстает не монолитным единством, а единством многослойным, многоукладным, наполненным пестротой быта нравов, обычаев. Люди всегда входят в некие профессиональные, возрастные, региональные и прочие сообщества, образующие «субкультуры». Субкультуры, выступая промежуточным звеном между личностью и обществом воздействуют на сознание человека, на его эмоциональную жизнь. В этом процессе огромную роль играют образцы, личный пример, подражание,

формирующие представления о допустимом и недопустимом, правильном и неправильном, справедливом и несправедливом, честном и бесчестном.

Политическая культура реализуется на нескольких уровнях: как национальная политическая культура, как региональные политические культуры и как политические субкультуры, различающиеся, прежде всего, в зависимости от политических взглядов, убеждений и целей людей.

В политическом плане наиболее значимыми являются некоторые профессиональные субкультуры (бизнеса, чиновничества, военных, научного экспертного сообщества), возрастные (молодежь, ветераны и пенсионеры). Значимость их определяется как электоральными возможностями, так и другими формами социального капитала. Своей спецификой обладают и субкультуры политической элиты, иногда сознательно отделяющие себя от общего социума местом проживания, формами досуга, системой образования и т. д.

В целостной системе культуры общества политический опыт играет особую роль, обеспечивая совокупное единство этой системы. Политика в чем-то аналогична медицине. Так же как целью медицины является обеспечение здоровья (целостности) организма, так и целью политики является обеспечение здоровья (целостности) социума (общественного «организма»). Более полное содержание аналогии см. Табл. 1

Таблица. 1.

Аналогия медицины и политики

<i>Реальность («лаборатория»)</i>	<i>Суд, оценка («клиника»)</i>	<i>Политическая власть («здравоохранение»)</i>
Фактические данные	Помощь, консультация любому	Доступные формы политического участия, самоорганизации (доступные населению услуги)

<p>Конфликты</p> <p>- Интерпретация: сведение единичного и общего (квалификация), использование терминов, нарративы, аргументация - Решение (practical reasoning), риск, т.к. при дефиците времени и информации - Реализация решения = Событие</p>	<p>Кодекс правил, норм, присяги, клятвы</p>	<p>Корпоративность профессионального сообщества, политического класса Обеспечение справедливости, дистанцирование в позиции «Третьего»). Не м.б. беспредельного сострадания</p>
<p style="text-align: center;">Доверие</p> <p>Больной хочет выздороветь и имеет право знать диагноз и лечение.</p> <p>Гражданин хочет решить проблему и знать способ ее решения</p> <p style="text-align: center;">Риск</p> <p>Больной не должен требовать бессмертия</p> <p>Гражданин не должен требовать решения исключительно в свою пользу.</p>		<p>Врач стремится излечить и сохранить тайну.</p> <p>Власть хочет разрешить конфликт (проблему).</p> <p>Врач не должен злоупотреблять слабостью, незнанием и зависимостью больного.</p> <p>Власть (суд) не должна злоупотреблять зависимостью гражданина.</p> <p>Необходимость гражданских инстанций, перед которыми исполнительные институты несут ответственность. Публичность, прозрачность. Роль СМИ.</p>

Это означает, что политика – не просто одна из подсистем социальной культуры, а одновременно, при этом и некий ее системообразующий принцип. Тем самым политическая культура:

- обеспечивает воспроизводство политической жизни, ее преемственность и развитие;
- участвует в социализации личности, усвоении ею норм и ценностей политической жизни конкретного общества, открывая личности возможность участвовать в жизни общества, реализовывать свои интересы в соответствии с принятыми политическими нормами, правилами;
- способствует обретению личностью сопричастности политической общности;
- выступает средством консолидации социальных сил и общества в целом.

В анализе и изучении политической культуры, таким образом, важны не только ценностные ориентации в поведении – в характере политической культуры необходимо учитывать также роль норм, институтов, политической системы, неоднозначность взаимоотношения политической культуры и политической системы, их взаимовлияние. Важны также учет динамики политической культуры, различных темпов ее регионального развития, наличие и роль этнических, религиозных, возрастных, гендерных субкультур.

Тем самым, на первый план в формировании и развитии политических культур выходят:

- ценностно-нормативные факторы формирования и развития общества

- стадии институционализации ценностно-нормативных комплексов культуры

- взаимосвязь политических и деловых национальных культур с субкультурами, включая организационные и корпоративные культуры.

Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации.

Политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А, поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, то и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей. Поэтому нередко под политической культурой понимают политическое поведение в зависимости от ценностных ориентаций. Так, Т.Парсонс и Э.Шилз определили политическую культуру как систему ценностей, глубоко укорененных в сознании мотиваций (ориентаций и установок), регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике. Р. Карр и М. Бернштейн определили политическую культуру как установочную и поведенческую матрицу, способ политического поведения социальной группы и природу политических верований и ценностей ее членов.

Современное значение термина «политическая культура» в 1956 г было предложено Г.Алмондом – «как специфические модели ориента-

ций на политические действия».¹ В 1963 году Г.Алмондом и С.Вербой была предложена типология политических культур, выработанная ими на основе анализа политических систем Великобритании, Италии, Мексики, США и ФРГ), и которая традиционно рассматривается в качестве базовой в анализе политических культур. Политическая культура, по их замыслу, может быть представлена как «специфическое распределение типов ориентаций (patterns of orientations) по отношению к политическим объектам среди членов той или иной нации»². Понимаемую таким образом политическую культуру можно «измерять» с помощью репрезентативных опросов, проводить сравнительные межстрановые и кросс-темпоральные исследования, подвергать полученные результаты статистическому анализу с целью проверки гипотез и т. д. Возможность применения количественных методов считается несомненным преимуществом данной концепции. Кроме того, данный подход позволяет изучать политическую культуру во всей ее сложности, выявляя сосуществующие в обществе субкультуры и фиксируя их соотношение и динамику.

Г.Алмонд и С.Верба выделяли три чистых типа политических культур:

- Приходская, патриархальная (parochial culture) – ориентация на жизнь рода, деревни, округа, конфессии, отсутствие интереса к политике, политической жизни.
- Подданническая (subject culture) – пассивное и отстраненное отношение к политической системе, без стремления изменять что-либо, участие в политической жизни (в т.ч. – сознательно) «по традиции», «ритуально».
- Участническая (participant culture) – активистский тип, где гражданам проявляют интерес к участию в политической жизни, стремятся направлять деятельность власти, воздействовать на нее, используя законные способы влияния, включая протесты.

Чистые типы в реальной политической жизни встречаются чрезвычайно редко. Чаще имеет место их смешение, наслоение, распределение по субкультурам. Например, представители делового мира или также молодежь, могут демонстрировать активную культуру участия, тогда как некоторые другие группы (профессиональные, возрастные,

¹ Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol.18. №3. P. 396.

² Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. London, etc., 1989. P.13. (Впервые опубликовано в 1963 г. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963). См. также: Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры. (I) // Полития, №2 (57) 2010, С. 122-144.

этнические, гендерные, региональные) могут склоняться к культуре приходского типа. Оптимальной Г.Алмонд и С.Верба полагали смешанный тип – «культуру гражданственности», свойственную Великобритании и США, с соотношением чистых типов 1:3:6. Для модернизирующегося авторитаризма такое соотношение будет 3:6:1, а для демократии, установленной сверху 55:40:5.

Эта интерпретация давала возможность операционализации концепта политической культуры, и что немаловажно – использования количественных методов измерения политических культур. Тем не менее этот подход уязвим для критики.

Во-первых, он основан на интерпретации культуры как системы ценностных ориентаций вне учета факторов, порождающих эти ориентации. Политическая культура понимается как *совокупность социально-психологических свойств (мотиваций), которые проявляются на индивидуальном уровне*, будучи следствием сходного политического опыта или исторических условий социальной группы. Такой подход свойствен методологическому индивидуализму, доминирующему в англо-американской политической науке. Именно он и был реализован Г.Алмондом и С.Вербой вполне в парсоновском стиле: а именно, как политическая система интернализуется (переводится в субъективный план сознания личности) в когнитивных представлениях, чувствах и оценках населения.

Во-вторых, в рамках таких представлений трудно показать связь между социально-психологическими установками индивидов и развитием политических институтов. При этом, культурные измерения политики отнюдь не сводятся к психологическим феноменам, ориентациям.

В-третьих, такой подход игнорирует различия исторического контекста и носит отчетливо оценочный (если не апологетический) характер, определяя степень близости к поведению, свойственному гражданам развитых демократий. Авторы не учитывали различные исторические и общекультурные традиции, а так же разную смысловую нагрузку терминов, что приводило к парадоксальным выводам: так, получалось, что политическая культура США и Великобритании во многом сходна с культурой СССР с его активностью граждан на выборах. Действительно, если к понятию культуры участия подходить формально, то к ней можно отнести и культуру подданническую, которой может быть свойственна большая степень участия, которое может быть навязанным, как это было, например, в том же СССР. Другой разговор, что это участие было не добровольное и не гражданское:

низкий интерес и высокое участие могут сочетаться только в случае принуждения или ритуализации. Но заложенные в модели критерии эту специфику не улавливают.

Позже Г.Алмонд предложил другую типологию, разделив политические культуры на два типа: поляризованный и консенсусный. Однако эта типология тем более нуждалась в конкретном наполнении ее характеристик относительно проблем и природы поляризации и консенсуса (интеграции) социума. А главное – этот подход также оставлял политической культуре статус сугубо психологического феномена, не выходящий за рамки, в лучшем случае, социальной психологии.

Впоследствии базовая концепция была дополнена и развита У.Розенбаумом,³ дополнившим ее видами ориентации на политические объекты:

- относительно институтов государства (относительно политического режима, реакции на его решения);
- относительно «других» (политическая идентичность, доверие, отношение к «правилам игры»);
- относительно собственной политической деятельности (политическая компетентность и активность).

По степени консенсуса в обществе между его членами касательно вопросов политического устройства и определения правил политической «игры», У. Розенбаум выделил два крайних положения общества для такой модели: фрагментарное и интегрированное общество. Для фрагментарного общества по У.Розенбауму характерно: отсутствие какого-либо единого согласованного решения касательно политического устройства страны, следующее из этого нестабильное положение правительства, минимальный уровень доверия между общественными группами, отсутствие всеми принятых процедур улаживания социальных конфликтов. Для интегрированного типа общества характерно прямо противоположное: развитое гражданское общество, непротиворечивость и согласованность политических идентификаций, улаживание возникающих социальных конфликтов при помощи гражданских процедур, высокий уровень доверия среди общественных групп, лояльность в отношении существующего политического режима, а также низкий уровень политического насилия. Что примечательно, такой тип политической культуры присущ и поддерживается в странах с высоким уровнем образования и материальной обеспеченности граждан.

³ *Rosenbaum W.A. Political Culture: Basic Concept in Political Science. N.Y., 1975.*

Эти идеи были дополнены в 1980-х Д.Каванахом⁴, предложившим различие гомогенных (однородных) политических культур, которым свойственно единство общества, толерантность, и культур фрагментарные с их конфликтной оппозиционностью субкультур. Помимо двух чистых типов, Д.Каванах выделил «смешанную» политическую культуру, которая обладает ценностными ориентациями, отличными от ценностей и норм установленного режима, а также «искусственно гомогенную» политическую культуру, которая характеризуется своим подданническим характером, одновременно соединенным с мобилизованным участием. Данная типология носит отчетливо выраженные черты теории *ad hoc* – подгонки под классическую типологию и одновременно – под ту реальность, которая в нее не укладывается.

В 1990-х гг. голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс предприняли попытку усовершенствовать типологию Г.Алмонда и С. Вербы, выделив три переменные: интерес к политике, легитимность и участие.⁵ Каждый из этих факторов был операционализирован и при измерении классифицирован на высокие, средние и низкие показатели. По результатам комбинаций измерений признаков авторами были выделены пассивные и активные политические культуры. Тем самым была сохранена преемственность с идеей Г.Алмонда и С. Вербы, что основной функцией политической культуры является регулирование активности политического участия, а основание для классификации политических культур – суть активность политического поведения.

Такой подход стал очевидным вкладом в операционализацию традиционного понимания политической культуры. Хотя и он оказался достаточно уязвим для критики. Так, вряд ли приходская культура обладает низкой легитимностью. Она соответствует авторитарному режиму и традиционной легитимности, где доверие не зависит от политической компетентности носителей этой культуры. Скорее можно говорить о комбинации низкого интереса, высокой легитимности и низкого участия. Наверное, нельзя отрицать и вариант, в котором все индикаторы могут иметь низкие значения: его можно рассматривать как «нулевой» уровень развития политической культуры, как политическое бескультурье. Более того, в этой типологии, Кроме того, в предложенной типологии автономная политическая культура

⁴ *Kavanagh D.* Political Science and Political Behavior. London: Allen & Unwin, 1983.

⁵ *Heunks F., Hikspoors F.* Political culture 1960-1990 // Values in Western Societies /ed. by de Moor R. Tilburg, 1995, p. 51-82.

и политическая культура участия оказывается вариантами протестной – средний или высокий интерес, низкая легитимность, высокое участие. Но протестной культуре свойствен больший интерес, чем заложен в типологию. У протестующих по определению не может быть низкого интереса к политике, т.к. протест является и результатом этого интереса и стимулом для реализации нового интереса.

Таким образом, *в развитии традиционной модели политической культуры четко прослеживается тренд к накоплению ad hoc и выходу за рамки социальной психологии.*

Попытки преодолеть сугубо психологическое понимание политической культуры как ориентации политического поведения индивидов предпринимались неоднократно. Можно выделить в этой связи две тенденции.

Первая тенденция связана с «социентальным» подходом к рассмотрению политической культуры как характеристики социальных групп, которая укоренена в социальных практиках и функционировании институтов. В этом случае в центре внимания оказывается влияние экономических и правовых факторов развития политической культуры. Примерами прослеживания такой взаимосвязи могут служить как ранние работы советских марксистов, в которых политическая культура сводится к политической системе, так и более зрелые работы отечественных обществоведов и историков⁶. За рубежом также предпринимались попытки сведения политической культуры к политической системе.⁷ Другим примером преодоления субъектно-психологического понимания политической культуры является институциональный подход.⁸ Однако, в контексте развитости в политических науках понятий «политическая система», «политическая структура», «политические организации», идея политической культуры как их аналога оказалась излишней.⁹

⁶ Пивоваров Ю. С. Политическая культура: Методологический очерк. М.: ИНИОН, 1996; Пивоваров Ю. С. Русская политическая культура и political culture: (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. №3. С. 23–50; Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М.: Наука, 1992.

⁷ Формизано Р. Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7. №3. С. 111–146. Kim Y. C. The Concept of Political Culture in Comparative Politics // The Journal of Politics. 1964. Vol. 26. N 2. P. 313–336; Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979; Боднер А. Политическая культура общества и ее обусловленности // Политология вчера и сегодня. М., 1990, с. 216–229.

⁸ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в Современной Италии / Пер. с англ. Захаров А. М.: Ad Marginem, 1996.

⁹ Дука А. В. Политическая культура – поиски теоретических оснований. // ПОЛИТЭКС. 2006, №1, с.7–30.

Вторая тенденция связана с рассмотрением различных уровней политических культур. На макро-уровне это может быть не только рассмотрением «национальные политические культуры» вроде либо политико-исторических описаний, либо концепций типа «духа нации» И.Гердера¹⁰ или русских славянофилов.¹¹ Более продуктивным в этом плане представляется подход Г.Хофстеде¹² и Р.Льюиса¹³, предложивших типологии национальных деловых культур, которые выработаны на основе анализа практики международных и кросс-культурных коммуникаций. Более того, важно также различие между основной политической культурой и субкультурами определенных социальных групп и регионов, которые отличаются от доминирующей в обществе культуры: классовые, этнические, религиозные, региональные политические культуры.

На микро-уровне политической культуры существуют специфические культуры политических организаций: государственных учреждений, политических партий, общественных, некоммерческих организаций и т. д. В этом плане открывается перспектива использования хорошо развитых типологий корпоративных (организационных) деловых (бизнес) культур.¹⁴

В этой связи можно говорить, что главная проблема концептуализации политической культуры заключается в интеграции ценностно-психологического и институционально-социологического подходов. Кроме того, такая интеграция должна открывать возможность единого анализа политической культуры на макро- и микро-уровнях.

¹⁰ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.

¹¹ См. также : Emmerson D. K. Indonesia's Elite: Political Culture and Cultural Politics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1976; Emmerson D. K. Indonesia's Elite: Political Culture and Cultural Politics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987.

¹² Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd Edition, Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2001; URL: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml; Hofstede G., Hofstede G.J., Michael Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd Edition, McGraw-Hill USA, 2010; URL: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml; Hofstede G., Hofstede G.J., Michael Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd Edition, McGraw-Hill USA, 2010.

¹³ Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М., 1999.

¹⁴ Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. – СПб., 2001.

URL: <http://corpculture.ru/content/tipologiya-korporativnykh-kultur-k-kamerona-i-r-kuinna>; Шихирев П. Н. Введение в российскую деловую культуру. – М., 2000.

Таким образом, речь идет о необходимости реализации междисциплинарного (мультидисциплинарного) подхода, открывающего перспективы единой концептуализации ценностно-мотивационного и нормативно-институционального анализа политической культуры на ее макро- и микро-уровнях. Такой интегральный мультидисциплинарный подход должен сохранять возможность операционализации понятия политической культуры, использования количественных методов ее измерения и рассмотрения ее динамики.

Именно в этом и состоит главная цель этого раздела – предложить модель политической культуры, интегрирующую в целостное единство ценностный (психологический, мотивационный) и нормативный (институциональный) подходы в трактовке политической культуры. И крайне желательно, чтобы такая модель обеспечивала операционализацию существенных характеристик политической культуры.

Забегая вперед, можно сказать, что такая предлагаемая модель основана стимулирована идеями и результатами многолетней международной программы исследований World Value Survey, осуществленной Р.Инглхартом и его коллегами¹⁵, неоинституционализмом Д.Норта¹⁶, рядом идей П.Сорокина¹⁷, Г.Шека¹⁸, П.Рикера¹⁹. Первый набросок такой модели был опубликован ранее в ряде статей.²⁰

Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры.

Представляется полезным обратиться к концептуальному опыту общей теории культуры (культурологии), в которой выработано (и доминирует) понимание культуры как внешнего «кода», усваиваемого лично-

¹⁵ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

¹⁶ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ, 2010; Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Ин-т Гайдара, 2011.

¹⁷ Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

¹⁸ Шек Х. Зависть. Теория социального поведения. М., 2010.

¹⁹ Рикер П. Справедливое. М.: Логос, 2005.

²⁰ Тульчинский Г.Л. Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза. // *Философские науки*. 2013, №1, с. 24-38; Тульчинский Г.Л. Политическая культура как ресурс и барьер развития российского общества. // *Россия: тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 7, Часть II. М.: ИНИОН РАН, 2012, с.395-401. Тульчинский Г.Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре. // *Человек, культура, образование*. 2011, №2, с.5-14.

стью. В этом случае акцент переносится из субъективного плана в объективный, открывая возможность рассмотрения их взаимодействия, позволяя выявлять и отслеживать причинно-следственные отношения в формировании и развитии политической культуры, что, как следствие, открывает возможность воздействия на эти процессы. Действительно, если рассматривать культуру как нечто, формирующее личность, ее оценки, отношения и установки, то целесообразно сначала рассмотреть само это нечто, его содержание и структуру. И очевидно, что это «нечто» имеет социальную природу, связано с регулирующим воздействием социума на личность. В культуре и с помощью культуры реализуются как социальность личности, так и личностность социума, который существует только благодаря индивидам-носителям определенной культуры.

Политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. И в самой истории формирования и использования концепта политической культуры можно обнаружить, с одной стороны, — ее чрезвычайно перспективное ядро, позволяющее строить достаточно ясные модели, а с другой, — на этой основе проследить четкие и конструктивные перспективы междисциплинарных исследований.²¹

Без опоры на реальное знание реального исторического опыта, механизмов его порождения, хранения и трансляции, конкретных социально-культурных технологий, учитывающих это знание, принятие решений и попытки их реализации оказываются не только малоэффективными, но и усугубляющими негативные тенденции развития общества. В полной мере относится это и к проблеме социальных институтов, необходимости институциональной модернизации. Социальные институты в политике являются продуктом институционализации, т.е. возникновения, роста, «кристаллизации», а то и выращивания из социально-культурного бэкграунда. Именно так поступал в свое время Петр I, а в новейшее время Ли Куан-ю в Сингапуре.

Конкретизировать представление о динамике политических институтов можно с помощью понятия нормативно-ценностных систем деятельности как подсистем социальной практики.²² Нормативно-ценностные системы (НЦС) определяются:

²¹ *Тульчинский Г.Л.* Этапы политической институционализации: от идеи к институту. // Политические институты в современном мире. СПб: Аллегро, 2010, с.358-360

²² *Тульчинский Г.Л.* Идеи: источники, динамика и логическое содержание //История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. — СПб, 2001, с.28-58.

- во-первых, ценностным компонентом, который складывается из предмета, целей и средств деятельности;
- во-вторых, нормативным компонентом (правилами, регулирующими осуществление деятельности);
- в-третьих, поскольку речь идет о системах социальной практической деятельности, способом организации коллективной деятельности социального субъекта.

Понятие НЦС позволяет раскрыть механизм культуры как системы внебиологического наследования опыта и информации, как системы хранения и трансляции идей. Именно НЦС выступают в качестве «социальной памяти», «исторической коллективной памяти», «надындивидуальной системой информации» и т. д. В процессе жизнедеятельности человек участвует в самых различных НЦС. Практически вся социально-практическая деятельность может быть представлена как совокупность НЦС в сфере производства, быта, отдыха, науки и т. д. Важнейшую роль играют НЦС политики, поскольку их функцией является обеспечение целостности и успешного развития не только их самих, но и общества в целом.

Понятие НЦС позволяет преодолеть «дилемму» феноменологизма (психологизма) и трансцендентализма, концептуализма и менеджеризма в динамике политических институтов. В НЦС сопрягаются функционально-деятельностные, идеологические и социальные (организационные и личностные) факторы формирования и развития политической сферы. НЦС формируются, дифференцируются и специализируются по мере развития цивилизации и специализации видов деятельности.

Особый интерес представляет рассмотрение социальной организации НЦС как общностей людей. Они могут иметь формальную (т.е. определенную закрепленными функциями и связями, правами и обязанностями, инструкциями, отношениями координации и субординации, средствами контроля и стимулирования) и неформальную (основанную на межличностных взаимоотношениях) организационную сторону деятельности.

При рассмотрении НЦС под этим углом зрения выявляется динамика развития форм организации НЦС, каждая из которых проходит путь от нерегулярной случайной общности людей (типа «тусовки») до формирования социальных институтов, являющихся наиболее развитой формой организации НЦС. Характерными чертами социальных институтов являются:

- то, что они возникают на стадии достаточно дифференцированной общественной практики, когда на основе разделения труда выделяются НЦС, связанные с достижением социально-значимых целей;

- то, что в этих НЦС доминирует формальная сторона организации, закреплённая в специальных положениях, уставах и т. д., регламентирующих функционирование систем;
- то, что функционирование таких систем обусловлено сложившимися экономическими, правовыми социальными отношениями.

Первопричина динамики и дифференциации НЦС социальной практики – разделение и специализация этой практики, обусловленные развитием цивилизации. Действие этой причины проявляется в трех основных аспектах институционализации НЦС: во-первых, в способе осмысления действительности, осуществляемого в данной НЦС; во-вторых, в способе и уровне организации взаимодействия участников данной системы, т.е. ее социальной организации; и в третьих, в отношении данной НЦС к среде, т.е. к другим, внешним по отношению к ней НЦС.

Особую роль играют взаимодействие и взаимосвязь указанных факторов становления и развития НЦС. До самого последнего времени наука, искусство, политика и другие формы «общественного сознания» изучались философией, тогда как их социально-организационный аспект изучался социологией науки, социологией искусства и т. д. Разрыв в рассмотрении смысловых и социально-организационных сторон социальной деятельности приводит к существенным методологическим трудностям. Так, рассмотрение идей и их смысловых структур при отвлечении от социально-организационных аспектов чревато в методологии науки интернализмом, в искусствоведении – формализмом, в политике – догматизмом. При этом социальная сторона явлений сводится к отношениям коммуникации, т.е. информационному взаимодействию, дискурсивной практике – не более.

Однако существование и развитие определенных видов деятельности не могут объясняться и только с точки зрения их социальной организации. Уже давно отмечена соотносительность решений (в научной, политической и любой другой деятельности), являющихся процессом и результатом концептуальной деятельности сознания, и решений организационных, необходимых для реализации первых. Аналогично не может браться в отвлечении от смысловой и социально-организационной сторон третий аспект, связанный с проблемой социальной значимости определенного вида деятельности как оценки ее со стороны общества, обеспечивающего эту деятельность материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами.

Смысловой (идеологический) и социально-организационный факторы взаимодополняют и взаимопровоцируют друг друга. Их динамическая взаимосвязь предстает «историей» формирования и развития соответствующих НЦС – от объединения людей, связанных общностью целей и осмысления к зрелым и разветвленным социальным институтам, в которых эти цели и осмысление закрепляются как социально значимые и нормативные.

Будучи целевыми общностями, НЦС объединяют людей в формальные и неформальные организации в целях некоторой практической деятельности. Предпосылкой и условием успеха этой деятельности является относительно единый способ осмысления действительности всеми участниками деятельности. Смысловой аспект институционализации НЦС выражается в некотором нормативном понимании, которое определяет не только общность цели деятельности, но и общность восприятия предмета деятельности, его анализа и т. п. Когерентное понимание (осмысление) наличествует в любой НЦС. Различия заключаются только в форме и степени его выраженности. Это может быть и простая общность психологической установки, и не вербализуемое знание, и формальная экспликация в виде учебников, манифестов, положений, программ. Когерентное понимание задается общностью целей, предмета и правил деятельности.

Способам осмысления действительности соответствуют «сгущения» людей, занятых ее освоением в данном виде деятельности. Поэтому организация деятельности в каждый момент времени соответствует достигнутому обществом объему и специфике освоения мира, характеризует степень разделения и специализации.

Взятая как процесс, в единстве смыслового и социально-организационного аспектов идей, динамика их институционализации предстает осуществляемой в несколько стадий:

1. Стадия выработки нового осмысления. Характеризуется минимальной степенью организации. Коммуникация участников носит спорадически случайный и во многом лично-доверительный характер;
2. Стадия выработки когерентного понимания (коалиция). Характеризуется несколько большей устойчивостью связей и отношений между специалистами, которые начинают выделять себя как группу единомышленников. Подобная избирательность в общении «уплотняет» коммуникацию, хотя само общение носит слабо регламентированный характер – типа «тусовки».

3. Стадия парадигмы. Общение начинает носить систематический характер семинаров, конференций, переписки, обмена научными материалами на ранних стадиях (рукописи, препринты, заявки). Делаются попытки выработать программные материалы, прорваться в СМИ. Выдвигаются лидеры мнений. В наше время особую роль играют информационные технологии web 2.0 и 3.0 (сетевые сообщества, wiki и т. п.)
4. Стадия сплоченной группы (ассоциации). На этой стадии когерентное понимание уже фиксируется участниками деятельности в явной форме программного заявления. Коммуникация становится все более ограниченной рамками группы, в которой выделяются признанные лидеры, между которыми может существовать разделение сфер влияния. Лидер выступает центром, вокруг которого формируется группа. Именно он обычно выступает с программным заявлением, обеспечивает селекцию и интерпретацию информации. Важным моментом на этой стадии являются успех и социальное признание. Они свидетельствуют о развитии группы и обеспечивают социальный престиж (имидж) ее деятельности, а значит и постоянный приток сторонников. Их привлечение достигается обычно с помощью пропагандистской и популяризаторской деятельности, public relations, осуществляемых обычно либо самим лидером, либо под его контролем. Этой цели могут служить СМИ, интернет, семинары, конференции. Нередко создаются специальные центры, школы, курсы подготовки. Явным становится отличие деятельности данной группы от материнской НЦС: группа становится либо элитарной, ведущей в материнской НЦС, либо «мятежной», отвергающей ортодоксальные установки. Причем во втором случае деятельность группы может оказаться либо тупиковой, либо дать начало новой традиции. По некоторым оценкам для «прорыва» старой традиции необходима группа около 20 человек, а для создания новой традиции, движения – от 500 до 1000 человек.
5. Стадия формализации. На этой стадии в НЦС фиксируется формальная организационная структура. НЦС становится юридическим лицом, проходит регистрацию, обеспечивает финансирование, трудоустройство функционеров, стимулирование деятельности профессионалов, формируется писанный кодекс поведения (устав, положения, должностные инструкции). Все прогрессирующая рутинизация деятельности зача-

стью приводит к формированию в ее недрах нового смыслового сдвига, развитие которого может привести к дальнейшей дивергенции системы, формированию фракции, отделения нового движения.

Аналогичные стадии проходит развитие идей в науке, искусстве, религии, бизнесе. Совсем не обязательно, чтобы каждая НЦС проходила все указанные стадии институционализации. Возможна стагнация на каждой из указанных стадий. Далеко не каждой НЦС удастся развиться даже в стадию сплоченной группы, не говоря уже о наиболее развитой стадии формального социального института.

Роль смыслового и социально-организационного аспектов институционализации в их динамике различна. На первых этапах ведущую роль играет смысловой, неформальный аспект, на поздних – формальный. Однако раз возникшее осмысление неизбежно вызовет те или иные формы социальной организации лиц его разделяющих – вплоть до в той или иной степени «борьбы за чистоту рядов». Разумеется, возможна ситуация, когда достаточно развитый организационный аппарат объединяет людей, не разделяющих единое осмысление, но это лишь будет свидетельством, что у истоков такой социальной организации некогда стояло когерентное осмысление «отцов-основателей».

Смысловой и социально-организационный аспекты институционализации НЦС политики выражают различные стадии зрелости и становления деятельности. Развитие идей предстает динамикой НЦС от идей на уровне личностного осмысления к формированию до полной институционализации программы социальной деятельности, лежащей в ее основе. Тем самым, в формировании и развитии социальных политических институтов теснейшим образом оказываются взаимосвязанными не только идейный и социологический, но персонологический, этический и организационный компоненты.

Поэтому анализ политической культуры не может ограничиваться рассмотрением только психологических феноменов. Вне выявления объективных факторов формирования политических ориентаций общество попадает в замкнутый цикл воспроизводства политической культуры, становящейся барьером развития. Необходим учет широкого спектра факторов объективного характера: от реального поведения, опыта повседневности, социальных практик традиций до институциональной среды, включая право... Это позволяет не только учитывать роль политической культуры в выработке и проведении решений, проектов, программ, но и возможности управления развитием самой политической культуры.

В этом плане новые перспективы открывает ценностно-нормативная модель социогенеза, которая не противопоставляется традиционному подходу или его альтернативам, а может рассматриваться как их обобщение и систематизация.

Политическая культура суть проявление социогенеза, в контексте его ценностно-нормативного, институционального содержания. В этом плане культура выступает системой порождения, хранения и трансляции социального опыта. Такой подход позволяет обобщить ценностный (культура как система ценностей), нормативный (культура как система норм, правил, традиций), деятельностный (культура как способ жизни) и «человекотворческий» (культура как «машина» социализации) подходы к пониманию культуры. Соответственно и политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, постольку и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей. Но не только. Культура – не только и не столько некий ментальный план, сколько именно фреймовая структура образа жизни конкретного социума, соответствующего социального опыта.

К базовым ценностям социогенеза, прежде всего, относится **безопасность**, позволяющая преодолеть угрозы физическому существованию, прочие страхи и неопределенности довольно широкого плана. Именно стремление к менее опасному обеспечению питания, продолжению рода и другим жизненным ресурсам, лежит в основе образования обществ, групп самого различного уровня. Учет этого обстоятельства широко используется в политической практике. И это отнюдь не только обеспечение внешней и внутренней безопасности (военной, экономической, информационно-пищевой и т. д.), что является очевидной и главной функцией государства. Общеизвестны и практики игры на этой ценности, формирование образа внешнего или также внутреннего врага, некоей опасности, перед лицом которой обществу следует сплотиться вокруг мудрого руководства. Подобное манипулирование, а то и хорроризация общества давно и успешно освоены политическими элитами. И не случайно – консолидировать, сплотить общество перед лицом некоей опасности гораздо легче, чем на конструктивной позитивной основе.

При этом, в любом социуме – в любой форме и на любом уровне – с самого момента его возникновения с неизбежностью возникают проблемы признания, оценки, предпочтения, доминирования и по-

давления, связанные с ними конфликты, переживания обид, зависти и ressentimenta.

Следует подчеркнуть важность и концептуальную смелость фундаментальной работы Х.Шека «Зависть. Теория социального поведения» этой. Тема зависти и ressentimenta была одной из ведущих в социальной и политической философии конца XIX – начала XX столетий. Достаточно вспомнить то значение, которое уделялось этой теме Ф.Ницше, А.Шопенгауэром, М.Шелером. То, почему зависть и ressentiment стали «белым пятном» в философии прошлого, да и начала нынешнего столетий, Х.Шек объясняет торжеством либеральной демократии, которую он рассматривает как институционализированную зависть, использование ее энергетики в конструктивных целях.

Именно с разрешением проблем зависти и ressentimenta, так или иначе, но связаны возникновение и роль второй базовой ценности социогенеза – **справедливости**. Реализация этой ценности порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы социализации личности: от морали и права до социально-культурных эмоций чести, гордости, стыда, смеха...

Однако сами эти представления и институты могут рассматриваться некоторыми представителями общества как несправедливые. Тем самым возникает импульс к пересмотру, динамике норм и правил. Поэтому важно отметить, что справедливость реализуется по двум направлениям. Первый вектор справедливости связан с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второй – связан с возможностями динамики этих институтов, вызываемых творчеством, самореализацией, инициативой отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

В традиционных обществах, т.е. обществах, основанных исключительно на воспроизведении норм и традиций, доминирует первый вектор. Носители творческих инициатив рассматриваются в таком обществе как нежелательные девианты, по отношению к которым применяются различные санкции вплоть до наказаний, изгнания, а то и казни. История убедительно демонстрирует, что современники и соплеменники сплошь и рядом воспринимают творцов-«инноваторов» нарушителями завета предков, установленных норм, зовя к ним то ли полицию, то ли врача. Более того, в таком обществе доминирует представление о коллективной ответственности, потому что индивид понимается, прежде всего, как представитель конкретного социума (рода, племени, клана).

Именно то обстоятельство, что «нет пророка в своем отечестве», побуждает творцов-инноваторов искать справедливость и удачу

в других краях, городах и весях, где к ним относятся как к «иным», чужакам, маргиналам, что парадоксальным образом, но позволяет им, зачастую добиваться больших результатов, чем «туземцам». Факт этот тоже слишком хорошо известен. Важным условием успеха инновационных проектов является горизонтальная мобильность, возможность перемены места жительства. И в связи с этим, становится понятной модернизационная роль городов и нынешнего тренда к агломерациям: именно в городах накапливается их критическая масса, которая и становится социальной базой модернизационного развития.

Традиционное общество обходится, таким образом, двумя указанными базовыми ценностями. Для обеспечения консолидации и социализации ему достаточно обеспечения безопасности и справедливости. И политической власти, государству для обеспечения легитимности. В таком обществе вполне достаточно апеллировать к безопасности и справедливости. Однако, если общество оказывается заинтересованным в развитии и творчестве, делая ставку на второй вектор справедливости, в нем формируется еще одна базовая ценность – **свобода**, связанная с возможностями самореализации, индивидуальной ответственности.

Не всякое общество рассматривает такую ответственную автономность (свободу) как ценность. Большая часть истории человечества прошла в рамках традиционных обществ, в которых личная инициатива рассматривалась как девиация, нарушение завета предков. Выдающийся цивилизационный вклад христианской культуры как раз и заключается в ценностном рассмотрении свободы / ответственности личности.

Таким образом, в общем случае, ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода (см. Рис. 1).

Базовые ценности социогенеза

Рис. 1. Базовые ценности социогенеза

Причем центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки реализации как в направлении безопасности, так и свободы. Например, в случае кризиса, катастрофы, любой другой опасности, представления о справедливости резко смещаются в сторону безопасности, зачастую в ущерб личным правам. Однако, по мере политической, экономической стабилизации, на первый план начинают выходить права личности, их гарантии, условия самореализации и т. п.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами многолетнего международного исследования World Values Survey, ведущегося с 1981 под научным руководством Р.Инглхарта и охватившего более 80 стран. Согласно этим результатам, индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей жесткой этническо-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным). Следующий переход – от «материальных» ценностей физического выживания («жадности и подозрительности») к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности...). Это позволило авторам программы WVS сделать вывод, что в 1970-1990-х годах в странах с наиболее развитой экономикой произошла «тихая революция», названная научным руководителем этой программы Р.Инглхартом «переходом к постматериализму». Имеется ввиду стадия модернизации, обеспечивающая новый уровень качества жизни, гарантирующий материальное благосостояние, уверенность в завтрашнем дне, образование, здравоохранение, экзистенциальную безопасность от угрозы войны, криминала. Тем самым установки на безопасность, выживание, защищенность уступают место ориентации на самореализацию, самовыражение, личностную свободу.

«Материалистов» волнуют в первую очередь насущные потребности, связанные с выживанием, обеспечением безопасности. «Постматериалисты» ощущают относительную уверенность в том, что удовлетворение этих нужд им уже гарантировано и направляют свои силы и интересы на решении вопросов качества самореализации. Эта динамика сказывается в поколенческих ориентациях (старшие *еще* более материалисты, младшие *уже* более

постматериалистичны), на формах политической и гражданской активности. Так, «материалисты» склонны к традиционным формам (выборы, митинги, встречи с руководством, письменные обращения), тогда как постматериалисты демонстрируют большую гибкость и разнообразие, в том числе – протестной деятельности (флешмобы, сетевая активность в блогосфере, стрит-арт), концентрируясь не на идеологии, а напрямую выражая свои предпочтения по конкретным вопросам, таким как экология, охрана культурно-исторических памятников, аборт, коррупция... При этом формы протеста, связанные с насилием не пользуются массовой поддержкой, вызывают неприятие. Другими словами, по мере постиндустриальной модернизации традиционные формы политической активности, включая практики либеральной демократии, могут уступать новым, в том числе – еще недостаточно изученным формам. Иногда этот процесс ошибочно воспринимается как упадок или кризис демократии, тогда как, скорее, речь идет о ее дальнейшем развитии и гуманизации, проявлении ее сути, а не формы. Подлинная поддержка демократии возникает не в связи с учреждением (или импортом) демократических институтов, а когда люди высоко ценят и считают самоцелью гражданские и политические права, обеспечивающие возможность их ответственного самовыражения.

Более того, если поддержка демократии на ранних стадиях перехода (т.н. «трансфера») основывается на завышенных ожиданиях в политической сфере, а не убежденности в ценности свободы как ответственности как таковой, экономические неудачи могут привести к разочарованности в демократии и даже – чувству безысходности перед почти неизбежным авторитаризмом. Именно такова была ситуация в постсоветских демократиях. При этом, парадоксально, но в случае экономических успехов авторитарные режимы тем быстрее утрачивают легитимность, чем дольше им удастся поддерживать экономический рост, способствующий распространению в обществе ценностей самовыражения, а значит и – демократии. Так годы «тучных коров» (2000-2011) подготовили почву мощного гражданского протеста в РФ зимой 2011-2012 годов.

В странах же, где ценности самовыражения уже широко распространены, провалы в экономике (например, в Бельгии, Испании, Чили) не ведут к утрате легитимности демократических политических систем.

Таблица. 2.

Соотношение ценностей и типа общества

Ценности / Общество	Родо-племенное	Аграрное (феодалное)	Индустриальное	Массовое информационное
Доверие	Личное – к «своим»	Личное – к иерарху	Социальное – к суду	Социальное – к брендам
Справедливость	Своим – не чужим	По заслугам	По закону	По известности
Личность	Этнич. принадл.	Статус	Ролевая	Проектная
Собственность	Общая	Иерархическая	Частная	Сетевая рента
Свобода= ответственность	Род, племя	Вассалитет	Индивид	Точка сборки Я

Распространение секулярно-рациональных ценностей ведет к секуляризации власти, легитимность которой начинает зависеть не от традиционных религиозных верований, а от светских и рациональных представлений. И такие секуляристские представления и установки могут быть не менее не менее догматичными, чем религиозные. Так, они не всегда противоречат неограниченной политической власти – как коммунистическая или фашистская идеология.

Однако утверждение ценностей свободы, самовыражения ведет к эмансипации от власти, от любого внешнего воздействия, посягающего на личные права. В этом случае власть воплощается в самом человеке. В морально и политически автономной личности институциональная и суверенная свобода совпадают, воплощаясь в единой ответственности.

Роль справедливости, однако, связано с еще одним важнейшим обстоятельством: эта ценность выступает в качестве импульса формирования социальных институтов – как формальных, так и особенно – формальных.

Социогенез предполагает не только ценностные интенции, установки, но и реализующие их институты – неформальные и формальные. К неформальным относятся обычаи, традиции, собственно и образующие институциональную основу (background) – культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Формализованные представления о справедливости выражаются в праве, а наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство.

Неформальные институты могут дозревать до формальных институционализаций – организационных форм юридического лица, государственных органов, обеспечивающих реализацию соответствующих норм, а могут и надолго сохраняться на неформальном уровне.

Культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно – эмоционального. Политическая власть, государство – идентичность «Мы» гражданского, преимущественно рационального. Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность. И, если эта солидарность предполагает доверие, то неформальные институты этнической идентичности обеспечивают доверие «сплывающее», личностное, возникающее между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Но для относительно развитого общества, а особенно – состоящего из представителей разных этносов, конфессий, доверия сплывающего недостаточно – необходимо доверие институциональное, «наводящее мосты» между разными группами и слоями общества. Это доверие и формируют формальные институты, прежде всего – правовая культура, задающая нормативную рамку отношений и взаимодействий различных групп и слоев данного государства. Если неформальные институты задают культурно-этническую идентичность, то неформальные – гражданскую, которая и обеспечивает консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании.

На религиозный фактор обратил внимание еще М.Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Действительно, модернизацию первыми осуществили и наиболее успешно реализовали догоняющую модель после распада СССР именно протестантские страны. С другой стороны, страны ислама с его антирыночными установками, существенно отстали и отстают в экономическом развитии. А экономическому росту Турции и отчасти Египта во многом способствовали относительно длительные периоды правления светских политических режимов.

Однако, как примеры Турции и Египта, так и сопоставление развития Севера и Юга Кореи, Западной и Восточной Германии показывают, что культурный фактор по своей значимости уступает политическому и правовому режиму. Т.е. роль неформальных институтов важна, но она уступает роли институтов формальных.

Помимо прочего, формальные институты, обеспечивающие возможность развития рыночной экономики, в немалой степени способствуют концентрации социального и человеческого (а значит – и финансового капитала).

В этой связи, можно говорить, что социогенез осуществляется в пространстве пересечения ценностной и институциональной осей, реализуя конкретный специфический баланс соответствующих векторов, обеспечивающий существование и развитие данного социума. В плане возможностей модернизации и инновационного развития это выражается в тенденции к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или прогрессизму (выражающемуся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы). Эта модель представлена на рис.2.

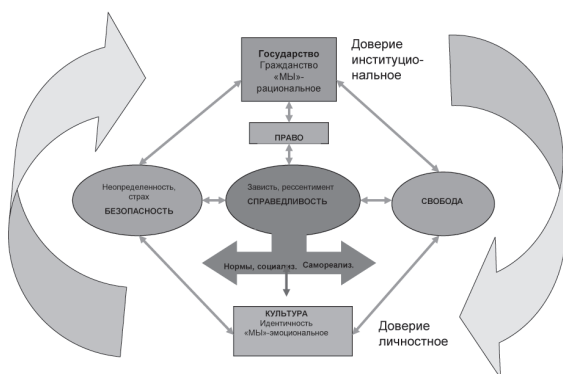

Рис. 2. Роль формальных и неформальных институтов в консолидации общества

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность-справедливость-свобода) и оси институционализации справедливости, позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Предложенная модель может использоваться для построения «профиля» конкретного общества, его политической культуры – в зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров.

Так, на кафедре прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал) с привлечением студентов предпринята серия исследований сравнительного анализа и динамики политической культуры России. Например, в исследовании А.Богдановой, с опорой на базу данных Г.Хофстеде удалось сопоставить профили политических культур различных стран, а также

динамику политической культуры РФ за последние годы (Рис.3 и Рис.4).

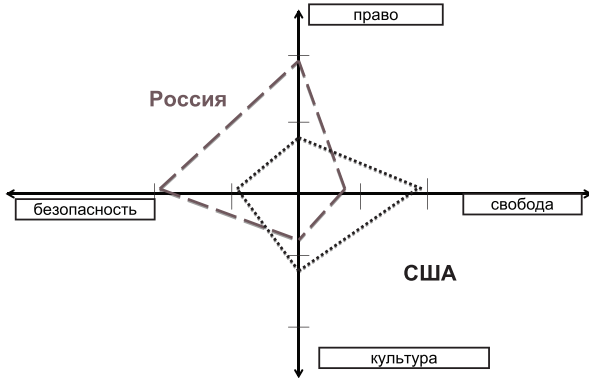

Рис.3. Сравнение политической культуры России и США (А.Богданова по данным Г.Хофстеде, 2013)

Рис.4. Динамика российской политической культуры за 2008-2011 гг. (А.Богданова, 2013 г.)

Исследование А.Камаева позволило сравнить для 12 основных социальных групп РФ профили существующей и желаемой политических культур. Ниже на Рис.5 приведены суммированные профили для всех этих групп.

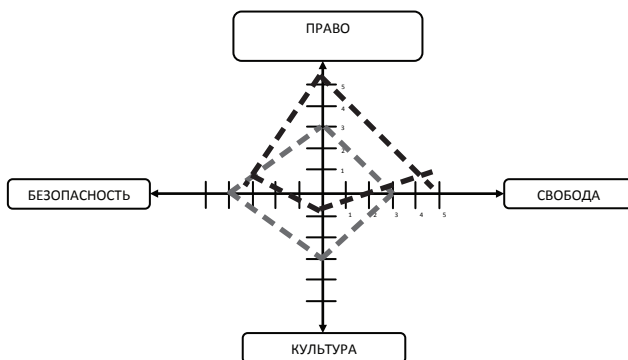

Рис.5. Интегрированные существующий и желаемый профили российской политической культуры (А.Камаев, 2013 г.)

В пространстве, образуемом ценностной и нормативной осями, очевидны свойственные российскому обществу доминирование традиционализма, правового нигилизма в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость институтов гражданского общества. Наглядно демонстрируется и дисбаланс сведения социальной жизни к проявлениям государственной власти и культурной идентичности, между которыми нет органической и естественной связи. Более того, формальные институты в этой ситуации оказываются декоративным политическим дизайном. Именно это обстоятельство приводит к печальным последствиям попытки реформирования российского общества на основе правовых моделей, вызревших в других социумах, располагающих развитой правовой культурой и правовым самосознанием понимания свободы как ответственности. Подобные поверхностные попытки демократизации и либерализации неизбежно оказываются несостоятельными.

На конференции по социологии инноватики в ИНИОН был яркий доклад Г. Г. Шагиняна – выдающегося специалиста по нейрохирургии сложных и глубоких черепных травм лицевой части черепа. Используя сравнение с наглядными слайдами этого доклада, можно сказать, что в этом плане ценностно-нормативная деформация российского социума напоминает глубокую травму лицевой части черепа: в нем практически снесена его «височно-скуловая

часть», связанная с соответствующей ценностно-нормативной зоной.

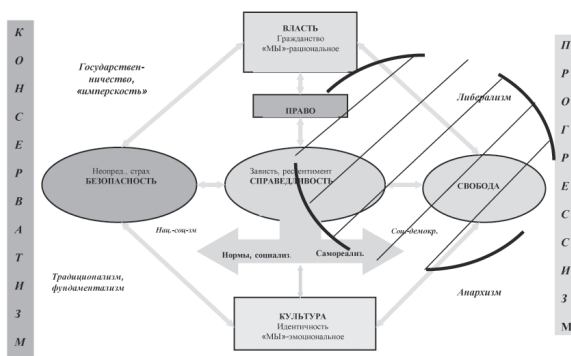

Рис. 6. Политические идеологии и российская деформация

Кстати, именно этот институциональный фактор объясняет т.н. «парадокс России», отмеченный в исследовании World Values Survey как «откат» за годы новейших реформ к ценностям выживания. Речь идет, скорее, не о ценностном «откате», а о разрушении институциональной среды, приведшем к этническо-клановой раздробленности, корпоративизации общества. Иначе говоря, речь идет о движении не только по ценностной оси, а скорее по оси нормативно-институциональной, что, кстати, подтверждается приведенными выше данными исследования А.Богдановой.

В ценностно-нормативной модели политической культуры очевидно доминирование традиционализма в российском обществе, которому на протяжении всей его истории были свойственны правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость гражданского общества, вследствие чего социальная жизнь сводится к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. И для восстановления нормативно-ценностного баланса российского общества, для придания ему импульсов модернизации (в случае их реальной востребованности!) необходима достаточно тонкая и трудоемкая социальная инженерия.

Тем самым, ценностно-нормативная модель политической культуры открывает широкие перспективы синтеза различных подходов и аналитик, не отрицающих, а интегрирующих выработанные концепции и накопленные результаты. И на этой основе уже можно ставить

вопрос о причинах отмеченных особенностей российской политической культуры

Справедливость и конфигурации политических режимов

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность-справедливость-свобода) и оси институционализации справедливости, может использоваться не только для построения «профиля» политической культуры конкретного общества. В зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров, их конкретики, она дает возможность расширения и углубления анализа на уровень политических режимов – национальных и региональных.

Главное – фундаментальная, ключевая роль справедливости, выступающей динамичной «точкой сборки» ценностно-нормативного комплекса конкретного социума. «Справедливая» действенность «справедливо» выработанных норм обеспечивает доверие как между людьми, так и к социально-политическим институтам, а значит и – легитимность власти.

Однако – существует ли универсальная, единая трактовка (теория) справедливости?

Показательны в этом плане прошедшие в начале августа 2014 г переговоры президентов Азербайджана и Армении. Они были инициированы Президентом РФ с целью выработки возможностей примирения сторон, находящихся в затяжном конфликте с середины 1980-х годов. Каждая из сторон говорила о справедливости. Президент РФ – о необходимости мирного решения проблемы Карабаха. Президент Азербайджана – о решении проблемы на основе соблюдения 4-х резолюций ООН. Президент Армении – о решении проблемы на основе исторической справедливости и сложившейся ситуации... Похоже, стороны говорили о разной справедливости. Легко представить аналогичную ситуацию в перспективе российско-украинского урегулирования вопроса о Крыме. Да и спор Японии с Россией относительно четырех островов Курильской гряды стоит в том же ряду. Каждая из сторон апеллирует к представлениям о справедливости. Но эти их представления расходятся радикально.

И это только на международном уровне. А какие конфликты разгораются в связи с различными представлениями о справедливости

у различных групп населения: этнических, возрастных, классовых, групп влияния и т.д.!

Со времен Аристотеля сложились две основные трактовки справедливости:

– уравнительная: равенство всех членов социума перед некоторыми предустановленными условиями, прежде всего – перед законом

– распределительная: распределение различных благ в соответствии с заслугами, ролью и значением участников распределения перед конкретным социумом.

Уравнительная трактовка справедливости традиционно доминировала в либеральной политической философии, теории и практике. Распределительная – в социалистической, социал-демократической и – наиболее явно – в коммунистической.

В 1960-х годах Д.Ролзом была предпринята попытка тщательной проработки уравнительной теории справедливости. Его «Теория справедливости»²³ считается каноническим текстом современного либерализма. Фактически, речь идет о модели расчета справедливого распределения ресурсов. Однако детальная проработка исходных правил, а также уточнения концепции в ответ на критику со стороны коммунитаризма, феминизма и других точек зрения²⁴ в итоге существенно сблизила концепцию Д.Ролза с распределительным пониманием справедливости, фактически, придав ей очевидное коммунитаристское и даже – социал-демократическое содержание.

Поэтому, как представляется, современный политологический анализ, в котором до сих пор доминирует «нормальная» (в куновском смысле) политическая теория, восходящая к экономическому маржинализму, свои возможности в анализе справедливости исчерпал. Решение проблемы требует выработки несколько более широкого основания, которое позволит вывести проблему в более широкий горизонт, не отрицая сделанные важные наработки.

В этой связи достаточно перспективным выглядит подход, предложенный Л.Болтански и Л.Тевено еще в 1980-х.²⁵ Речь идет о концепции градов (социальных миров), в которых вырабатывают-

²³ Ролз Д. Теория справедливости. Нвсб: Изд-во НГУ, 1995.

²⁴ Кашиников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: НГУ, 2004; Кимлика У. Современная политическая философия. Введение. М.: ВШЭ, 2010.

²⁵ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: НЛЮ, 2013.

ся специфические нормы, важные для социальной консолидации, а также представления об оценке достоинств (заслуг, уважения, признания, авторитетности). Иначе говоря, особая привлекательность этого подхода связана в снятии противостояния распределительной и уравнительной трактовок справедливости, рассмотрении их как дополняющих и предполагающих друг друга в системном единстве. Однако единство это может быть различным по его сущности (качеству).

Сами Л.Болтански и Л.Тевено выделяют несколько качественно специфических социальных миров (градов):

- Мир вдохновения (le monde de l'inspiration)
- Патриархальный мир (le monde domestique)
- Мир репутации (le monde de l'opinion)
- Гражданский мир (le monde critique)
- Рыночный мир (le monde marchand)
- Научно-технический мир (le monde industriel)

Термин «мир» выглядит более привычным, хотя определенный смысловой потенциал имеется и в термине «град» – он быстрее выводит в политический контекст, в проблему гражданства.

Каждый такой мир (град) имеет различные представления о справедливости. Эти различия Л. Болтански и Л. Тевено связывают с параметрам соответствующего этоса:

- Признания великим, высшим (etat de grand)
- Высший общий принцип
- Великое (высшее)
- Достоинство
- Субъекты
- Объекты
- Формула инвестиции
- Протокол о величии
- Естественные отношения
- Формы гармонии
- Испытания
- Суждение
- Очевидность
- Падение

Конкретизацию характеристик каждого из этих параметров по каждому этосу можно, ради наглядности, представить в виде таблицы (Табл.1):

Таблица 1.

Характеристика параметров справедливости для каждого социального мира (града)

Миры / Параметры	Мир вдохновения	Патриархальный мир	Мир репутации	Гражданский мир	Рыночный мир	Научно-технический мир
Высший общий принцип	Вдохновение (духовное)	Род, иерархия, традиция	Мнение других, публика	Коллектив, все, общая воля	Конкуренция, соревнование	Эффективность, результативность, будущее
Великое (высшее)	Странное, необычное, чудесное, невыразимое, спонтанное, волнующее, страстное, бессознательное	Благожелательность, воспитанность, сдержанность, преданность, откровенность, умение хранить секреты, откровенность	Известность, прославленность, видность, заметность, успешность	Нормативный, законный, уставной, уполномоченный	Желаемый, пользующийся спросом, цена, продаваемость, прибыль	Эффективный, надежный, функциональный
Достоинство	Творческое волнение: любовь, страсть, творчество	Непринужденность, здравый смысл, привычка, обыченность	Стремление к признанию, уважению	Гражданские права, участие	Интерес, спрос, любовь к вещам	Работа, сила, энергия
Субъекты	Дух, чудовище, волшебство, ребенок, женщина, безумец, артист, художник	Высшие (отец, король, шеф, семья), простые (я, холостяк, ребенок, домашние животные, подчиненные), другие (окружение, соседи, третьи лица, иностранцы)	Знаменитости, лидеры, их поклонники, представители, журналисты	Органы управления, представительства, членство в партиях, общественных организациях	Производитель, клиенты, конкуренты	Эксперты, специалисты
Объекты	Дух, тело, грезы, сон наяву	Статус, титул, приличия, манеры, подарки, знаки отличия	Имена, марки, реклама, PR, медиа	Права, законы, суды, заявления, нарушения прав, программы, лозунги	Богатство, роскошь	Цели, средства, методы, задачи, планы, программы, причины
Формула инвестиции	Сомнение, бегство от привычек	Самоотречение, долг, обязанности	Открытость, отказ от секретности	Отказ от частного, солидарность, борьба	Свобода, открытость, динамичность	Прогресс, развитие
Протокол о величии	Универсальная ценность уникального: гений, независимость	Уважение и ответственность, авторитет, честь, стыд, позор	Известность и узнаваемость, признание	Делегирование, вступление представительств	Обладание, собственность	Владеть, знаем, умением

Естественные отношения	Творить, открывать, мечтать, воображать	Порождать, воспитывать, приглашать, получать, благодарить, уважать	Влиять, убеждать, привлекать, продвигать, говорить, запускать	Сплотить, мобилизовать, присоединиться, призвать, обсудить, уполномочить, обратиться в суд	Интересовать, покупать, продавать, торговаться, соперничать, договариваться, извлекать выгоду	Реализовывать, выявлять, учитывать, определять, измерять, решать, использовать, предвидеть, внедрять, оптимизировать
Формы гармонии	Вымысел, фантазия	Дом, семья, обычаи, приличия	Публичный имидж, целевая аудитория, позиционирование	Республика, демократия, представительские институты	Рынок	Организация, система
Испытания	Искания, духовный поиск, переживаемый опыт, приключения	Награждение, назначение, праздники (рождение, свадьба, кончина)	Специальные события, церемонии, презентации	Выступление ради справедливого дела, собрание, демонстрация, спор, судебное разбирательство	Сделки	Проверка, тест, внедрение, реализация
Суждение	Озарение, аура, случай, удача, шедевр, переворот представлений	Доверять, ценить, упрекать, докладывать, информировать	Слухи, мода, рейтинги, резонанс, отклик	Голосование, выборы, мобилизация	Цена, стоимость	Правильный, эффективный, действующий
Очевидность	Интуиция, символы, мифы, аналогия, образы, знаки	Типичная история, пример	Известность, очевидность, успеха	Текст закона, юридические нормы, устав, положение	Деньги, прибыль, результат	Измерение
Падение	Привычка, повторы, приземленность, доминирование внешних факторов	Небрежность, ошибки, нескромность, завистливость, измена	Непризнанность, банальность, испорченная репутация, померкнувшая слава, забывтость	Разобщение, остаться в меньшинстве, индивидуализм, незаконность, лишение полномочий	Невостребованность, преклонение перед деньгами	Отношение к людям как вещам

Данная систематизация уязвима для критики. Несомненно, возможны уточнения конкретизаций (операционализаций) параметров представлений о справедливости. Кроме того, бросается в глаза, что религия и искусство оказались в одном кластере, где главным критерием оказалось вдохновение и фантазия. При этом, научный этос сведен к индустриальной прагматике, что связано либо с отождествлением рациональности и эффективности, либо также с признанием полной ориентации современной науки не столько на бескорыстные поиски истины, сколько на решение практических проблем производства, политики, управления. Но при этом улавливается главное – существенные различия различных этосов со своими ценностно-нормативными установками, критериями оценки, признания успешности. Каждый из таких этосов связан с сформировавшимися в современной цивилизации кластерами деятельности, связанными с ними рынками труда.

Бросается в глаза параллель между типами социальных миров (градов) Болтански-Тевено и типами власти, выделенными в свое время А.Кожевым, согласно которому, в истории политической философии можно выделить четыре теории власти, связанные с определенными типами политического авторитета:

Теологическая (теократическая) концепция, в которой легитимность обеспечивается апелляцией к божественным (мифологическим) происхождением власти.

Концепция Платона, в которой власть опирается на справедливость, а всякая иная держится насилием, т.е., в конечном счете – не легитимна.

Концепция Аристотеля (к которой близка трактовка власти Конфуцием), согласно которой власть обосновывается мудростью, способностью к предвидению.

Концепция Гегеля (по мнению А.Кожева – наиболее разработанная), в которой власть понимается как отношение между Господином (победителем, готовым рисковать жизнью ради власти) и Рабом (побежденным, предпочитающим смерти подчинение Господину).

Указанные концепции власти и типы авторитета А.Кожев связал соответственно с образами Отца, Судьи, Вождя и Господина и в 1942 году предложил на этой основе, пожалуй, наиболее детальную систематизацию видов власти, причем систематизацию, глубоко философски фундированную.²⁶ Исходя из внеприродного, социального и исторического характера любой власти, А.Кожев выдвинул необходимость связи феноменологии власти с фундаментальной структурой бытия. В силу того, что власть не просто эволюционирует (как явления природы), но при этом исторична, в качестве метафизической основы власти может рассматриваться время (Табл. 2):

Таблица 2.

Власть и время по А.Кожеву

<i>Время</i>	<i>Основания власти</i>	<i>Тип власти</i>
Прошлое	священные традиции	Отца
Будущее	цели, идеология	Вождя
Настоящее	господство и эксплуатация	Господина
Вечное	абстрактные критерии	Судьи

²⁶ Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2007.

Кроме того, такую типологию можно связать с общими представлениями о бытии, сущем и соответствующими универсалиями (Табл. 3):

Таблица 3.

Власть и универсалии бытия

<i>Представления о сущем</i>	<i>Универсалии</i>	<i>Тип власти</i>
Целое мира	Причина	Отца
Единое множественности	Справедливость	Судьи
Первозданная творящая воля	Предвидение	Вождя
Противоречия, противоборства	Риск	Господина

Таблица 4.

Чистые типы власти по А.Кожеву.

<i>Тип власти</i>	<i>Фактор легитимности</i>	<i>Основные разарбот.</i>
Отца (родителей, старших, традиций, мертвых, творца)	Причина порождения	Теология, миф
Господина (победителя, хозяина, офицера)	Риск	Гегель
Вождя (учителя, ученого)	Предвидение, идея, программа	Аристотель
Судьи (арбитр, исповедник, честный человек)	Справедлисомть	Платон

Таким образом, А.Кожевым была обоснована систематизация, включающая 64 возможных типа власти, в том числе:

4 чистых типа:

– Отца (О): власть родителей, старших, традиции, мертвых (завещание), творца над творением;

– Судьи (С): власть арбитра, исповедника, эксперта, честного человека;

– Вождя (В): власть учителя, идеи, программы;

– Господина (Г): власть победителя, офицера...

12 комбинаций двух чистых типов (первым указывается доминирующий тип):

– ОВ, ОГ, ОС;

– ВО, ВГ, ВС;

– ГО, ГВ, ГС;

– СО, СВ, СГ;

24 комбинации трех типов:

- ОВГ, ОГС, ОВС, ВГС,
- ОГВ, ОСГ, ОСВ, ВСГ,
- ВОГ, ГОС, ВОС, ГВС,
- ГОВ, СОГ, СОВ, СВГ,
- ВГО, ГСО, ВСО, ГСВ,
- ГВО, СГО, СВО, СГВ;

И 48 комбинаций четырех типов, получаемых аналогичным образом.

Систематизация А.Кожева выглядит комбинаторической, как некая «алгебра власти». Однако она позволяет достаточно просто квалифицировать определенный политический режим с точки зрения характеристик реализуемого в нем типа властных отношений.

В объяснении традиционных типов власти такой типологии оказывается достаточно. Однако современное информационное общество выдвинуло еще один тип авторитета, основанный на публичитном капитале (*publicity* – известность и узнаваемость). Лица и группы, претендующие на власть в современном обществе должны быть достаточно известными, легко распознаваемыми медийными персонажами. Недаром популярные артисты, спортсмены, шоумены в наши дни столь массово вышли на политическую арену. Более того, в информационном обществе с его широкой доступностью к огромным массивам информации, интенсивностью коммуникации, традиционные типы авторитета испытывают серьезные репутационные риски, достаточно легко и быстро дискредитируются. В какой-то степени известность и узнаваемость были и остаются фактором, дополнительно подкрепляющим авторитет. Однако в современном информационном обществе этот вспомогательный фактор начинает теснить традиционные типы авторитета. И концепция Л.Болтански и Л.Тевено, вводящая отдельный социальный нормативный градус репутации роль этого фактора учитывает.

Таким образом, получается следующие соответствие моделей А.Кожева и Л.Болтански с Л.Тевено:

– Власть Отца связана с ценностно-нормативным комплексом Патриархального мира.

– Власть Господина вырастает из патриархальности в этосе иерархии силы, но в современном социуме это не просто сила физического подавления, но и сила экономических ресурсов, т.е. современная власть Господина воплощается в корпоративности государства.²⁷

²⁷ Крауч К. Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010.

- Власть Вождя опирается на мир Вдохновения и Репутации.
- Власть Судьи опирается на этос Гражданского мира.

Несомненно, такое сопоставление типов этосов и власти нуждается в большем уточнении и систематизации. Но уже из проведенного сопоставления очевидно, что современный социум представляет собой систему различных этосов со своими критериями оценки и ресурсами влияния, в том числе – на формирование власти.

Тогда можно говорить о различных типах конфликтов – в зависимости от того, нормы каких градов (этосов) приходят в столкновение, о конкретном рассмотрении возможностей и технологий их разрешения! А учитывая предложенную А.Кожевым «алгебру» власти, после ее уточнения и операционализации, мы получаем нетривиальный аппарат анализа современной политической реальности, включая компаративистику и возможности количественных методов.

Главное – такой подход расширяет горизонт анализа, выходя за пределы маргиналистской экономической социологии, рассматривающей политические отношения исключительно в рамках этоса рыночных отношений и соответствующего типа властных отношений.

Таким образом, на основе разработок А.Кожева, Л.Болтански и Л.Тевено, как представляется, вырисовывается подход, в котором позиционирование и реализация справедливости возможны только на основе убедительной презентации различных представлений о справедливости (как минимум – основных пяти), критики и компромисса между ними. Справедливость применительно к конкретному обществу предстает конкретной гармонизацией этих представлений – в зависимости от особенностей исторического развития и расстановки сил в данном социуме. Выявление такой диспозиции и выступает главной задачей политического анализа справедливости. И такой анализ будет плодотворен только применительно к конкретному социуму на конкретном этапе его развития.

Так, применительно к России, такая пилотная аналитика была проведена Л.Кашаповой. Согласно этой аналитике, представленность каждого этоса («града» справедливости) в современной выглядит следующим образом:

Представители патриархального мира – около 41 млн. человек. В эту цифру входят, все те, кто по ОКВЭД попадают в категорию «Государственное управление и обеспечение военной безопасности;

социальное страхование»²⁸, а так же работники оборонное – промышленного комплекса России.²⁹ Большую часть составили пенсионеры, их число на 2016г – около 35,5 млн. человек.³⁰ Нам были взяты люди, получающие пенсию по старости, так как социально зависимые.

Представители гражданского мира – около 10 млн. человек.³¹ В эту категорию попали работники, чья специальность по ОКВЭД подходит под категории «Работники в области здравоохранения», «Работники в сфере образования» и «Работники занятые научными исследованиями и разработками».

Мир вдохновения насчитывает порядка 9млн. человек, в которые входят «Работники в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений»³² и представители союза журналистов России.³³ Сюда же можно отнести учащуюся молодежь, старше 18 лет, как креативный потенциал.³⁴

Представителей мира рынка получилось почти 8,5млн человек.³⁵ Подсчет происходил очень приблизительно – через количество ИП и

²⁸ Занятость и безработица в Российской Федерации в марте 2017 года [Электронный ресурс] Трудовые ресурсы// сайт «Федеральная служба государственной статистики» URL:http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/80.htm (дата обращения 1.05.2017)

²⁹ Оборонно-промышленный комплекс. Государственный оборонный заказ: некоторые важные результаты и показатели 2016 года [Электронный ресурс] Отчеты // сайт «Правительство России» URL:<http://government.ru/info/27220/> (дата обращения: 17.05.2017)

³⁰ Какое количество пенсионеров в России на 2016 год? [Электронный ресурс] Вопросы и ответы // сайт «Опенсии. Инфо» URL:<http://opensii.info/answers/skolko-pensionerov-v-rossii/> (дата обращения 17.05.2017)

³¹ Занятость и безработица в Российской Федерации в марте 2017 года [Электронный ресурс] Трудовые ресурсы// сайт «Федеральная служба государственной статистики» URL:http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/80.htm (дата обращения 1.05.2017)

³² Занятость и безработица в Российской Федерации в марте 2017 года [Электронный ресурс] Трудовые ресурсы// сайт «Федеральная служба государственной статистики» URL:http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/80.htm (дата обращения 1.05.2017)

³³ Союз журналистов России [Электронный ресурс] статья// сайт «Википедия» URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Союз_журналистов_России (дата обращения 17.05.2017)

³⁴ Число первоклассников в новом учебном году составит 1,6 млн. человек [Электронный ресурс] Общество// сайт «ТАСС» URL:<http://tass.ru/obschestvo/2222186> (дата обращения: 17.05.2017).

³⁵ Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию на 01.08.2016

юридических лиц (т.е. фактических граждан этого «града» в стране существенно больше).

Патриархальный мир	
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	3458,5 тыс. человек
Пенсионеры	42млн. человек
Гражданский мир	
Работники в области здравоохранения и социальных услуг	4052,5 тыс. человек
Работники в сфере образования	5290,7 тыс. человек
Работники занятые научными исследованиями и разработками	760,3 тыс. человек
Мир вдохновения	
Работники в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	810,9 тыс. человек
Учащиеся старше 18 лет	8млн. человек
СМИ	Более 70 тыс. человек
Мир рынка	
Бизнес (ИП+Юр. лица)	8.453.175 человек

Даже такая очень и очень приблизительная схема позволила понять – приоритетность этосов в современной России, а значит понять, какие ценности преобладают в обществе современной России и на основе этого составить примерный формат политического режима, соответствующего запросу социальных сил. Это запрос, на тип власти, выраженный в следующем виде (по убывающей)– Власть Отца, Судьи, Вождя и наконец, Господина. Согласно А.Кожеву, это конфигурация ОСВГ.

Подобное распределение говорит о том, что во главе функционирования государства должны лежать, прежде всего, принципы патриархального мира. Заранее учитывая компромисс с остальными мирами, мы можем сказать, что это не будет монархией, которая представляет чистый тип власти Отца.³⁶ Вероятней всего, политика будет строиться на жесткой иерархии³⁷, а передача власти осуществляться

[Электронный ресурс] статистика МСП// сайт «Ресурсный центр малого предпринимательства» URL:<http://rscme.ru/ru/statistics> (дата обращения: 1.05.2017)

³⁶ Кожев А. Понятие власти. М.,2006. С.140.

³⁷ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости, – М.,2013,с.262

посредством назначения³⁸. Однако назначение будет происходить свыше, т.е., например, действующий носитель власти сам выдвигает своего преемника. Для удовлетворения потребности в законности и верховенстве права³⁹ могут состояться выборы, при которых обществу будет дана возможность высказать свое мнение. Подобные выборы будут скорее служить легитимации власти, так как в силу авторитетности действующей власти, можно предположить, что граждане выберут именно предлагаемого преемника.

Несмотря на уважение и признание суверена, у населения в таком государстве должна быть возможность на переосмысление, на выражение недовольства. В таком случае мы видим уже как встречаются мир гражданский и мир вдохновения. Подобное стремление пересмотра может выражаться в качестве протестов различной степени активности.⁴⁰ Несмотря на то, что природа таких действий эмоциональная, но в мире с высокой долей власти Судьи, они будут сопровождаться эффективными методами мобилизации и подкрепляться научной теорией.⁴¹ Так же не стоит забывать, что все это будет происходить в первую очередь ради общего блага.⁴²

Превалирующей в описываемом нами мире является власть Отца, все изменения идут «сверху», носитель власти остается ничем иным, как слиянием стремления людей в одной общей воле.⁴³ Его действиям будут подчиняться, не из-за его высшего рода, а из-за уверенности, что его поступки носят исключительно справедливейший характер и направлены на общий интерес. Однако для контроля должны существовать какие-либо законные формы: протоколы, права, законодательства.⁴⁴ Так, например, конституционная монархия показывает сочетания патриархального и гражданского мира, где существует наследственная и достаточно сильная власть, которая ограничена некоторыми законами.

Компромисс всех четырех миров будет отражаться не только на высшем уровне, но и в других сферах жизни людей. Так, предполагается, что при сочетании мира рынка, вдохновения и гражданского, люди будут работать несмотря ни на что ради общего блага, но эта работа

³⁸ *Кожев А., Понятие власти, – М.,2006,с 137.*

³⁹ *Там же, с.*

⁴⁰ *Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости, – М.,2013,с.443*

⁴¹ *Там же.*

⁴² *Там же.*

⁴³ *Кожев А., Понятие власти, -М.,2006,с. 7*

⁴⁴ *Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости, – М.,2013,с.295*

будет происходить увлеченно. При таком страстном подходе к рабочей деятельности она будет эффективна, что в дальнейшем принесет более качественный результат.⁴⁵

Нужно сказать, что в данном мире, рынок будет работать по другим принципам. Рыночные отношения будут делать упор на доверие.⁴⁶ Так, например, покупатель будет выбирать ту или иную фирму не из-за лучшей ценовой политики, а потому что он уже знаком с этой компанией, или может, потому что уже знает ее работников. В этом же ключе, мы можем встречать примеры «красивого жеста». Вместо классического маркетинга, во главу выходят «согласованные рынки», где существует персонализация отношений с клиентами.⁴⁷ Однако более доверительный подход будет распространяться так же и на работников? Так, например работодатели будут стараться делать более домашнюю атмосферу, тем самым проводя параллель между домом, как важной составляющей патриархального мира, и работой. Либо можно будет встречать примеры, когда начальник, чтоб лучше узнать сотрудника пригласит его на обед.⁴⁸ Если смотреть на такой мир в метафизическом смысле, то он будет сочетать в себе и стремление в будущее, и значение настоящего и прошлого. Таким образом, при создании чего-то нового, что бы улучшить нынешнюю жизнь и общее будущее, будут опираться не только на современные, но и на проверенные традиционные методы.⁴⁹

Этот идеальный конструкт – как должно выглядеть государство, если бы оно соответствовало существующему запросу – можно сопоставить с реальной конфигурацией политического режима современной России.

Для начала рассмотрим – каким образом носители власти получают данную власть. Традиционно российский политический режим квалифицируется как авторитаризм: Электоральный авторитаризм явно не соответствует описанному нами ранее гражданскому миру. Зато то, что произошло на выборах в 2008г. дает достаточно прямой острый к патриархальному миру. Дмитрий Медведев хоть и не являлся родственником В.В. Путина, однако выступал его непосредственным преемником. Хоть назначение и не самый характерный признаком власти Отца, А.Кожев упоминает, что такой способ передачи власти

⁴⁵ Там же, с.453.

⁴⁶ Там же, с.464

⁴⁷ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости, – М.,2013, с.465.

⁴⁸ Там же, с.467-468.

⁴⁹ Там же, с.472

так же может присутствовать.⁵⁰ В современной России такой механизм сработал не единожды: назначения продолжают использовать при выборе губернаторов. В отличие от периода 2005-2011 г, когда это происходило явно, сейчас все завуалировано маской выборов. Однако если мы посмотрим на то, что происходит в действительности, можно увидеть, что губернаторы снимаются и назначаются в первую очередь исходя из президентского посыла, а не общенародного.

Хотя власть действующего режима не передается по наследству, то стоит уточнить, что это не происходит исключительно относительно высших государственных постов. В менее явных областях данный принцип успешно функционирует. Иногда такие случаи даже не пытаются скрыть: так например Алексей Rogozin, сын Дмитрия Rogozina был зам. директором департамента имущества в Минобороны, а теперь назначен гендиректором ОАО «ИЛ».⁵¹ Хотя обычно продвижения детей происходит не по столь открытому принципу: сын директора ФСБ Александра Бортникова является членом правления ВТБ, сын бывшего начальника Минпрома Виктора Христенко – президент фармацевтической компании «Нанолек», которая сотрудничает с «Роснано», предполагаемый зять Владимира Путина ранее работал в «Газпроме» и «Газпромбанке», сейчас занимает должность заместителя председателя правления в «Сибур».⁵² Данный список можно продолжать, но уже по этим примерам видно, какую роль играют родственные связи в современной России. Кроме этого, такие факты говорят нам еще о неразделимых отношениях между государством и крупным бизнесом. Подобная логика вещей, лишь подтверждает, что для России характерен азиатский способ производства.⁵³ При таком положении, бывает трудно провести черту между властью и бизнесом. Если сюда еще добавить тот факт, что исторически крупные мануфактуры строились при непосредственном участии государства, то отделить их друг от друга становится практически невозможно.⁵⁴ Иногда

⁵⁰ Кожев А. Понятие власти. М., 2006. С. 136-138.

⁵¹ Сын Дмитрия Rogozina назначен гендиректором ОАО «ИЛ» [Электронный ресурс] Экономика // сайт «Риа новости» URL: <https://ria.ru/economy/20170502/1493476330.html> (дата обращения 17.05.2017)

⁵² Любимые чада государства: где работают дети высокопоставленных особ России [Электронный ресурс] политика // сайт «Провэд» URL: <http://провэд.рф/politics/in-russia/32928-lyubimye-chada-gosudapstva-gde-pabotayut-deti-vysokopostavlennyy-osob-possii.html> (дата обращения: 16.05.2017)

⁵³ Шохин А.Н. Бизнес и власть в России. Теория и практика взаимодействия. М., 2011. С. 8

⁵⁴ Там же.

данный симбиоз происходит по уже описанной нами схеме – через связи. Так, например, Аркадий Ротенберг, давний друг детства Владимира Путина, сейчас входит в число самых богатых людей по списку Forbes.⁵⁵ Сам Аркадий является контролирующим акционером компании «Стройгаз-монтаж», совместно с братом Борисом они владеют контрольным пакетом СМП Банка, так же большей частью акций «Северный европейский трубный проект», до 2015г. Контролировали четверть акций Мостотрест, и это только самые яркие позиции из списка собственности Ротенбергов. Однако тесную связь между ними и политикой могут показать суммы господрядов, которые они получали: в 2013 это было 102,8 миллиарда рублей, то в 2014– 184миллиарда рублей.⁵⁶

Другой способ взаимосвязи бизнеса и власти связан с таким понятием как деньги, богатство, владение, которые непосредственно относятся к миру рынка. Так, например, Газпром осуществляет свою деятельность скорее не на принципах экономической эффективности, а на принципах получения дохода определенными лицами. При этом нужно иметь в виду, что Газпром получает прибыль только потому, что использует государственные ресурсы на условиях монополии, что естественно было бы невозможно без согласия самого государства.

Показать главенство таких факторов как деньги и эгоизм в современной России может еще коррумпированность госаппарата. По итогам 2016 Россия заняла 131 место в рейтинге восприятия коррупции.⁵⁷ Однако все предельно ясно и без рейтинга, последнее время было насыщено громкими коррупционными делами: министр экономического развития Алексей Улюкаев, губернатор Кировской области Никита Белых, глава управления «Т» антикоррупционного главка МВД России, полковник Дмитрий Захарченко.⁵⁸ В конце концов, антикоррупционные митинги, прошедшие в городах России 26 марта 2017 года тоже о чем-то говорят.

⁵⁵ Аркадий Ротенберг [Электронный ресурс] 200 богатейших бизнесменов России // сайт «Forbes» URL:<http://www.forbes.ru/profile/arkadii-rotenberg> (дата обращения: 17.05.2017).

⁵⁶ Короли госзаказа-2016 [Электронный ресурс] Рейтинги // сайт «Forbes» URL:<http://www.forbes.ru/rating-photogallery/313039-koroli-goszakaza-2016-reiting-forbes> (дата обращения: 16.05.2017)

⁵⁷ Россия опустилась в рейтинге восприятия коррупции на 131 место [Электронный ресурс] Гос. экономика // сайт «Lenta.ru» URL:<https://lenta.ru/news/2017/01/25/corruption/> (дата обращения: 17.05.2017).

⁵⁸ Кошки-мышки по-крупному. Громкие коррупционные дела в России в 2016 году. [Электронный ресурс] Происшествия// сайт «Риа Новости» URL:<https://ria.ru/incidents/20160728/1473075451.html> (дата обращения 16.05.2017)

Чтобы более полно говорить о форме политического режима, нельзя упускать фактор социальной политики. Можно заметить, что символическая политика, как часть социальной политики, строится на ностальгическом восприятии советского прошлого. Данную тенденцию можно заметить через символы и артефакты советской эпохи⁵⁹, проведение исторической политики. Кроме того, современную идеологию еще называют неоконсерватизмом.⁶⁰ Данная идея включает в себя несколько компонентов: непримиримая борьба идей и ценностей, «страна-цивилизация», «социальный консерватизм» и «специфически трактуемая геополитика». Для нас наиболее интересным является социальный консерватизм. Он в очередной раз подчеркивает главенство традиционных ценностей. Как пишет сам А.Мельвиль, они даже затмевают вопросы верховенства права и законности.⁶¹

Таким образом, мы получаем, что величие в современной России достигается посредством связей и богатства, а сама политика строится на жесткой иерархии, апелляции к прошлому и использованию символов и мифов. Все это дает нам возможность характеризовать политический режим как власть отца, господина, вождя и судьи: ОГВС.

Таким образом, в идеальной и в реальной модели, доминирующей в России является власть Отца – патриархально-авторитарная по своей природе. Но уже на следующем уровне обнаруживается диссонанс. Если в модели-запросе второй стоит власть Судьи с ее этосом справедливости, то в реальности второй по значимости является власть Господина. Тем самым обнаруживается главный нерв российской политической культуры, главное ее напряжение, и главный источник напряжения и потенциального конфликта.

Не случайно, в последнее время в российском общественном дискурсе остро ставится вопрос о справедливости. Так, например, в течение 10 лет, с 1991 по 2000 было опубликовано всего 5 работ, включающих в себя слово «справедливость». Это цифра выросла до 80 публикаций за период с 2001 по 2010гг.⁶² Такой скачок является ничем иным как естественной реакцией на общественный запрос. Исследование, проведенное Институтом социологии РАН в 2012 доказывает это: оно пока-

⁵⁹ Гигаури Д.И. Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики, Спб.,2016.С.151.

⁶⁰ Мельвиль А.Ю. Неоконсервативный консенсус в России?, Полития.2017.№1.с.34.

⁶¹ Там же. с. 34.

⁶² Урнов М.Ю., Что есть справедливость? (Попытка анализа массовых представлений). Общественные науки и современность. М.,2012.№5.с.72

зало, что в тройку вещей, о которых больше всего мечтают люди вошла мечта жить в справедливом обществе⁶³. Данный дискурс поддерживает и сама власть: в 2013г. В.В. Путин говорил о том, что «Власть должна быть сильной, последовательной и справедливой»⁶⁴. Обеспокоенность политиков проблемой справедливости ясна: если общество уверяется в полном ее отсутствии, это может понести за собой не лучшие последствия для действующей власти. В основном, это означает потерю легитимности. Однако, даже понимая, что реальная ситуация расходится с ожиданиями людьми, бывает сложно операционализировать понятие «справедливость» и сказать, чего именно ждут люди.

Нужно заметить, что история изучения данного понятия насчитывает не одно столетие, поэтому интерпретировать повышенный дискурс справедливости можно по-разному. Так, допустим Дж. Локк и И. Кант писали об универсальной концепции человеческих потребностей без социальных и политических институтов⁶⁵. В противоположность этому существовала точка зрения Гегеля, в которой благо индивида неразрывна, связано с обществом.⁶⁶ Данная дискуссия между либерализмом и коммунитаризмом до сих пор не разрешена, и в этом споре Л. Болтански и Л. Тевено занимают скорее стороннюю позицию. Несмотря на то, что их работа и имеет большинство похожих рассуждений с коммунитаристами, в целом, нельзя их к ним причислять. Л. Болтански и Л. Тевено выработали свой индивидуальный подход к пониманию справедливости, поэтому будет неправильно пытаться объяснить полученные нами данные через концепции других теорий. Например, если бы мы исходили из У. Кимлика и Дж. Ролза, мы бы на основании проделанной работы не могли бы утверждать, что государство не справедливо. Для этого нужно было бы понять, а есть ли в стране общее чувство справедливости, в которое еще входит чувство самоуважение и собственного достоинства, ведь именно эти первичные факторы справедливости по Дж. Ролзу. Однако, как уже было сказано, интерпретацию результатов была сделана исключительно в рамках двух комбинированных теорий – теории градов Л. Болтаански и Л. Тевено и типологии власти по А. Кожеву.

⁶³ О чем мечтают россияне: идеал и реальность/ Под ред. М.К. Горшкова, Р.Крумма, Н.Е. Тихоновой. Весь мир. – М.,2013. 400с.

⁶⁴ *Владимир Путин*: «Власть должна быть сильной, последовательной и справедливой» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html> (дата обращения: 17.05.2017)

⁶⁵ *Кимлика У.* Современная политическая философия. М.,2010.с.271

⁶⁶ *Там же.*

Таким образом, основным итогом проведенного достаточно беглого рассмотрения стало доказательство того, что запрос общества современной России не соответствует реальной форме правления. Такое положение говорит о неестественности власти, однако не говорит об отсутствии легитимности. Во-первых, следуя мнению А. Кожева, нельзя говорить, что власть не легитимна. Такое невозможно, потому что власть и легитимность, неразрывные друг от друга понятия: если бы не было легитимности, и не было бы какой-либо власти в принципе.⁶⁷ Значит можно говорить о наличии другого способа легитимации в современной России: будь то насилие или формирование определенных убеждений через средства массовой информации. Прделанная работа, говорит о том, на какую власть формируется запрос социальными силами в современной России. Как уже было выяснено, эта власть сильная и авторитарная, однако ограниченная законом и этих законов придерживающаяся. Именно данный пункт, как показал анализ, является отличительной чертой существующего запроса и действительной формы правления в современной России. Как показывает практика, государство само нарушает свои же правила.

Кроме того, разработанная модель Л.Болтански и Л.Тевено в сочетании с «алгеброй власти» А.Кожева является хорошим инструментом для конкретизации других типов авторитарной власти. Существует достаточно широкая вариация авторитарных режимов, однако все они скорее описывают институциональное содержание и того, кому принадлежит власть. В нашем же случае теория Л. Болтански и Л. Тевено позволяет наполнить комбинаторику типов конфигурации власти А. Кожева конкретикой этических установок и выстроить конфигурацию социальной базы с ее этосами. Авторитаризм может быть на основе доминирования, как власти Отца, так и Власти Вождя, так и Господина или Судьи. Подобная модель не отменяет другие типологии и не заменяет их. Она позволяет конкретизировать режим, — на какой социальной базе он строится, каким этосом наполнен

Такая аналитика имеет большие возможности для дальнейшей разработки. Особенно интересен вариант развития того или иного режима будет анализ расстановки сил в динамике: от становления режима до конечной точки. Таким образом, подобная модель может стать хорошим инструментом для будущих исследований.

⁶⁷ Кожев А. Понятие власти. М.,2006.с.5

2. Нормативно-ценностное содержание российской культуры

*Смысловое содержание российского культурного опыта:
источники и обобщение. Народ и власть.*

Смысловое содержание российского культурного опыта: источники и обобщение

В предыдущих разделах в рамках сравнительного синхронического (типологического) анализа неоднократно затрагивалась специфика российской политической культуры. В этом разделе реализуется диахронический подход, рассматривается природа, источники ее специфики. Конкретный культурный опыт историчен, он связан с реальной деятельностью, является ее осмыслением, уточняется, меняется, развивается. Это дает возможность не отдельного рассмотрения социентальных и ценностно-смысловых аспектов динамики политической культуры, а в их взаимосвязи.

В данном рассмотрении российская политическая культура понимается, включая также и советский период, который есть продолжение, форма существования, а теперь уже и компонент российского. В этом плане «советское» есть одно из проявлений «российского», а нынешнее «российское» – в изрядной степени содержит в себе «советское».

Все больший круг проблем и перспектив развития России оказывается связанным с сердцевиной культуры – ценностями, нормами, «принципами» – всем тем, что определяет поведение людей, строй и особенности сознания, порождает вполне определенные отношения, мотивации, оценки, мнения и переживания. Речь идет о чем-то невещественном и нематериальном, что оказывается, тем не менее, не только реальным и существенным, но и силой, способной решающим образом сказаться на ходе экономических и политических преобразований – в качестве их источника, рычага, а то и трудно преодолимого препятствия. Эта сила оказывается куда прочней распада империи, экономического спада, инфляции, разрыва хозяйственных связей, разгула коррупции и преступности, она проявляется в действиях и установках движений, групп и их лидеров. Эта сила имеет

свою историю и судьбу, выражает мировоззрение, миропонимание и мирообъяснение, оправдывавшее, объяснявшее, обосновывавшее и благословлявшее извиги, катастрофы и взлеты нашей истории, и продолжающее это делать до сих пор. И без ее осмысления, понимания ее корней и природы общество обречено на систематический отказ от собственного прошлого, а в результате – на соскальзывание на одну и ту же «колею».

Обращение к такой теме требует указания источников, в которых ценности и нормы российской культуры, связанный с нею опыт и осмысление социальной реальности находят свое наиболее полное выражение, аккумулированы в наиболее конденсированном виде, открывая, тем самым, возможности наиболее результативного анализа. Ряд специфических особенностей российской культуры выявляет анализ нормативно-ценностного ее содержания на материале мифологии, фольклора, особенностей русского православия, философии, художественной культуры (особенно литературы), философии, политической и экономической истории, обыденного дискурса, впечатлений путешественников (отечественных и зарубежных). Такой анализ был уже проделан многими исследователями. Поэтому можно воспользоваться его результатами.

Мифологемы. В мифах представления о нормах, идеалах и т.д. находят свое наиболее яркое и целостное выражение, причем в яркой образной форме. Однако, о собственно русской дохристианской мифологии можно говорить лишь с известной степенью условности. Недаром даже в авторитетнейшем энциклопедическом издании «Мифы народов мира» нет статьи, посвященной именно русской мифологии. Речь может идти, скорее, о славянской мифологии (точнее – о ее реконструкции) и о некоторых ее специфически русских чертах и особенностях.⁶⁸ С этой точки зрения можно выделить несколько уровней основных мифологем.

Во-первых, это первичный слой зачастую малоспецифицированных полностью или частично антропоморфных образов и персонажей: домовые, лешие, водяные, русалки, кикиморы, шишки, навы и т.п. Во-вторых, это воплощенные и персонифицированные абстрактные идеи: Доля и Недоля, Правда и Кривда, Белобог и Чернобог.

В-третьих, герои эпоса (былин и сказаний): князья (Кий, Щек, Хорив, Чех, Лях, Крак, Владимир-Ясное Солнышко и др.) и особенно – богатыри-княжьи слуги и защитники народные.

⁶⁸ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянская мифология. //Мифы народов мира.. М.: Энциклопедия, 1980. – Т. 2, с.450-456.

В-четвертых, собственно языческий «пантеон», русский «Олимп на Владимирской горке», низвергнутый во время крещения Руси: Сварог, Дажьбог, Хорс, Стрибл, Симаргл, Мокоша, символизирующие различные стихии (огня, солнца, ветра и пр.). А также персонажи, не упоминаемые в летописи, но выявляемые в реконструкциях, а то и сохранившиеся в общественном сознании до наших дней: Род и Чур (символы общинного единства), Ярило и Купава (Кострома), с которыми связывалось изменение сезона, прежде всего – приход весны.

И наконец, в-пятых, персонажи, взаимоотношения с которыми В. В. Иванов и В. Н. Топоров назвали даже «основным славянским мифом»: Перун – громовержец, «княжий бог», Зевс славянского Олимпа, и Велес (Волос, после христианизации – Власий) – бог крестьянского достатка (не как результата трудовых усилий, а как удачного урожая, приплода и т. п.). Характерно, что, если Перун стоял на Владимирской горке, то Велес – на Подоле, в пойме Днепра, внизу, что лишь подчеркивает их принципиальную оппозицию и противостояние. Да и сюжет их отношений довольно показателен: Перун преследует Велеса, гвоздит его молниями, тот подобно Протею принимает каждый раз новые обличья, оборачиваясь деревом, житом, конем, коровой, пока, наконец, Перун не побеждает – проливается дождь и наступает благодать.

Бросается в глаза особенность содержания этой мифологии, резко отличающая ее от других известных эпосов и систем мифологии. Это отсутствие персонажей строителя, ткача, ремесленника (даже кузнеца!), собственно крестьянина. Последний появляется в былинах в образе Добрыни Никитича, да и то в характерном сюжете, когда очередной княжий слуга – Святогор пытается забрать неподъемное – землю, после чего Добрыня, легко закинув узелок с землей за спину, также идет «в богатыри». Купец (Садко) появляется только в Новгородском эпосе, да и то не как учитель и основатель Дела, а в связи с чудесным приключением.

В сказках ясно представлены народные страхи – бедности, тяжелого труда, горя. С другой стороны – представлены мечты, надежды и желания. Ими оказываются искания лучшего царства за тридевять земель, овладение «хитрой наукой», дающей сытную беззаботную жизнь, в том числе и путем своеобразной экспроприации экспроприаторов (царя, богача), спасение и победа униженного «дурака», несостоятельность и крах жадного и завистливого благополучия. Положительные персонажи добиваются успеха не трудом, а то ли по щучьему велению по моему хотению, то ли еще каким чудесным образом

Таким образом, основными темами русской мифологии являются природные стихии, постоянная внешняя угроза (как со стороны

природных стихий, так и врагов), воля (как героя-защитника, так и чудесный произвол, реализующий сокровенные желания), особая озабоченность властью – как торжеством над врагами, как символом богатства и жизненного успеха.

Восточное христианство. История русской православной конфессии – история заимствования веры, ее насаждения, исправления, обернувшегося расколом. В тематическом и образном содержании русского православия особый интерес представляет не столько догматический канон, сколько обыденное религиозное сознание, выраженное в житийных текстах («Четьи-Минеи» всегда были наиболее читаемой духовной книгой на Руси), духовных песнях.

Согласно добротным исследованиям этого материала, проведенным Г. П. Федотовым, Л. П. Карсавиным, С. С. Аверинцевым,⁶⁹ специфика содержания русского обыденного религиозного сознания состоит, прежде всего, в ориентации не столько на Св. Писание, сколько на жития, т.е. особо повышенный интерес к нравственной личности и ее опыту жизни. Причем особое внимание уделяется претерпеваемым святыми страданиям, которые акцентированно трактуются как безвинные (но принимаемые героями житий, тем не менее, безропотно).

Обращает на себя внимание фигура Христа, представленная в обыденном религиозном сознании в качестве Царя Небесного, осуществляющего властные функции и фактически сливающегося с Отцом. Страдания же Спасителя как идеал святости переносятся на святых, жизнеописания которых демонстрируют попытки воплощения этого идеала в этом мире. Вопреки догмату, в обыденном православии фигурирует не Троица, а «Двоица»: Христос (как Царь Небесный, воплощение небесной силы) и Богородица (зачастую ассоциативно переходящая в кормящую «мать-землю»). Тем самым, высшее ценностное содержание придается, фактически родовым отношениям: Мать – хранительница рода и Отец – властный вершитель судеб. Особый предмет и интерес русского обыденного православного сознания также составляет эсхатологическая тема Страшного суда, устанавливающего высшую Правду и Справедливость, – как, впрочем, и тема Кривды, царящей в этом (земном) мире.

Художественная культура. В художественных произведениях фиксировано целостное выражение строя чувств, переживаний, мышления и поведения представителей данной культуры. Недаром именно

⁶⁹ См.: Федотов Г.П.: Святые Древней Руси. М., 1990; Федотов Г.П. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). / Вступ. ст. Н. И. Толстого; Послесл. С. Е. Никитиной; Подготовка текста и коммент. А. Л. Топоркова. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991; Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. Петроград, 1915; Аверинцев С. С. Религия и культура. Тенафлу: Эрмитаж, 1981.

знакомство с художественной культурой и ее сердцевиной – искусством является наилучшим способом знакомства с культурой, вхождения в нее. Сказанное относится к каждому виду искусства, но, пожалуй, в наибольшей – к искусству слова, к литературе. Обусловлено (буквально – предустановлено словом!) это ролью языка в возникновении и существовании культуры, письменности и связанного с нею творчества – в трансляции и развитии опыта. Особенно велика роль литературы в становлении и развитии российской художественной культуры и культуры в целом. Более того, литература – предмет особой гордости культуры России, ее общепризнанный и существенный вклад в культуру общечеловеческую.

Русский художественный дискурс исследован достаточно полно и глубоко. Особый интерес представляет серия работ Г.Гачева по национальным образам мира⁷⁰, где опираясь на поэтические тексты авторов, внесших наибольший вклад в развитие российской словесности, были выделены темы и образы, характерные для русской поэтической интуиции. Это темы пути и человека как путника, света – не как яркого солнечного света, льющегося с неба, а как проблеска, мерцания, «огонька». Природные стихии связаны с традиционным русским равнинно-пойменным пейзажем, ветром (буря, метель и т. п.). Человеческое сознание, состояние души характеризуется неотчетливостью и неопределенностью переживаний и мысли («трудно высказать и не высказать то, что на сердце у меня»), взглядом, устремленным к горизонту. Характерно, что в русском поэтическом дискурсе практически отсутствует тема труда, взятого как деятельность, связанная с переживанием положительных эмоций. Исключением является, пожалуй, только поэзия Н.Кольцова, но таким исключением, которое лишь подтверждает правило.

Что касается русской прозы, то обращение к этому богатейшему материалу требует уточнения. Среди русских писателей есть регистраторы быта и нравов (И.Тургенев, М.Шолохов, М.Булгаков, М.Зощенко, Ф.Горенштейн и др.), есть аналитики этого быта и этих нравов, объясняющих причины и следствия (Л.Толстой, В.Гроссман, А.Бек, А.Рыбаков), есть авторы, создающие собственную мифологию, миропонимание и мироощущение (Ф.Достоевский, А.Платонов). И есть авторы-выразители архетипов (буквально – коллективно-сознательного и бессознательного). Таких авторов не так уж много (из наиболее известных – М.Горький, А.Гайдар, В.Маканин, Д.Пригов, В.Пелевин), но именно они представляют особый интерес для данного рассмотрения. Это не означает больший талант данных авторов. Просто их творчество представляет содержание духовного опыта соответствующего времени чрезвычайно

⁷⁰ Гачев Г. Национальные образы мира. М., 2001

благоприятно для анализа – этот опыт в их текстах просто дан как таковой. Авторские позиция и отношение в них либо не акцентированы, либо «упакованы» в идеологемы и философемы.

Философия. Российская культура по праву гордится представителями своей философской мысли. П.Я. Чаадаев, В.Соловьев, В.В. Розанов, Л.Шестов, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, П.А. Флоренский, М.М. Бахтин... – этот ряд можно продолжать и продолжать. Характерной чертой русской философии является то, что ее представители в наименьшей степени являются мыслителями кабинетного типа, размеренно обдумывающими в уютной библиотеке проблемы бытия. Большинство из них – подвижники, исповедники идеи, жертвующие ради нее карьерой, комфортом, свободой, а иногда и жизнью. На их долю приходится тяжкие испытания души, жизненная неустроенность, а то и физические страдания, их философствование – глубоко выстраданный экзистенциальный опыт, недостижимый в условиях жизненного комфорта. Типичная фигура российского философа – это «человек с судьбой», исповедник идеи...

Вопросы русской философии – вопросы жизни, на которые следует отвечать жизнью же («что делать?», «кто виноват?» и т. д.). Для их постановки и решения характерны предельные и запредельные формулировки (одна философия общего дела Н.Ф. Федорова чего стоит), резкие противопоставления, максимализм, в том числе и нравственный. Достаточно вспомнить противостояния западничества и славянофильства, революционной демократии и религиозной философии.

Круг ее главных тем довольно узок: личность и общество, свобода, судьба России.⁷¹ Но их постановка и обсуждение чрезвычайно глубоки и эмоциональны, с глубокой личностной вовлеченностью. Ей свойственны максимализм, универсализм, практическая нацеленность – поиск «окончательных ответов» на вопросы практической жизни, обустройства общества, стремление к целостному жизнеустройению, живому философствованию, обоснование самобытности России, особой миссии России и «русской идеи».

Дискурс обыденного опыта. Обыденный опыт находит выражение в каждодневной языковой практике, фольклоре (песнях, сказках, анекдотах и т. п.), поговорках (пословицах, поговорках, инвективах и пр.). Таким образом в языке аккумулируются и транслируются от поколения к поколению стереотипы, шаблоны осмысления действительности, ее структурирования и объяснения.

⁷¹ См., например: Бердяев Н. А. Русская идея. М., 1990.

Русский язык резко выделен среди других языков. Прежде всего, тем, что свыше 40 % его лексики носит оценочный характер. В любом другом языке оценочная окрашенность его словарного запаса не превышает 15 %. За этим фактом стоит принципиальная особенность русского дискурса – его ориентация на правду-правду, но не на правду-истину, на соответствие идеалу, но не на реальности. На русском языке практически невозможно выразиться спокойно, однозначно и объективно. Ты сразу же погружаешься в стихию оценок, эмоций, страстей. Русские речь и письмо тропированы (образны), но не терминованы. Поэтому, когда надо выразиться безоценочно, терминологически точно, часто приходится заимствовать иностранную лексику: «засоренность» русского языка иностранными словами – вечная тема русской культуры. Однако заимствованная иноязычная лексика достаточно быстро также получает оценочную нагрузку.

Например, «частная собственность», а заодно и собственность просто – в русском дискурсе имеет негативную оценку. Показательна парадоксальность словосочетания «нетрудовые доходы». Доход, как известно, не может быть трудовым или нетрудовым – он может быть законным или незаконным. В терминах «трудоустрой-не трудоустрой» под нравственное сомнение попадают наследство, клад, доход с патента, процент от сделки, творческий гонорар и т. п. Да и сам-то доход – нечто сомнительное, никак не связан с трудом: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». А достаток только того, что смог «достать» что-то: повезло, получено в подарок...

В русском языке часто практикуется опускание логической связки, в результате чего получаемые эллиптические конструкции требуют дополнительных интеллектуальных усилий для понимания смысла выраженной мысли. Показательно и обилие непереходных глаголов, выражающих процессуальность действия, но не его результативность (мы много «работаем», но мало «делаем»).

Русский дискурс мало озабочен рациональной аргументацией, что с неизбежностью сказывается, на правовой и политической культуре. Да и какая в ней необходимость, если «Закон что дышло...», «Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак». Обездоленность лишает собственности, а значит интересов, произвол власти лишает смысла их обсуждение.

Русский язык – стихия столкновения позиций, амбиций и страстей, самовыражения и самоутверждения, он глубоко лично интонирован, передает тончайшие нюансы мельчайших движений души и отношений. Его вектор направлен в глубины души, а не на внешний мир. Недаром иностранцев повергают в шок иррациональные глубины ответ «Ничего» на вопрос «Как дела?» или «Как живешь?», реплика «Да нет».

Лексика, дискурс аккумулируют специфику исторического опыта: «ошеломить» (нанести удар по голове, в результате которого теряется ориентация в пространстве-времени), «изумиться» (буквально – выйти из ума – пыточный термин, когда пытаемый терял рассудок от мучений: особенно восхитительна возвратная форма глагола), «подноготная» (из того же профессионального лексикона заплочных дел мастеров, загоняющих иголки под ногти в «поисках» правды), «подлинная правда» (своего рода правды самой высшей пробы – тоже пыточный термин: орудие пытки, которым пороли, добываясь правды, так и называлось – линник). Поэтому, когда ошеломленный и изумленный русский человек, желает знать всю подноготную и подлинную правду, – исторический опыт придает происходящему особый смысл.

Политическая и экономическая история. Культурный опыт выражает и осмысляет опыт исторический, который и определяет содержание духовного опыта и его динамику. Русское государство (и в норманнской, и в хазарской теории ее происхождения) возникло отнюдь не для защиты своих купцов и ремесленников. Одно из первых упоминаний о Руси – в византийских летописях эпохи Константина Багрянородного – гласит: «Осенью князь со своею Русью выезжает на кормление». Русь изначально – власть, структурированная вокруг княжьего двора, ставившая городки, вершившая суд, несшая культуру, язык, веру, но прежде всего – собиравшая дань. Хорошо известна история Ольги: когда ее супруга Игоря, захотевшего покориться второй раз, убили, она пришла-таки с дружиной и страшно проучила непокорных. Эта парадигма исторически мало менялась. Дореволюционная экономика носила вотчинный характер, когда целые регионы и отрасли отдавались в кормление «правильным» людям. И на протяжении всей российской истории не собственность рождала власть, а наоборот – власть собственность порождала и постоянно ее переделывала.⁷²

Недаром русская история это во многом – история «исхода»: наиболее здоровая часть русского этноса в поисках лучшей доли всегда бежала от собственной власти на Дон, за Кубань, на Урал и за Урал, через Сибирь, через Берингов пролив... Замечательный исторический факт – Россия осуществила колонизацию 1/6 части суши практически не ведя колониальных войн (каковых была только одна – Кавказская, да еще не очень обременительный рейд по Средней Азии). Пока власть не очень успешно воевала на Западе,

⁷² Д'Анкокс Э.К. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2010; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). В 3 т. – Новосибирск: Сибирский хронограф 1998; *Painc P.*: Россия при старом режиме. М., 1993; Русский консерватизм и его критики. М.: Новое издательство, 2008.

куда стремилась всегда российская элита, империя росла на Восток, за счет «народной колонизации».

Особенности хозяйствования, которые русский человек воспроизводил, где бы он ни оказался и который определялся особенностями исторической родины русского этноса. Климатические условия Восточно-Европейской равнины (краткий теплый период, чтобы успеть высеяться, заготовить корма и собрать урожай, с дождями и заморозками в самое неудобное время), подсечное земледелие на сероземах – все это стимулировало совместный напряженный труд с необычайными усилиями в относительно краткий период с последующим долгим расслаблением (длительная зима всегда оставляла крестьянину время для бортничества, охоты, отхожего промысла, спокойных работ по дому).

Русский крестьянин не мог, подобно немецкому, размеренно трудиться на одном и том же земельном участке. Более того, пожар, засуха, другое бедствие или напасть, властный произвол могли его лишиться урожая и скромного достатка в считанные часы. И тогда у него фактически оставалась альтернатива: идти на большую дорогу с сумой за плечами, либо с кистенем в руках: «от сумы да от тюрьмы не зарекайся!».

Кроме того, все эти трудности и напасти, с очевидностью, легче переносить не в одиночку, а сообща. Поэтому община, «мир» столь органичны русскому образу жизни – вместе легче в сжатые сроки посеять и убрать урожай, заготовить корма, пасти скот, отстроить новую избу. Потому и деревни русские стоят не хуторами (дом посреди обрабатываемого участка), а скученно, дом к дому, а землю обрабатывать приходится ходить иногда за несколько километров. Да и сами земельные наделы миром ежегодно перераспределялись в зависимости от изменяющихся обстоятельств.

Таблица 3.

Сопоставление факторов становления и развития государства в России и Западной Европе

Факторы	Европа	Россия
География	Малые пересеченные территории с естественными границами, которые легче охранять. Достаточны малые, иногда наемные армии, возможности городского самоуправления.	Огромные равнинные и лесистые территории, практически без естественных границ, которые трудно охранять. Требуется большая армия, милитаризация экономики, мобилизация населения, централизация власти

Экономика	Ограниченные ресурсы. Как следствие: – интенсивное использование – борьба за собственность как источник существования и развития (сначала стадо, затем земля, затем индустрия) – колониальные захваты	Огромные природные ресурсы (земля, вода, лес). Как следствие: – природная рента, которая не ценится («ничье») – экстенсивное использование ренты
Политическая история	Кочевые племена: – общий сход, равенство – вождь на время опасности – разделение власти (общественная жизнь) и собственности (частная жизнь) – размеры государственной собственности ограничены – власть представительная и назначаемая Опыт Возрождения и Просвещения	Оседлый образ жизни: – кормление власти с территории, опыт Орды – население как подданные – получение «собственности» в использование от власти Цивилизационные заимствования, догоняющая модель развития
Владеют лица, власть охраняет и гарантирует		Власть владеет и перераспределяет
Открытого доступа		Закрытого доступа
Ресурсы (собственность)		
Институты		

И наконец, важным источником осмысления особенностей российского культурного опыта являются *впечатления путешественников*. Человеку, оказавшемуся в иной культурной среде всегда бросается в глаза то, что отличает именно данный образ жизни, поведения и мышления, привычных наблюдателю. В глазах путешественников особенности и характерные черты культуры их принимающей выглядят резче, отчетливей и выпукло. Тем самым человек лучше осознает и особенности своей собственной культуры, к которой он принадлежит.

Речь идет не только о впечатлениях иностранных путешественников по России (от Олеария до де Кюстина и Л.Фейхтвангера), но и русских людей, оказавшихся за границей (И.Печерин, А.И.Герцен, А.А.Зиновьев и многие другие). Так, иностранцы отмечают такие позитивные качества русских, как доброжелательность, гостеприимство, щедрость, выносливость, неприхотли-

вость, работоспособность, мужество, пренебрежение к смерти, жизненная сила. И эти качества сочетаются одновременно с жестокостью, грубостью, бесчувственностью, лживостью, воровством, пьянством, ленью. Наиболее наблюдательные из них связывают корни пренебрежения смертью, способность к страданиям, терпение, покорность судьбе – с пренебрежением этой жизнью (своей и чужой), воровство – с пренебрежением собственностью, лживость – с пренебрежением реальностью во имя идеи.

После такого методологического предисловия можно в общих чертах дать характеристику содержания российского культурного опыта, его основных ценностных норм, тем, смысловых комплексов.

Правда: нравственный максимализм и правовой нигилизм. Стремление жить «по правде» («не по лжи») делает одной из основных ценностей российского опыта нравственную личность, в своей самоотверженности готовой за правду пострадать. Образы героя, совершающего самоотверженный подвиг, или святого – подвижника – и выражают эту ценность. Высшим выражением нравственности, таким образом, оказывается страдание во имя идеи. Одновременно свобода, достоинство личности и право, как их гарант, ценностью не являются. Идеи права либо высмеиваются, либо отвергаются как проявление мещанства, филистерства, буржуазности, а то и как проявление слабой воли. Хотя бы потому, что опыт показывает – «Закон что дышло – куда повернул, туда и вышло». Закон – «немецкий фокус» (К.Аксаков), западническое изобретение, которым иногда можно пользоваться, а иногда переступать – применительно к целесообразности и возможностям. Идея правового государства декларируется, но в сознании властей, как и граждан, просто не укладывается идея о подчинении власти закону: власть на то и власть, чтобы принимать свой закон. Как писал Н. Г. Чернышевский, «...Первое условие успеха даже в справедливых и добрых намерениях для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались...».⁷³ А по замечанию А. И. Герцена, российский «общественный договор» состоит в обоюдонеобязательном соблюдении законов и «полное неравенство перед судом убило всякое уважение к законности».⁷⁴

Прозвище характерно не только власти. Интеллигенция находит оправдание сначала индивидуальному террору, а затем – массовому. Пренебрежение к собственности (чужой и государственной) от государственного чиновника до крестьянских «грабижек» и рядового

⁷³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 616-617.

⁷⁴ Герцен А. И. Собр. соч., т. 7, м., 1950, с. 301.

«несуна». «Праведнику закон не лежит», «Благодать выше закона». Главное – чтобы человек был хороший. То есть знал бы правду и за эту правду пострадал. Именно этот ценностной компонент объясняет многие реальности российской политической жизни, необъяснимые, иррациональные для внешнего наблюдателя: итоги голосований прежде всего за личность «пострадавшую» и т. п.

Чудо: эскапизм и творчество. Для российского человека высшим выражением торжества является способность пересилить беду (по-бедить). Этот мир и жизнь в нем сами по себе лишены ценности. Жизнь «здесь и сейчас» – юдоль страдания, нравственного испытания. Ценностью является жизнь в мире ином: в потустороннем мире, в светлом будущем, «за бугром». В этой жизни я лишь могу пострадать, пройдя испытание, и чем больше я пострадаю в этом мире, тем больше мне воздастся в мире ином...

Воздаяние возможно только «после жизни». Человек оказывается не в состоянии своим трудом сделать свою жизнь (и жизнь своих близких) счастливее. «Птицы небесные не сеют и не жнут, но корм имеют» или, как сказал поэт, «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда...». А авва Дорофей написал одинокому иноку: «Брат! Истинный труд не может быть без смирения, ибо сам по себе труд суетен и не вмещается ни во что». Не удел человеческий – думать о своем достатке: «Бог дал, Бог взял». Напряженный труд не может быть источником достатка, он всего лишь один из компонентов страдания в этой жизни. Ему противопоставляется творчество – единовременный акт богоподобного творения «вдруг», «из ничего», сродни чуду.

Так называемый «утопизм» (от безответственной маниловщины до агрессивного революционаризма) – не причина, а следствие, есть проявление и выражение отрицания ценности этого мира (и труда в нем) в сочетании со стремлением к богоподобному, а то и богоборческому творчеству.

Эсхатологизм. Уход от реальности, ее отрицание в своем предельном выражении являют вневременной эсхатологизм – конец времени, конец света и последний (Страшный) суд над этим миром, торжество окончательной справедливости, Правды, перед которой все равны. А что может быть справедливее конца света? Перед смертью все равны. Отсюда постоянный российский спор с историей, отрицание конкретного времени во имя вечности, еще одна мотивация такого пренебрежения человеческой жизнью и особое российское смертобожие.

Как писал Н. В. Гоголь в конце «Мертвых душ»: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мости, все отстает и остается позади. Остановился пораженный Божиим

чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение?». Особенно в сопоставлении с финалом «Записок сумасшедшего»: «Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых как вихорь коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейся, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтоб не видно было ничего, ничего, ничего». Не просто уход – путь в ничто. Эсхатология и танатология как национальный опыт. «Только кони мне достались привередливые»...

Всеединство: космизм, универсализм и коллективизм. Личность, человеческая индивидуальность выступает элементом, средством реализации и воплощения общности, всеединства, соборности, симфонической личности и т. п., которые, собственно, и являются ценностями. Проявлением этого ценностного комплекса «коллективизм». Речь при этом идет не о коллективе, образованном для реализации общности интересов и эту общность интересов, их баланс, необходимость сотрудничества выражающем. Это просто общность, некое «мы» (одного барака, двора, класса, и т. д.), коллектив, который всегда прав потому, что он коллектив. Поэтому каждый, кто начинает говорить о своих интересах оказывается безнравственной личностью, которая противопоставляет себя коллективу, которой «больше всех надо», которая «высовывается» и т. п. Зато любой самозванец получает право говорить от имени всего коллектива: от имени всех рабочих, всех русских, от имени профсоюза и т. п. Всеединство распространяется на мир в целом, что создало, например, предпосылки возникновения и развития философии русского космизма. Но важно понять, что и он, вплоть до блестящих технических идей Циолковского и Чижевского, коренится в идее, что «всяк за всех в ответе».

«Истина и красота». Российскому культурному опыту характерно единство истины и красоты. Истина должны быть красива. Так в вере решающую роль, как известно, сыграла красота православного храма и службы, а в советское время особая роль отводилась наглядной агитации, когда «истины» имели особую «красоту» оформления. Иначе говоря, красиво и потому истинно – с одной стороны. И истинно – значит, красиво – с другой. В результате нравственная проповедь приобретает эстетический статус – «поэт в России – больше чем поэт», а искусство отождествляется с просвещением и воспитанием.

В этом тождестве истины и красоты выражалась одна из сторон всеединства как справедливости и уравновешенности, своеобразной гармонии. Тождество истины и красоты оказывало мощное обратное влияние на нравственную культуру, породило эстетизм в российской историософии, когда в истории ищется не столько рациональное содержание, сколько особая сюжетность.

Таким образом, в российском культурном опыте мы имеем дело с исключительно целостным миропониманием и мироощущением, связанным с очень напряженным нравственным чувством.⁷⁵ Эта нравственная почва оказалась чрезвычайно благодатной для восприятия идеи коммунизма, общества, построение которого требует высочайшего напряжения нравственных и физических сил, личного самоотвержения и самопожертвования. За такую высокую идею пострадать, конечно же не грех. Не грех и других не пожалеть во имя великой идеи. При этом, свобода и право оказываются несущественными, не для «внутреннего употребления». Тем самым оправдываются не только нарушения законности, но и вообще неуважительное отношение к законам, их систематический пересмотр, безостановочное законотворчество, исходя из прагматических задач текущего момента.

И нравственный максимализм, и коллективистски понимаемая справедливость – все эти и связанные с ними особенности российской культуры определяют ее высокий уровень напряженности. Это нравственность, практически не знающая нормативности, которой свойственны как полный произвол, так и уклонение от проблемы выбора, полагание на «Авось!».

Народ и власть

Говоря о российском культурном опыте, невозможно пройти мимо темы народа – собственно носителя этого опыта. В характеристиках народа в русском дискурсе возникает образ народа как некоей мощной созидательной силы, нравственно чистой, но пассивной, находящейся как бы в «страдатальном залоге», претерпевающей. Иначе говоря, «народ» в русском дискурсе – творец, кормилец, защитник, но... – не хозяин своей судьбы. Он активен как бы «в ответ» на воздействия внешних по отношению к нему активных сил: врагов (внешних и внутренних) и... власти.

В российском культурном опыте власть всегда противостоит народу, в определенном смысле – чужда ему. Тому были и исторические основания. Призвание (или пришествие) норманнов, рюриковичи, получение московскими князьями ярлыков на великое княжение из рук ордынских ханов, онемеченная династия Романовых, большевистский и сталинский режимы – на разных этапах истории государственная власть на Руси не вырастала из народа, была ему чужда.

⁷⁵ *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994. *Тульчинский Г.Л.* Самозванство. СПб: РХГУ, 1996.

И это всегда была не власть для народа – наоборот, народ всегда был материалом для власти, средством достижения целей властной воли. Историко-экономически на практике это противостояние воплотилось в вотчинном государстве, основанном на отождествлении власти и собственности. Этим российская государственность существенно отличается от западноевропейской. Она возникла не для защиты своих ремесленников и купцов, а как механизм вотчинного кормления.

И именно власть оказывается активным субъектом истории, смысл которой практически по всем направлениям оказывается связанным с вопросом о власти. Как писал Н. Г. Чернышевский, – «Основное наше понятие, упорнейшее наше предание, – то, что мы во все вносим идею произвола. Юридические формы и личные усилия для нас кажутся бессильными и даже смешны, мы ждем всего, мы хотим все сделать силою прихоти, бесконтрольного решения». Решение любых, вплоть до частных проблем, оказывается возможным лишь при условии всеобщего переустройства волею власти.

Народ же оказывается подобным тургеневскому Герасиму из «Муму» – большому, сильному, доброму, но бессловесному и душегубу поневоле, фактически – мало вменяемому существу. Именно в силу невменяемости его страдания и безвинны. Только в периоды смертельной опасности, полной несостоятельности государственной власти, народ просыпается, спасает отечество и вновь впадает в спокойствие, вручая активность и ответственность очередной власти.

Отношение народа и власти – главный нерв российского политического опыта. Это отношение глубоко противоречиво: власть противостоит народу, чужда ему, и, одновременно, с нею отождествляется судьба народная. Тем самым запускается культурологический и семиотический механизм сакрализации власти. Действительно, сакральное, священное в любой культуре, чтобы стать таковым и подтверждать свой статус должно отвечать нескольким требованиям. Оно должно быть загадочным, чуждым и недоступным (или очень трудно доступным) для профанов. В нем должны быть представлены формы поведения запретные в обыденном поведении. И, наконец, должен существовать социальный слой хранителей сакрального, посредников и толкователей.

Всем этим требованиям власть на Руси соответствовала сполна. С одной стороны она воспринималась как нечто чуждое, принципиально несопричастное. Государство противостоит русскому человеку изначально как нечто враждебное и на него, как на врага не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть, обещания, данные ему можно не выполнять. С другой стороны – отношение к власти патриархально интимно, чувственно.

Нравственный максимализм и страстотерпение в применении к власти с неизбежностью оборачиваются своеобразным ультрапарадоксальным единством, вплоть до совпадения двух взаимоисключающих друг друга нравственных полюсов. На одном – власть, которая на Руси только тогда воспринимается как власть и имеет нравственное оправдание, когда она крута, «страшна к непокоривым». Иван Грозный, Петр Великий, Сталин остались в памяти русского народа как «настоящие» властители, настоящие хозяева страны и народа именно в силу их «твердой руки» и безжалостности, полного произвола.

Не случайно на Руси царь всегда воспринимался двояко: как помазанник Божий и одновременно (!) как Антихрист.⁷⁶ Причем смена позиции и оценки могла быть практически мгновенной. Только что отец родной, предмет искреннего поклонения и тут же – проклинаемый всеми злодей. Да и в народном сознании широкое распространение имели легенды и песни о царе-разбойнике. На другом же полюсе – народ, который на Руси всегда кроток, героический мученик-страстотерпец с его своеобразной ласковой жертвенностью. Не случайно и грозные русские цари в трудную для себя минуту в стремлении добиться народной сопричастности доходили до юродства в демонстрации своей «кротости». Единство кротости и крутости доходит до амбивалентности добра и зла, святости и злодейства. «Сама по себе власть, по крайней мере власть самодержавная, – это нечто, находящееся либо вне человеческого мира, либо ниже его, но во всяком случае в него как бы и не входящее. Благословение здесь очень трудно отделить от проклятия», – писал С. С. Аверинцев.

⁷⁶ Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988, № 8,9.

3. Становление российской политической культуры: «искушения» власти и властью

Искушение III Римом: Святая Русь и имперскость. Русское и российское. Феномен интеллигенции. Искушение рационализмом Просвещения. Драма декабризма. П. Я. Чаадаев. «Новые люди» в подполье. «Чудо-партия» по ту сторону добра и зла. «Цветы зла» Русского Ренессанса. Невостребованные альтернативы свободы

Рассмотренный выше исключительно целостный нормативно-ценностный комплекс российской культуры, столь «озабоченный» проблемой власти, пережил ряд «искушений», давших мощные импульсы как российской политической культуре, так и ее осмыслению. В синергетической терминологии можно сказать, что эти импульсы порождали «точки бифуркации», определявшие дальнейшее развитие российского общества.

Искушение III Римом: Святая Русь и имперскость.

Первое искушение поддается практически точной датировке. 1453 г. – окончательно пал Константинополь. 1461 г. – турки взяли последний византийский город Трабзон и II-й Рим уже не существует. И почти одновременно: в 1478 г. Москва присоединяет новгородские земли, а в 1480-м окончательно сбрасывает татарское иго. Подъем и расширение Московского княжества фактически совпали по времени с упадком и крахом ромейской империи. Великое княжество Московское оказалось единственной православной державой. «Рим пал, но мы стоим, и мы Рим – искушение слишком сильное, чтобы не стать догмой, крепнувшей по мере практически неограниченного роста молодой евразийской империи.

Первое искушение, таким образом, связано с идеей всемирной христианской державы. Государственное самоутверждение народов Западной Европы не сопровождалось их претензиями на конфессиональную исключительность и универсальность. Все они принадлежали к «христианскому миру», гарантом духовного единства которого был Римский папа. Если на Западе национальное самосознание народов, их государственность оформлялись как часть единого христианского мира, то на Руси оно вскоре вылилось в форму «Святой Руси». Причем «Земля Святая» оказывалась понятием не этническим и не географическим. В ее пределы, а точнее – беспредельность вмещаются

(как показывает обращение к фольклору и духовным песням) и ветхозаветный рай и новозаветная Палестина. Это не просто традиционное для любого национального самосознания помещения своей земли в центр Ойкумены. Оно сопровождается освящением ее как мира истинной веры, причем веры, про которую заведомо известно, что она объединяет другие народы и в священных книгах которой ничего не говорится о народе русском. И, тем не менее, не Русь становилась частью христианского мира, а сам этот мир включался в содержание Святой Руси и отождествлялся с нею.

Искушение идеями III-го Рима и Святой Руси имело существенные последствия по двум основным векторам российского культурного и политического опыта: по отношению к народу и по отношению к власти. Русский народ оказался народом-богоносцем – и не только и не столько в силу своей принадлежности Святой Руси. Его долготерпение, его страдания, его жертвенность уподобили его Христу, безропотно принявшему крестные муки и взявшему, тем самым, на себя грехи человечества, искупивший их. Русский народ в российском духовном опыте предстал как Спаситель и Мессия. Мощь этого духовного импульса трудно переоценить.

Что касается власти, то российское имперское сознание, выработанное в итоге этого Искушения, оказалось существенно отличным от монархического сознания римской империи, точнее империй (Римов) предшествовавших. Российское имперское сознание отнюдь не следует отождествлять с «византизмом», как это делается нередко до сих пор. Византия получила свой политический строй от языческого Рима. Поэтому самодержавная монархия воспринималась греческим православием как данность. На Руси же, прорастая из патриархальных отношений, самодержавие имело иной характер.

Прежде всего, это касается восприятия самой фигуры самодержца. Римский и константинопольский престолы были открыты любому удачливому узурпатору. Оспаривать чужое имя, кровь, родословную в этой ситуации было просто ни к чему. На Руси же главным оправданием занятия престола являются не личные качества претендента, а его принадлежность единому роду, наличие определенного имени. Поэтому даже очень способный и справедливый царь, как например Борис Годунов, не располагающий этой привилегией, лишался не только боярской поддержки, но и отторгался народным сознанием. И наоборот, наследники, лишённые трона, положенного им «от Бога», приобретали в общественном мнении ореол мученичества, страсто-

терпения, а затем и святости (Борис и Глеб, царевич Дмитрий, Николай II с семьей).

Российскому сознанию принципиально чужда идея источника полномочий власти как общественного договора, контракта, удовлетворяющего интересы различных сторон. Между волей индивидуальной и волей властителя принципиально отсутствует посредник – правовое сознание. У богоносного народа-Мессии может быть только царь «не от мира сего», вождь-носитель окончательной Правды. Поэтому в культуре, в которой власть имеет столь сакральные характеристики, неизбежно появление людей не просто алчущих власти, но и претендующих на идею всеобщего спасения, выступающих не от себя лично, а от имени этой идеи. Идея универсального и всеобщего спасения воплощается в персоне, претендующей на властное осуществление идеи.

Русское и российское. Феномен интеллигенции

Кроме того, искушение III Римом привело к оформлению российской политической культуры преимущественно как имперской. В этой связи важно различать российскую и русскую культуру.

Вся история России – история становления империи. Российская культура – великая культура. Но ее величие во многом обусловлено тем, что это культура имперски собирательна, культура культур. В ней находили свое место не только представители культур различных народов (Чурленис, Левитан, Шевченко, Гоголь, Даль и т. д.), но и целые культурные формы различных времен и народов: французский балет, итальянская опера, венская оперетта и т. п. Империи всегда оставляли великие культуры, имеющие общечеловеческое значение.

Фактически в России сложились две культуры. Одна – «верхняя», надэтническая, формировавшаяся вокруг властного официоза, – от великокняжеского двора до культуры Пушкинской эпохи и «Серебряного века. И «низовая» культура, этнически конкретная (на территории России проживает 10-12 относительно самостоятельных русских этносов со своим бытом, костюмами, танцами, песнями, кухней, жилищем). Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов – писатели прежде всего российские. Интеллектуальная гордость – философы В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк, Г. Г. Шпет и другие – философы имперские по самому менталитету.

Русский народ оказался в двусмысленной ситуации культурной идентичности: практически все символы русской культуры на поверку оказываются символами и ценностями российскими, имперскими.

Следует подчеркнуть главное – культурный разрыв России на две культуры: культуру власти и культуру (культуры) народа. Этот разрыв был неоднократно усилен и оформлен духовно, идейно и конфессионально. Во-первых, религиозной революцией сверху: крещением Руси Владимиром – первой духовной травмой. «Княжеская религия» не сразу вошла в народную культуру, а когда вошла, то интегрировала в себя – в обыденном религиозном сознании и его проявлениях – изрядную долю язычества.

Во-вторых, – церковной реформой Никона, приведшей не только к расколу, но, что очень существенно, к взгляду на официальную церковь как противостоящую вере отцов, эту веру нарушающую и преследующую. И власть, это преследование осуществляющая, и уточненные книги, и уточненная служба предстали, как и властно и духовно чуждые народу.

В-третьих, эту ситуацию закрепили петровские реформы, инкорпориовавшие церковь в структуру власти. Недаром и Никон, и Петр I представляли в народном сознании как исчадия ада, а их время – как царство Антихриста.

Особенно существенна роль Петра I. До него в России сложилась довольно развитая система элиты, включающая в себя категории боярской аристократии, служилых людей (дворянства), именитых людей и гостей (купцов), посадских (ремесленников) и тяглого крестьянства. Высший слой каждой категории был много влиятельнее и богаче низшего слоя более высокой категории (например, богатейший посадский – богаче рядового дворянина). Петровские реформы спрессовали и упростили эту схему табелью о рангах. Это разрушило не только отечественную аристократию, но и демократию тоже. Причем на базовом ее уровне низового самоуправления. Домонгольская Русь управлялась княжеской «монархией» в сочетании с боярской аристократией и вечевой демократией. Еще в 1211 г. Всеволод III созвал первое сословное представительство – прообраз земских соборов. Произошло это за 54 года до созыва первого английского парламента. В городах же традиционно сохранялись сотни и слободы, а на селе – сходы.

Петр I разрушил именно низовую демократию, перещеголяв в этом даже свой бюрократический идеал – Швецию, сохранившую самоуправляемые приходы. Петр породил чудовищный рост бюрократического аппарата, а нормальные и естественные в аристократическом и демократическом обществах неформальные связи (сети) были объявлены вне закона. Петровская бюрократическая система в своем отрицании человеческих связей стала питательной средой коррупции,

бесчеловечности и не случайно XVIII-XIX века ушли на постоянное смягчение бюрократического государства.

После Петра самоуправление развивалось только в высшем слое, что также дополнительно разрывало общество. Ранее система вотчинного государственно-хозяйственного устройства, служилого дворянства обеспечивали социально-этническое единство. Крестьянин знал, что его барин (боярин) – служит и его содержат как служилого (воина). Он выступал как бы ответственным за судьбу не только и не столько государства, а именно общества. Отсюда и особая патриархальность отношений землевладельца-дворянина и земледельца. После же петровских реформ крестьянин узнал, что на его шее сидит бездельник, которому он, крестьянин, почему-то принадлежит вместе с землей и которого он должен кормить. Неудивительно, что крестьянство ответило на это пугачевщиной. 25-летняя рекрутчина для крестьян и указ о вольности, избавлявший дворян от этой службы усилили разрыв.

И, главное, Петр Великий не прививал культурные заимствования, а просто насаждал иное. И после Петра в России эта практика в строительстве власти продолжилась (ср. советская власть, атеистическая пропаганда, преследование церкви, уничтожение храмов, советские и постсоветские реформы).

Разрыв и противостояние власти и народа, свойственные практически всей российской истории (не случайны и лозунги типа «Бог, Царь и Отечество», «народ и партия едины» – эти заклинания лишь подчеркивали реальное отсутствие этого единства) были оформлены не только политически и экономически, но и духовно, что не способствовало конструктивной консолидации общества.

Недаром после раскола, когда традиционные институты духовности были утрачены, функции духовных поводырей активно стали связываться с интеллигенцией, преимущественно – художественной. Поэт в России больше чем поэт, даже вопреки очевидным фактам, он – мученик, значит, заступник и учитель, к нему обращаются за ответом на свои личные проблемы и проблему обустройства общества – ситуация невыносимая в культуре Германии или Англии.

Российская интеллигенция – социальная группа, занимающая исключительно противоречивую позицию между властью и народом. Перед последней у нее всегда был комплекс вины. Она чувствовала и чувствует, что и образование и средства к существованию она получает из рук власти, т.е. за счет эксплуатации и все того же «кормления». Отсюда стремление опроститься, слиться с народом, раствориться в нем. Но при этом, одновременно и стремление научить,

повести народ за собой, указать ему дорогу помимо, а то и вопреки его воле. Поэтому народ интеллигенцию не любит и ей не доверяет.

Не менее противоречиво и отношение интеллигенции к власти, к которой интеллигенция почти всегда оказывается в оппозиции, у власти всегда «не те», которые все делают «нет так», кто бы это ни был, власть всегда «не чиста», «отвратительна», корыстна и вообще – приличный человек с властью дела не имеет. И в то же время – постоянная готовность предлагать проекты и программы, просвещать, учить ее, быть в роли критика-поводыря. И в том и в другом случае – уход от ответственности. Поэтому власть интеллигенцию также не любит и не доверяет ей.

При всем своем промежуточном положении русская интеллигенция не является «средним классом», стабилизирующим общество. Сама лишенная прочного экономического положения, духовно и культурно оторванная от народа, она своими идейными шараханиями не стабилизировала российское общество, а все больше «раскачивала лодку». Чем оборачивается такая расколотость культуры – история России показала воочию. Но перед этим российский политический и культурный опыт пережил еще одно радикальное искушение.

Искушение рационализмом Просвещения

Речь идет об одном из последствий петровских преобразований, закрепленных в царствование Екатерины II, преобразований, открывших новые горизонты развития России, открывших ее для восприятия западноевропейского опыта и культуры. Российская имперская культура, аккумулированная во властных слоях общества, центрах и структурах власти, приобретала все более выраженный общезивилизационный характер, еще более отрывалась от народных корней. В конечном счете, это противостояние культур и взорвало империю. Критическая масса была накоплена в течение двух столетий. Второе радикальное искушение российского культурного и политического опыта, породившее его нравственную катастрофу, связано с рационализмом европейского Просвещения и особенно – с попытками его практической реализации.

Согласно рационалистическим представлениям, поведение нравственно, если оно следует общим законам, познаваемым с помощью разума. «Только разумное существо имеет волю, или способно поступать согласно представлению о законах», – писал И.Кант. Для рационали-

стической этики неразделимы разум, долг – как следование познанным законам, и добрая (свободная) воля – как реализация долга. В конечном счете, воля оказывается свободной только в плане ее разумности. С этим трудно не согласиться. Возражения может вызвать формальное, внеличностное понимание разумности. Но это уже издержки любой рационалистической концептуализации.

Мир европейского рационализма – это механизм, и человек в своем бытии должен подчиняться действию всеобщих законов этого механизма. «Печальное наследие рационализма, что правда может быть только истиной, слагающейся из общих моментов...», – писал М. М. Бахтин. Теория и практика рационализма – поиск все более «общих мест», которым как внешнему «надо» должен подчиняться человек. Более того, сам он оказывается средством реализации вне- и над-индивидуального закона, его удел, говоря словами И. Канта, – «не ждать ничего от склонности человека, а ждать всего от верховной власти закона и должного уважения к нему». В другом месте тот же Кант писал: «человек живет лишь из чувства долга, а не потому, что находит какое-то удовлетворение в жизни» – вот по сути дела подлинный императив рационалистической нравственности. С одной стороны, она основана на самоотречении, смирении и послушании во имя универсального общего. В этой ситуации наиболее нравственным будет полное самоотречение во имя этого общего.

С другой стороны, «уважение» к общему универсальному (тотальному) закону, так или иначе, но ориентировано на автора и гаранта этого закона, подчинение его воле, выраженной в законе. Такое высшее существо стоит вне мира, устанавливает законы безотносительно к чему бы то ни было, фактически – произвольно, и таким образом истинной свободой воли обладает только оно. В условиях реальной практической земной нравственности – это лицо, наделенное властными полномочиями или присвоившее себе «право иметь». Тем самым он претендует на богоподобие, считает себя вправе действовать, совершая насилие над другими, своего счастья не ведающими, не посвященными в истинное знание.

Нравственные тупики «взбесившегося» разума были ярко высвечены Ф. М. Достоевским, неоднократно подчеркивавшим «окалеченность» рационалистического сознания, «убивающего и парализующего» жизнь, его внеморальность и аморальность, скрытую или явную тенденцию к насилию, доходящую до санкции убийства – себя или другого человека. Действительно, таков путь любой рационалистической утопии и ее реализации – будь то в художественных образах (шигалевщина и легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского,

Город Солнца Т.Кампанеллы, «Мы» Е.Замятина, «1984» Д.Оруэлла, «Чевенгур» А.Платонова и др.), будь то в жизни (сталинщина, полпотовский режим и т.п.).

Целью любой рационалистически-бюрократической утопии является внеэтическое законообразное функционирование общего и отрицание (вплоть до уничтожения) человеческой индивидуальности. Воплощение идеала главного чевенгурского «теоретика» Проши Дванова – «...думает не более одного человека, а остальные живут порожняком и всегда вслед первому... все себя знают, а никто себя не имеет» – практический итог рационалистической нравственности. Стремление человека к свободе оказывается послушанием, «себя не иметь», а свобода воли – волей к неволе.

И в этом плане рационализм оказывается созвучным предельным напряжениям российской культуры с ее озабоченностью проблемой власти, тяготением к полюсам кротости и крутости. Рационализм лишь проясняет их амбивалентность: спонтанный волюнтаризм деспота и смиренное послушание остальных.

Искушение рациональным прояснением амбивалентности кротости и крутости происходило не только в русле философствования на темы нравственности. Исключительную роль сыграла политическая практика просвещенного рационализма в период Великой Французской революции. Роль французской культуры в развитии культуры России, в становлении российской революционной мысли хорошо известна. Отметим лишь главное для данного контекста.

Жиронда и якобинство – политическая практика рационалистического Просвещения с его верой в добро, разум, неукоснительную справедливость, всеобщее равенство, свободу и братство. Была даже предпринята попытка отменить христианскую конфессию и само понятие Бога, заменив их культом Высшего существа и Разума. Себе эти люди не искали выгоды, считая, что творят всеобщее добро, а если кто-то этого не понимал, то это не только ставилось ему в вину, но он подлежал изоляции и скорой казни. Робеспьер – ученик Руссо, главный идеолог и практик якобинства – в 1794 г. выдвинул целью революции создание «республики добродетели», в которой главной движущей силой «должны быть одновременно террор и добродетель: добродетель, без которой террор пагубен, и террор, без которого добродетель бессильна. Террор это ничто иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, он, следовательно, является эманацией добродетели». С помощью такой аргументации только на гильотине во время

якобинской диктатуры было казнено около 50 тыс. человек. Гильотина, наверное, была избрана орудием казни неспроста, а как своеобразное практическое следствие культа разума: если ты не понимаешь общее благо и необходимость, то голова твоя явно лишний предмет. Жертвам сталинских репрессий тоже стреляли в голову, а полпотовцы отбивали ненужные головы мотыгой. Во времена «развитого социализма» инакомыслящих уже просто помещали в специальные психиатрические лечебницы.

Точка бифуркации: драма декабризма. П. Я. Чаадаев

Редкий случай в истории – событие, существеннейшим образом определившее развитие российской политической истории и культуры – имеет точную дату: 14 декабря 1825 года. Декабризм – нереализованный шанс перевести развитие империи в конструктивное русло. Трагедия была не в несвоевременности восстания или плохой его подготовке. Момент междуцарствия 1825 г. был исключительно благоприятный, выявивший всю несостоятельность российского царизма, превращающего политическую судьбу страны в семейную дрязгу – свидетельство полного разложения патриархальных корней самодержавия. Шансы на победу, на реализацию плана Трубецкого были велики. Общественное мнение, позиция генералитета фактически были на стороне дворянского авангарда – свидетельства этого сейчас достаточно известны. Трагедия была в том, что эта точка бифуркации российской истории была, в силу ряда случайностей, пройдена именно таким образом (провокационный действия Якубовича, бессмысленное убийство Каховским Милорадовича), за чем последовала картечь, изощренное антигуманное следствие, казни, сибирская каторга и тотальный контроль за инакомыслием.

Тема декабризма – вечная тема российского политического самосознания и самоопределения. Кто такие декабристы? Молодые европейски образованные офицеры – один из наиболее ярких российских плодов европейского Просвещения. И не просто блестящие офицеры, а победители – среди них были участники Великой Отечественной войны 1812 года, в которой Россия перемолола не просто наполеоновскую армию, а фактически армаду всей континентальной Европы, объединенной волей Бонапарта. Эти офицеры прошли всю Европу, поили своих коней из вод Сены. Они участвовали в победе России не просто над врагом, а над Францией, пережившей недавнюю Революцию (к идеям и ходу которой в России испытывался обостренный

интерес), воцарение Бонапарта и победоносное шествие по европейским столицам.

Какое искушение установления разумного общественного устройства с помощью просвещенной властной воли?! Дело за малым – надо только взять власть: традиционная российская постановка проблемы и ее решения. Перед глазами декабристов был не только пример Робеспьера и Бонапарта. В родном отечестве за предшествующее столетие был накоплен богатый опыт целой серии «серальных» (по выражению А. И. Герцена) дворцовых переворотов и царевубийств. Поэтому идея узурпации власти – естественна для российских офицеров первой четверти XIX в. Бонапартизм придал ей лишь дополнительный романтический вид. Самозванство – не очень явная, но сквозная тема декабризма. Многие декабристы подозревали друг друга в бонапартизме: Рылеев – Трубецкого, Якубович – их обоих, все вместе – Пестеля. Батеньков готовил себя к роли Бирона при Иоанне Антоновиче, Булатов – к роли верховного спасителя. Вершинным выражением этого самозванства стала фигура Якубовича, оказавшегося способным не просто на ложь и отказ от данного слова и порученной ключевой роли (что привело к провалу исходного плана), но и на попытку манипулировать не только восставшими, но и императором, и генералитетом.

Декабризм интересен и важен еще и тем, что в нем заложены практически все линии и направления общественной мысли, связанные с поиском пути обновления России. Вот пункты программы «Союза благоденствия», предшествовавшего Северному и Южному обществам: «1-е. Поддержание всех тех мер правительства, от которых можно ожидать хороших для государства последствий; 2-е. Осуждение всех тех, которые не соответствуют этой цели; 3-е. Преследование всех чиновников, от самых высших до самых низших, за злоупотребление должности и за несправедливости; 4-е. Исправление по силе своей и возможности всех несправедливостей, оказываемых лицам, и защита их; 5-е. Разглашение всех благородных и полезных действий людей должностных и граждан; 6-е. Распространение убеждения в необходимости освобождения крестьян; 7-е. Приобретение и распространение политических сведений по части государственного устройства, законодательства, судопроизводства и прочих; 8-е. Распространение чувства любви к Отечеству и ненависти к несправедливости и угнетению». Эти восемь пунктов – своеобразный «восьмеричный путь» российской демократизации, до сих пор – концептуальное ядро любой программы демократического обновления России.

Я. А. Гординым,⁷⁷ А. А. Лебедевым⁷⁸, другими авторами убедительно показана широта спектра представленности в декабризме «порождающих моделей» российского демократизма. От радикального (как пестелевского – выдержанного в духе якобинства, так и романтически тираноборческого, представленного Каховским) до реформистского, выраженного как в программах и действиях братьев Бестужевых, так и в либеральном утопизме и шатаниях Батенькова, также разрушительно сказавшихся на реализации плана восстания. Даже азевовский сюжет оказался выраженным в действиях того же Якубовича.

Особый интерес представляет в этой связи фигура П. Я. Чаадаева. Участник войны 1812 г., лично знавший обоих императоров, друг А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, он хорошо знал декабристский круг и даже являлся членом первого тайного общества. За время путешествия по Западной Европе слушал лекции Шеллинга, общался с ним и состоял в переписке. А. И. Герцен, В. Г. Белинский, славянофилы часто бывали у него, официально объявленного сумасшедшим (архетип российского диссидентства!). И наконец, он был знаком с работами К. Маркса и Ф. Энгельса, их сторонников. П. Я. Чаадаев – своеобразная призма, сфокусировавшая основные проблемы, идеи и темы российской общественной мысли. От него расходятся, образуя основные линии и сюжеты ее дальнейшего развития: как либерализма, так и мистического почвенничества.

Пожалуй, наиболее явственно способность Чаадаева сфокусировать и сформулировать свою мысль проявилась в его знаменитом парадоксально провидческом афоризме: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники».⁷⁹ Стоит зафиксировать смысл этой конгениальной российскому опыту мысли. Во-первых, победа социализма – непреложный факт будущего. Во-вторых, у социализма отсутствует собственный победительный потенциал (он неправ). В-третьих, причина его грядущего торжества не в его правоте (ее у него нет), а в заблуждениях и слабости его противников.

После 14 декабря 1825 года Россия была обречена на авторитарность и традиционализм политического режима, порождающие болезненность любых процессов обновления. Они стали возможны только как «революции сверху», как принудительные нововведения. В этих

⁷⁷ Гордин Я. Мятёж реформаторов. Л., 1989.

⁷⁸ Лебедев А. А.: Красота и ярость мира. М., 1989; Чаадаев. М., 1964; Честь. М., 1989.

⁷⁹ Чаадаев П. Я. Полн. собр. сочинений и избранные письма. В 2 тт. М., 1991.

условиях становятся неизбежными как исключительная роль власти и верховного правителя – с одной стороны, и проблемы, тупики либерального демократизма, а также демократизма радикального – с другой.

«Новые люди» в подполье

Крах декабризма и последовавшая реакция не остановили проявления других следствий прививки рационалистического Просвещения российскому духовному опыту. Ими стали влияние немецкой классической философии и романтического идеализма. Результатом этого влияния стало противостояние западничества и славянофильства. Последнее имеет свои идейные корни в немецком романтизме с его идеями «почвы», «народного духа» и т. п. Другим результатом стало проникновение и развитие позитивистского мировоззрения, отрицающего постановку религиозных и нравственных проблем, с его установкой на самоценность конкретного («позитивного») естественнонаучного знания, и породившего, помимо прочего, явление, с легкой руки Тургенева названное «нигилизмом». И наконец, это проникновение и развитие в России идей «научного социализма», в том числе и в их марксистской формулировке.

«Общие понятия и большое сомнение в любой миг могут стать причиной большого несчастья», – писал Гете. К сожалению, именно это и произошло с Россией. Поверхностное усвоение западных идей, общее о них понятие при большом сомнении и принесли, в конечном счете, большое несчастье. Страшную опасность хорошо видел Ф.М. Достоевский, ясно прописавший в «Бесах» истоки, содержание и возможные следствия этой самозванной нетерпимости. Можно сказать, что им, фактически, в общих чертах и даже деталях был осмыслен грядущий «порядок». Угаданы не только идеи, но даже их социальное происхождение – недоучившийся семинарист, претендующий на абсолютную истинность своих поверхностных рационализаций. В 1876 г. Достоевский писал: «но может ли семинарист быть демократом, даже если б захотел того?» Недоучившиеся студенты, семинаристы, экстерны, «самоучки», усвоившие в пропагандистских кружках упрощенный популяризаторами марксизм и довели Россию, в конечном счете, до деспотического тоталитарного режима, идеологией стала диалектика, упрощенная до абстрактных схем школярской схоластики. Это сознание и идеология, отключенные от живой культуры и живой мысли, развивающееся в самодостаточном мире абстракций. Поэтому они особенно опасны, когда предпринимаются попытки

их воплощения. Это отчетливо видно в эволюции российского революционного демократизма. Великая реформа 1861 г., осуществленная сверху (для народа, но без него) была не понята народом, ждавшим «черного передела» и была отторгнута революционными демократами, у которых она буквально выбила почву из под ног. После отмены крепостного права наиболее радикальные революционеры-народники (самозванные борцы за дело народное) предали анафеме и реформу, и ее последствия, и ее создателей. Более того, – устроили охоту на царя-освободителя.

Левонароднический экстремизм с его трагической идеей героического самопожертвования слился с мыслью о мессианизме и избранничестве. Народовольцы – не пионеры политического экстремизма. Задолго до бомбы Гриневицкого можно найти в истории примеры кровавого террора. Но только в российском экстремизме террор получил глубокое экзистенциальное нравственное обоснование. Показательно, что народовольцы публично выразили «глубокое соболезнование американскому народу» по случаю гибели президента Дж.А.Гарфильда, убитого, кстати, в том же 1881 г. Исполнительный комитет «Народной воли» посчитал «своим долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито». Прекрасно понимая всю двусмысленность своего положения, народовольцы поясняли, что там, где существуют политические свободы, демократическая государственность, там «политическое убийство есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей».

Показательно авторитетное свидетельство выдающегося практика российского экстремизма⁸⁰ – Б.Савинкова, приводящего обращенные к нему слова молодой террористки: «Почему я иду в террор? Вам не ясно? «Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради, сей спасет ю» – Вы понимаете? Не жизнь погубит, а душу!». Российский экстремизм это сознательное душегубство по высоким нравственным мотивам. Причем душегубство двойное: убить другого человека, погубив собственную душу. Итог этого двойного душегубства – спасение собственной души, в великой идее.

«Жить в идее значит обращаться с невозможным так, как будто оно возможно», – замечал тот же Гете. Но является ли сам факт «жизни в идее» оправданием возможности любого «невозможного»? Старый как мир вопрос – оправдывает ли великая цель любые средства?

⁸⁰ Савинков Б. Воспоминания террориста. М.: Прозаик, 2013.

Российское революционно-демократическое сознание выработало свои ответы на эти вопросы, в которых российский культурный опыт получил уточнение и развитие.

Богатый материал для осмысления этих «уточнений» можно найти у Писарева и Чернышевского с их проповедью «реалистов» и «новых людей» с их особой моралью, в творчестве М.Горького с его поэтикой босячества, в его «Песнях» («О Соколе» с ее противопоставлением «рожденных летать» «рожденным ползать», «О Буревестнике» с ее самоценностью бури), повести «Мать» с ее явным новозаветным сюжетом и особенно «Старуха Изергиль» с легендой о Данко, огнем своего сердца, вырванного из груди, осветившего путь заблудшим (и оказавшимся неблагодарными) людям. В этих произведениях нашло свое образно-мифологическое выражение содержание революционно-демократического сознания.

Прежде всего, это противостояние нравственного героя и толпы, им ведомой. Герой, осуществляющий, говоря словами П.Лаврова, «свою историческую деятельность во имя нравственного идеала», оказывается не только вне нравственной оценки – отрицается даже возможность такой оценки его деятельности.

Кроме того, это необходимость веры герою и в идеал. Вне– и безнравственный герой, противостоя толпе и ведя ее за собой, нуждается в том, чтобы толпа безоговорочно верила ему, а еще лучше – в него. Согласно тому же Лаврову, борющейся партии более всего опасны не противники, а неверующие. Поэтому, утверждал он, – «нужны мифы и их мученики, легенда о которых переросла бы их истинное достоинство, их действительную заслугу. Им припишут энергию, которой у них не было. В их уста вложат лучшую мысль, лучшее чувство, до которого доработаются их последователи. Они станут недостижимым, невозможным идеалом перед толпой. Число гибнущих тут не важно. Легенда всегда их размножит до последней возможности».⁸¹

В герое и толпе нетрудно увидеть трансформировавшийся идеал святости как самоистощания и самоценности страдания.

Показательно, что такой ментальности органически присуща тема «культы». Богостроительский сюжет в российской социал-демократии не случаен и заслуживает пристального внимания. Среди богостроителей – тот же Горький, А.А.Богданов (крупнейший теоретик-марксист и автор повестей «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» – дорево-

⁸¹ *Лавров П. А. Исторические письма* СПб, 1906, с.285-286.

люционных предтеч советской фантастики), такой теоретик и идеолог как А. В. Луначарский. Последний, кстати, рассматривал К. Маркса как «продолжателя дела пророков», а марксизм – как «последнюю великую религию». ⁸² Заслуживает внимания и тема богоборчества, сатанизма, нет-нет, да и проявляющаяся в леворадикальной мысли. По крайней мере, М. Бакунин восславлял Сатану – «вечного мятежника, первого свободного мыслителя и эмансипатора миров», а тот же Луначарский развивал в ницшеанском духе мысли о Люцифере.

Среди других составляющих этого менталитета – конспиративность, установка на тайну и секретность замыслов, следствием чего, помимо прочего, является и допущение лжи «во благо». Толпе незачем знать подлинное лицо и мысли «героев», ее можно сознательно вводить в заблуждение, если это идет на пользу «общему делу». Из этого вытекает самоценность единства, необходимость иссечения любых частных мнений и сомневающихся, любого инакомыслия. Отсюда и самоценность конспирации. Кон-спирация – буквально означает единство духом.

И наконец, следует упомянуть ориентацию на оправданность присвоения результатов чужого труда: от теоретической «экспроприации экспроприаторов» до практического «грабь награбленное».

Речь, таким образом, идет об опыте, ориентированном не на созидательную деятельность, а на нравственное целеуказание, идеологический эзотеризм и... все то же кормление. Такое своеобразное уточнение и очистку испытал российский культурный опыт в революционно-демократическом сознании и практике. И в этой связи нельзя пройти мимо одного из самых сокровенных искушений европейским рационализмом – искушения марксизмом.

«Чудо-партия» по ту сторону добра и зла

После реформы 1861 г. – и чем дальше, тем больше – революционно-освободительное движение заходило в политические, теоретические, идеологические и нравственные тупики индивидуального террора. Возможный успех аграрной реформы, перспектива дальнейшей капитализации экономики России, заметного становления среднего класса лишали борцов за свободу народа (помимо и вопреки воле самого народа) почвы под ногами, вынуждали искать новые аргументы в поиске возможностей всеобщего и одновременного прыжка в царство справедливости. И революционеры нового поколения нашли

⁸² Луначарский А. В. Религия и социализм. Ч. I. СПб, 1908. СС.31, 46.

такие аргументы в «научном социализме», марксизме с его сведением личности к общественным отношениям, свободы к исторической необходимости, морали и нравственности к классово-партийным целям.

Разложение довольно архаического сознания народничества, крайним выражением народолюбия которого стал индивидуальный террор против представителей власти, вызвало энергичные поиски союзников в неприятии все более прораставшего в России капитализма и борьбе с ним. Такой союзник парадоксальным образом был найден в марксизме – чрезвычайно рационалистическом и наукообразном учении, в котором говорилось о неизбежном крахе капитализма именно в силу частно-собственнического характера экономических отношений, что на смену капитализму придет общественный уклад, ликвидирующий частную собственность, с коллективистской моралью. И выводы эти сделаны на основе научного анализа и научно выявленных законов общественного развития, к которым пришла сама новейшая европейская наука.

Российский революционаризм увидел новые аргументы для правового нигилизма во имя некоей целесообразности насилия (диктатуры пролетариата). Причем все это были аргументы, строящиеся на основе якобы открытых законов общественного развития, для приведения в соответствие с которыми и нужно осуществить насилие над обществом. И дело опять же только за малым: надо только взять власть и экспроприировать экспроприаторов – остальное получится само собой. Марксизм давал простые ответы на непростые вопросы. Кто виноват? Экспроприаторы-собственники – надо только указать на них пальцем. Черносотенцы тыкали в одних, сами крестьяне в «грабизках» определялись с другими. Самого многочисленного экспроприатора, которого надо было экспроприировать указывал марксизм. Что делать? Бороться за власть, для чего необходимо создание российской революционной партии «нового типа».

И такая партия была создана. Ее новизна заключалась прежде всего в том, что она не связывала себя парламентскими формами борьбы за власть. Она ставила себя по ту сторону добра и зла. Нет общечеловеческих ценностей и морали. Есть классовые (а точнее – партийные) интересы и цели. Моральная философия российской революции характерна например, в отношении к «эксам» (экспроприациям – грабежам банков, почт, богатых людей). Отношение это даже в РСДРП было неоднозначным. Большевики считали оппортунистической саму постановку вопроса о моральных и аморальных, допустимых и не допустимых методах борьбы, а согласно Ленину, «марксизм, безуслов-

но, не зарекается ни от каких форм борьбы». Вопрос этот обсуждался на двух (совместных) съездах – IV и V – где большевиками предлагалось признать экспроприации допустимыми при условии «самого строгого контроля со стороны партии». Оба раза, однако, проходила резолюция меньшевиков, запрещающая какое бы то ни было участие в актах или содействие им. Часть большевиков – и Ленин в том числе – голосовала против. Некоторые дружины, не подчинившиеся решениям съездов, быстро скатились к простой уголовщине и бандитизму.

Младший Ульянов, в отличие от старшего брата-бомбиста, действительно пошел «другим путем». Но другим путем шел тот же российский революционер-народник. Марксизм в России был воспринят народнически, он был надет как перчатка на руку революционно-освободительным движением. И перчатка эта пришлась очень по руке. В итоге мифологемы российской политической культуры были выражены в марксистской рационалистически-научообразной терминологии, а сам марксизм приобрел характер учения, дающего ответы на все случаи жизни, т.е. приобрел черты мифологии, что лишь усиливалось его упрощением и популяризацией для целей пропаганды в неподготовленной малообразованной среде.

Более того, он дал нравственное основание и благословление новому витку насилия, подняв его на качественно (и количественно!) новый уровень – речь уже шла о терроре не индивидуальном, а классовом. Люди подлежали уничтожению не за принадлежность к власти, а за принадлежность к классам.

Марксизму поверили на слово в его пророчестве об исторической несостоятельности и гибельности рыночной экономики, частной собственности, парламентской демократии и либерализма. Поверили, потому что очень хотели поверить. Через искушение «научным социализмом» прошел практически каждый российский интеллигент. К октябрю 1917 г. партии той или иной степени социалистической ориентации составляли подавляющее большинство в России.

Однако, роль марксизма – не в подмене российского мессианизма мессианизмом пролетарским. III Интернационал – не III Рим, как полагал Бердяев. Марксизм нес в себе самостоятельный мощный заряд духовной и политической энергии, заключенный в единстве глобального размаха, научной глубины и формы изложения, а также мобилизующей силы революции обездоленных (пролетариата), которым нечего терять в этом мире. Симбиоз российской культуры и коммунистической идеи послужил источником мощнейшего взрыва духовной и политической энергии.

«Цветы зла» Русского Ренессанса

Каждый образованный человек в России с большим пиететом относится к российской культуре начала века, давшей мощный импульс развитию всей мировой культуры: искусства, науки, техники. Импульс настолько мощный и яркий, что эта культура получила название «Серебряного века», «Русского Ренессанса». Важно только помнить, что это был расцвет городской – именно российской, имперски собирательной культуры, во многом чуждой культуре народной, оторванной от нее. Более того, культура Серебряного века символизирует уже и отрыв от своих властных корней, она существенно противостоит и власти, являясь культурой именно светской, городской, пытающейся жить своей, самодостаточной жизнью.

По авторитетному свидетельству одной из титульных фигур «Русского Ренессанса» – З.Гиппиус, для духовной атмосферы начала XX века, была характерна духота, ощущение парника, неестественности, декаданса и если уж расцвета, то «цветов зла». Радикализировавшуюся образованную молодежь охватило стремление прочь из аномального мира к новой, невиданной и неслыханной норме. Дополнительный импульс этому стремлению дали идеи Ф.Ницше, стремительно вошедшего в российскую интеллектуальную моду после своей смерти в 1900 г., особенно – идея сверхчеловека по ту сторону добра и зла. Приблизить смерть больного. Помочь ему умереть. Пусть сильнее грянет буря. Слушайте музыку революции. Рожденный ползать летать не может. В этом плане М.Горький, А.Блок, Л.Рейснер – фигуры типологически единые.

Несогласие с существующим – духовный опыт всей российской культуры. Все мыслящие так или иначе, но всегда были «против». Формы этого изначального, «онтологического» несогласия были многообразны. Но начало XX века, сочетание народнических традиций с модернизмом и авангардизмом породило эпически парадоксальную форму – сплав эгоцентризма, элитарности и жертвенности – имманентного самозванства, направленного против самого себя, с темной стихией российского бунта заигрывали и символисты и футуристы. А.Блок призывал «слушать музыку революции». Общим было стремление вернуть долг обездоленному народу, который, быть может, уничтожит и интеллигенцию с ее культурой вместе: «Но вас, кто меня уничтожит, встречаю приветственным гимном», – писал В.Брюсов.

В этой связи можно говорить о мировоззренческой и духовной ответственности российской интеллигенции за катастрофу 1917-1922 гг.

Одна ее часть самоунижалась перед «народушкой», а другая звала его к топору, заигрывая с бунтом и насилием, высмеивая либерализм и превращая слово «либерал» в презрительное ругательство. Российская интеллигенция так и не выполнила свое историческое предназначение, не смогла или не захотела выразить идею нации в целом, которая бы сплотила российское общество. Более того, интеллигенция оказалась безответственной как по отношению к народу, так и по отношению к власти, что убедительно продемонстрировал 1917 год – краткий период нахождения у власти самой интеллигенции. Мудрый М. М. Пришвин как то заметил, что петербургская и московская интеллигенция накануне революции «держалась за столб дыма – ветер и подул».

В объективном итоге, как и идеологический и политический потенциал марксизма, так и духовные метания художественной интеллигенции, – сработали на «очищение», рафинирование в российском сознании безответственной нетерпимости. Заигрывания интеллигенции с насилием и мировым пожаром заканчивалось. Начинались реальные насилие и пожар.

Невостребованные альтернативы свободы

Были ли у России иные возможности? Какие альтернативы оказались невостребованными? Был ли в них потенциал свободы и ответственности – антиподов невменяемому самозванству? И с кем этот потенциал был связан – с народом? с властью? с интеллигенцией?

Неправые противники. В этой связи самое время вспомнить об «оказавшихся неправыми противниках социализма» из чаадаевского пророчества. Кто же оказался неправ и не востребован российским обществом? Представляется, что можно говорить о трех основных группах «противников», а значит, и о трех основных видах «неправоты».

Первая группа – те, кто не принимал социализм с великодержавных, националистически-монархических позиций, от имперского космополитизма до черносотенства, от офицерства и чиновничества до провинциального купечества и помещиков. Речь идет в этом случае об исторической неправоте сторонников обессиленного режима и выдохшейся династии, не случайно потерпевших поражение в Гражданской войне. Однако со временем эти «противники» распознали имперскую великодержавную тему в реальном социализме и коммунистической идеологии.

Не случайно А.Деникин в 1939 г. в Париже поднял тост за Советскую Россию и большевиков, которые «смогли сделать то, что не смогли мы – спасти великую империю», а один из наиболее активных монархистов и борцов с советской властью В.Шульгин в конце концов вернулся в Советский Союз и даже написал довольно апологетическую книгу. В наши же дни прямо осуществляется предсказанный еще в 1920-е годы А.Аскольдовым и С.Франком синтез красной и черной идей. Нынешние фашиствующие националисты легко находят общий язык с коммунистами-фундаменталистами, колхозно-совхозными феодалами и другими сторонниками распределительной государственной (по сути деа – вотчинной) экономики. То, что предшественники «свои своих не узнаша», лишь подчеркивает их тогдашнюю историческую недалекую неправоту.

Второй круг противников социализма – среда преимущественно художественной творческой интеллигенции начала века, близких к ней философов «веховской» традиции. Это была философия преимущественно публицистическая по жанру и имела яркую нравственно-религиозную направленность. Именно она определила во многом феномен русской философии начала века, философии «русского Ренессанса». Многие из этих философов прошли через искушение социализмом и социал-демократией, решительно отвернулись от них, а оказавшись за рубежом, со все нарастающим интересом и даже симпатией следили за строительством социализма в России. Для этого философствования характерна двойственность – с одной стороны, острое неприятие царизма, то есть явная оппозиция монархизму и националистическому изоляционизму, с другой – главная тема этого философствования – идея свободы, но не в ее либеральном понимании.⁸³ И тут проходит самый нерв отношения русской религиозной философии к социализму.

Как уже отмечалось, социальный идеал общественного устройства в русской философии основан на идее всеединства (соборности, симфоничности, общинности и т.п.) – главной и типологической теме русской мысли от А.С.Хомякова до Л.П.Карсавина, от космизма Н.Ф.Федорова до персонализма Н.А.Бердяева. Речь идет о стремлении к целостности, когда бытие (и общественное тоже) в его полноте мыслится как совершенное единство, образованное из многообразных и сообразных друг с другом частей гармоничное целое. При всей ее привлекательности идея всеединства (соборно-

⁸³ Вехи. Из глубины.-М.,1991.

сти) имеет характер именно идеала, но отнюдь не программы практических действий. Фактически русская философия выработала одну из наиболее ярких нравственно-религиозных утопий. Практика реализации идеала соборности не ясна, оставаясь в лучшем случае опытом работы ума и души индивида. Поэтому социальная практика реализации этого возвышенного идеала может быть любой. Однако весь исторический опыт – и России в особенности – свидетельствует, что попытки реализации утопий рано или поздно оборачиваются насилием над другими людьми, над обществом и природой, которых пытаются «привести в соответствие». Подобная идеология становится вдвойне опасной, если она сочетается с идеей национальной исключительности. Да, русский народ отзывчив, миролюбив, но когда в разговорах о русскости начинаются утверждения русской всеотзывчивости, всемирности, всеобирательности, готовности быть старшим братом-объединителем всех и вся – это не может не вызывать у других народов настороженность.

Иначе говоря, русская религиозно-нравственная философия также оказалась несостоятельным противником социализма и даже сама несла в себе изрядный потенциал тоталитарного сознания. Утопизм и эсхатологизм, нравственный максимализм в сочетании с правовым нигилизмом сближают русскую религиозную философию с ее оппонентом – не по букве, но по духу, если не архетипически.

Недаром Бердяев, автор наиболее эмоциональных инвектив по адресу социализма и большевизма и разрушительной критике его в «Философии неравенства», написанной еще в России по горячим следам, не только впоследствии отказался от этой своей работы, не только все более подчеркивал особую близость большевизма русской ментальности, но и увидел в нем выход из тупика цивилизации. Согласно Бердяеву, цивилизация неотвратимо движется к социализму – новому средневековью: «Процессы, направленные к преодолению национальной замкнутости и к образованию универсального единства, я называю концом новой истории, ее индивидуалистического духа, и началом нового средневековья... В этом смысле коммунистический интернационализм есть уже явление нового средневековья, а не старой новой истории». Л. П. Карсавин, вместе с духовно руководимыми им евразийцами, отвергал принцип демократии в пользу корпоративных социальных форм, основанных на жестком иерархическом подчинении индивида социальным образованиям. К этим предпочтительным формам он относил и «некоторые формы диктатуры, как коммунизм и фашизм».

В наши дни уже очевидно, что социализм, особенно в его коммунизированной версии, – не есть строй, идущий на смену капитализму и буржуазной демократии, не есть их порождение, а наоборот – является идеологической и политической реакцией на них.

Реальный социализм не дал роста общественной производительности труда. Наоборот – создалась изощренная система принудительного труда с отчуждением не только прибавочного, но и основного продукта, то есть развитая система не то что эксплуатации – присвоения результатов чужого труда: от тихого воровства до вооруженного разбоя власти. Не дал он и роста свободы личности, стирания классовых границ – сформировалось кастовое общество, еще более архаичное. Недаром в идеологии и культуре социализм породил мощный выброс дохристианской, если не доязыческой архаики, одним из выражений которой явилось не всегда осознаваемое смертобожие. Кладбище на центральной площади столицы, в центре этого кладбища – непогребенный труп. Мавзолей – как трибуна вождей, парады, демонстрации и празднества на этом капище. Кладбищенское дерево – ель как неперменный атрибут дизайна власти. Доски почета – стилистически отнюдь не иконостасы, а скорее – стенки в колумбарии (тождество успеха и успеха).

Социалистическая революция не имеет отношения к общественному прогрессу, это реакция, исторический спазм, бегство от бед и тягот переходного периода модернизации, бегство от свободы, от личностной ответственности за себя. Недаром реальный социализм – «достижение» отнюдь не наиболее развитых обществ, а только тех, в которых сохранились феодальные отношения. Если воспользоваться марксовой же формулой, что ни один строй не уходит с исторической арены, не исчерпав всех своих возможностей, то в этом плане реальный социализм не столько «новое средневековье», сколько государственно-монополистический феодализм, который действительно уходит с исторической арены, исчерпав свои возможности, обескровив общество полностью.

Поэтому можно констатировать, что конструктивной альтернативы социализму русская религиозная философия не выработала. Ее нежизненность и неправота заложены в ней самой. Если весь мир идет по пути свободы, а Россия упорно цепляется за метафизическое всеединство в теории, уравниловку, отказ от личностной ответственности и самозванство на практике, то... тем хуже для всего мира!?

Несостоявшаяся реформация. Довольно распространенным является мнение, что в российском культурном опыте начала XX столетия вызревала «русская реформация» – новое откровение о человеке.

В этой связи упоминаются нравственные проповеди Толстого и Достоевского, искания религиозных философов, течение имяславия, пресеченное перед самой I Мировой войной. Решили ли эти искания задачу, поставленную еще И.Киреевским – создание «самобытного православия»? И насколько православие было принято в качестве феноменологической основы этого философствования? Факты показывают, что наиболее последовательные попытки решения этой задачи уводили философа (например, С.Булгакова) полностью в сферу богословия. Стремление же реализовать мировоззренческий потенциал православия приводило авторов таких попыток к конфликтам с догматикой и историческим православием. Так, попытка тщательного философского осмысления догматики (вплоть до деталей формулировок, разбираемых по греческим оригиналам соборных определений), предпринятая Л.Карсавиным, оставила в стороне экзистенциальные стороны и предпосылки религиозного сознания и в результате оказалась имеющей мало общего с историческим православием.

Русская религиозная философия представляет собой мощное движение мысли, не успевшее развернуть полностью свой потенциал и не преодолевшее многие начальные проблемы и противоречия.

Однако на Руси был не только опыт интеллигентских духовных исканий. Ни в коем случае нельзя пройти мимо опыта народного свободомыслия, который сдетонировал в России раскол. Стремление к сохранению веры отцов, сбережению ее от поругания вызвало мощный импульс самоорганизации, просвещения, обостренного отношения к нравственности и ответственности в староверческих общинах. Если где и сложилось «самобытное православие», так это в этих общинах. Своеобразие этой народной «Реформации по-русски» состояло в том, что она возникла не как пересмотр догматов, а как реакция («контрреформация») в ответ на такой пересмотр, который сам по себе был как раз возвращением к адекватной профессиональной практике.

Показательно, однако, что последствия этой народной «реформации-контрреформации» для практики хозяйственной жизни были те же, что и на западе. Действительно, большую часть процветающих российских капиталистов начала века составляли именно староверы, а также выкресты из мусульман и иудеев. И за этим фактом стоит упомянутая ранее мобилизующая роль субкультурного фактора выживания. В этом плане русские раскольники являются прямым аналогом общин и мотивов, описанных Вебером в «Протестантской этике и духе капитализма», практикой свободы и ответственности.

Народоправство: община, земство, казачество. К народному опыту и потенциалу свободы следует отнести и общину (мир), обусловленную, как уже говорилось ранее, самим способом хозяйствования и образом жизни русского крестьянина.

Другой формой такой самоорганизации было казачество (казачий круг и другие проявления самоорганизации). Оно сформировалось на социальной базе вольнолюбивых русских людей, бежавших от крепостничества и в поисках лучшей доли от центральной российской власти. Выше уже отмечалось, что в результате этого Россия осуществила колонизацию.

И наконец, это земство, игравшее заметную и все возрастающую роль в дореволюционной России. Земство было уже реальным цивилизованным выражением жизни начавшего складываться российского гражданского общества. Земцы организовывали переписи населения, занимались организацией народного образования, просвещением и обучением пореформенного крестьянства эффективным способам ведения хозяйства, землепользования.

Не случайно все эти ростки гражданского общества были прежде всего раздавлены большевистским режимом.

Опыт российского либерализма. Был еще третий круг оказавшихся неправыми противников социализма – приверженцы либерализма, наиболее последовательно отвергающего социализм не эмоционально, а теоретически и методологически аргументированно. Несмотря на то, что либерализм был представлен яркими фигурами и в научной среде и среди высших чиновников, и среди офицерства, он оказался слишком слаб и невостребован российским обществом. В этом плане подлинная история 1917 г. действительно еще не написана. Февраль-октябрь 1917 г. – не столько история захвата власти большевиками в результате реализации гениального плана, сколько история утраты власти русскими либералами, оказавшимися настолько несостоятельными и лишенными социальной поддержки, что к октябрю власть практически валялась на улице и ее могла самозванно присвоить горстка заговорщиков.

Среди российских либералов были выдающиеся мыслители, ораторы, лидеры в своих профессиональных сферах. Достаточно напомнить такие имена, как П. Н. Милюков – ярчайшая фигура российской науки и политики; П. И. Новгородцев – один из основателей конституционно-демократической партии, отказавшийся войти во Временное правительство из-за его недееспособности и симпатии к социализму (Новгородцев – активный участник белого движения, давший в своей фундаментальной работе «Об общественном идеале» еще в 1911 г. до сих

пор непревзойденную по полноте и глубине критику социалистического общественного идеала); Б. Н. Чичерин – крупнейший российский специалист по философии права, государства и собственности. Эти и другие лидеры российского либерализма имели сторонников, даже активно участвовали в политической жизни, но ...оказались невостребованными обществом. И эта невостребованность продолжается в наши дни. Кто сейчас, кроме специалистов, читает П. И. Новгородцева, П. Б. Струве, практически ныне забытых Б. Н. Чичерина, А. А. Козлова, Б. А. Кистяковского? Русский либерализм остается до сих пор малоизвестен. Более того, либерализм был в советское время открыт заново правозащитным движением (В. С. Есенин-Вольпин, А. Д. Сахаров, С. А. Ковалев и др.) и вновь оказался невостребованным обществом. Личное подвижничество, преследования, моральный авторитет привлекли общественное внимание, но не пробудили интереса к содержанию идей. По какой причине? Либерализм требует серьезной работы ума и души, правовую культуру. Требуется не подвиг, а правильная жизнь, что российскому самосознанию ...скучно, в отличие от родимого «не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься»! Идея свободы, понимаемой как ответственность за свои решения и поступки, не вызывает энтузиазма, в отличие от неограниченного произвола или самоотверженного страдания во имя декларируемой великой благой цели.

Тема «лишнего человека» в русской литературе, фактически суть тема невостребованности российским обществом свободной и ответственной личности. Невостребованность российского либерализма, перспективы его укоренения в российском политическом опыте – особая тема, заслуживающая самостоятельного и обстоятельного разговора и ближе к концу книги мы к нему вернемся. Главное – этот противник социализма оказался слаб и исторически (не идейно и концептуально!) неправ.

Кругом П. Я. Чаадаев оказался пророком. Но это не означает особость российского пути как пути преимущественно социалистически-тоталитарного, обусловленность перспектив российской свободы российским крахом – в духе уже современного отечественного политического философа и политолога А. Панарина: «Россия и свобода – две вещи несовместные». Чтобы оспорить это утверждение, нужны дополнительные аргументы, которые будут приведены в дальнейшем.

4. Советский цивилизационный эксперимент

Легитимация насилия. Мифократия. Природа массового энтузиазма в СССР 1930-х. Начало конца: шестидесятничество и барачная этика в отдельных квартирах. Смыслоутрата.

Легитимация насилия

Как бы то ни было, восторжествовал революционаризм, отрицание исторической и культурной памяти, даже настоящего – во имя несуществующего будущего, с его практикой и культом насилия и смерти. Любая революция это не только торжество свободы, но и произвола, разгула темных стихий, проявление и результат социального бессилия, гниения и разрушения.

Быстрая агония царского режима продолжилась еще более катастрофической по скорости агонией народившейся демократии. Вот что писалось в вестнике Нижегородской губернской продовольственной управы «Продовольствие» от 15.11.1917 г.: «Обанкротились не «товарищи» и «доктринеры», а все наше интеллигентное общество, оказавшееся неспособным взяться за дело, применившее к государственным делам практику культурно-просветительных обществ, в которых было много разговоров, взаимной критики, пикировок, но мало дела. Уж очень мы любим объяснять все некультурностью и безграмотностью широких масс, засильем «демагогов» и т. п., на себя же не оглянемся, а виноваты-то прежде всего мы, интеллигенция... Самодержавно-бюрократический строй... развалился под влиянием экономической разрухи, с которой не могла справиться, и не в силах справиться пришедшая на смену бюрократии общественность». Это не поздние воспоминания и объяснения – это свидетельство непосредственного очевидца.

Гений (злой или нет – судить истории) Ленина выразился именно в способности объединить массовое сознание и государственность, обратить стихию местечковости и сепаратизма на государственное строительство, в адекватности почвенным устремлениям – таким как популистские идеи народовластия; славянофильская апология народного духа; нравственный ригоризм; идея сильного государства; русский великодержавный мессианизм, когда Россия предстает выразительницей всего несправедливо эксплуатируемого и страждущего человечества.

Самозванство, безответственная нетерпимость были выпущены большевиками как джинн из бутылки, воплотились в насилие как ткань общественной жизни. Эту тотальную безответственность могла остановить либо капиталистическая модернизация (история с НЭПом показала, что критическая масса нетерпимости оказалась слишком велика), либо сверхпроизвод. Что и было осуществлено Сталиным, который придал этой нетерпимости государственный (официальный) характер, взнуздal и обуздal ее, сделав каждодневной практикой партийно-государственного аппарата. Дальнейшее было только делом времени – насколько растянется процесс обессиливания нации этим насилием.

Собственно Российская империя начала разваливаться в 1918 г. Очевидно, ее ждала судьба Австро-Венгрии. Финляндия, Польша, прибалтийские республики, Закавказье, начавшийся распад и собственно «метрополии»: Сибирь, Дон, юг России ... Этот процесс был остановлен мощным центростремительным усилием. Объективно и по сути дела была спасена и даже рафинирована до эйдетической чистоты идея империи, а имперское сознание утвердилось в очищенном тоталитарном виде, как воплощенная абстракция рационалистической утопии. Молодое советское общество приготовилось к великому прорыву в будущее, к воплощению мечты, оправдывающей тяготы, лишения, кровь не одного поколения. Это сознание, непосредственно предшествующее сталинизму, сознание, энтузиазм и эйфория которого были сталинизмом использованы.

Удивительно точно это сознание передано в творчестве А.Гайдара. Не одно поколение советских людей зачитывалось «Судьбой барабанщика», «РВС» и «Школой», полных борьбы с врагами явными, историей «Тимура и его команды» с идеей творения добра втайне от людей и конспиративными методами, нередко насильно творимого благодеяния. Но самое его показательное произведение – «Сказка о Мальчише-Кибальчише» – фактически не что иное как своеобразный житийный текст-легенда. Удивительна «сказка» тем, что в ней на исключительно малом пространстве текста выражены практически все основные мифологемы сознания «победителей». Прежде всего – самопожертвование и непреложность ухода поколения за поколением в мясорубку смертельного противоборства. Показательно, что для представления о «хорошей жизни» достаточно простого отсутствия этой борьбы: «не рвутся снаряды, не трещат пулеметы – хорошая жизнь». Вполне в духе извечного образа российского счастья – лишь бы не было войны. Однако этот мир – мир борьбы, наличие агрессивной внешней опасности – «проклятого

буржуинства», о котором ничего другого не известно, кроме того, что оно буржуинство и проклятое. Тема внутренней опасности, предательства плохих людей, измены Плохиша. Воздаяние же – после жизни – когда «пройдут пионеры, пролетят самолеты – салют Мальчишу». И как лейтмотив – «нам бы только день простоять, да ночь продержаться!» – максима бытия не только героев войны, строек коммунизма, битв за хлеб и урожай, но и миллионов лагерных зеков, временщиков-аппаратчиков, затурканных предпринимателей, обывателей-на-зарплате, самозванцев-депутатов – словом, девиз всех наследников победителей.

Воздаяния и «хорошей жизни» не вышло. Тот, кто сеет не сотрудничество, а борьбу, нетерпимость, не мир, а насилие – их и пожинает. С 1930-х годов нетерпимость, поддерживаемая авторитетом победоносной партии, превратилась во всеобщий нравственный закон. Носители этой нравственности не знают сомнений в собственной непогрешимости. Главный враг – сомневающийся, нарушающий абстрактную чистоту морально-политического единства, хотя заклинания о единстве партии и народа, «блоке» коммунистов и беспартийных – лишь выдают реальную «несоединенность» власти и народа.

Поэтому сначала подлежали уничтожению политические противники – меньшевики, эсеры, анархисты, фракционеры и уклонисты (объединение усилий с ними все реже приходит на ум). Затем практика нетерпимости репрессий обрушивается на ту часть населения, которая не может не иметь своего мнения по определению, не может не сомневаться – на интеллигенцию (отныне и впредь – «гнилую»). Одновременно шло подавление крестьянства – автономной части общества, экономически первоначально мало зависевшей от милостей новой власти.

Мифократия

Главной типологической чертой сталинизма представляется его мифологическая природа. Он миф не в смысле «фикции», выдумки, а в строго терминованном смысле. Как и любой миф, он ориентирован на универсальное осмысление действительности; на снятие фундаментальных смысложизненных антиномий человеческого существования; дает его носителям радость узнавания знакомого в еще неизвестном, стимулируя тем самым не интеллектуальное творчество и поиск, а повторение апробированного; создает видимость устойчивости в изменяющемся мире; выступает основой ритуализации социальной жизни и культуры. Как миф сталинизм стоит в одном ряду

с многообразными проявлениями всплеска мифологии и мифотворчества в XX веке: в идеологии, политике, массовой культуре, обыденном сознании и даже науке.

Как мифологическое сознание сталинизм не только исключительно целостен, но и претендует на научность, пользуясь если не концептуальным аппаратом, то уж точно – терминологией марксизма. Поэтому он неизбежно питался из источников, известных каждому советскому человеку со школьной скамьи: материализма, рационалистической диалектики и социалистического утопизма. Однако, включаясь в содержание мифологического мировоззрения, эти философемы изменялись радикально, вплоть до перехода в собственную противоположность.

Особый интерес представляет «материализм». Показательно, что даже Ленин неоднократно подчеркивал, что категория материи и «основной» вопрос философии важны исключительно в гносеологическом плане, для обоснования познаваемости мира. Во всех других планах они чреватые опасными и тупиковыми абсолютизациями. Собственно классики марксизма – К.Маркс и Ф.Энгельс – начинали, как известно, не с противопоставления материи и сознания, а с деятельности. Исходная категория марксизма – практика. Сталинизм же школярски начинает с противопоставления материи и духа, итогом чего оказывается даже не монистический принцип единства окружающей действительности, и не просто его антипод – идеализм, а его крайнее выражение – волюнтаризм и произвол, вплоть до насилия. Предполагается, что вне меня, до меня и без меня существует материальный мир. Он противостоит мне и, в принципе, чужд мне. Однако я, как субъект, претендую на познание этого объективного материального мира, его закономерностей развития. А вследствие этого – и на изменение его, на его преобразование, овладение и манипулирование в соответствии с моими целями. Природа, общество, другие люди превращаются в объекты такой манипуляции, а то и насилия.

Не случайно вульгарный материализм столь часто сочетается с левачким революционаризмом, с его тупиками нигилизма и экстремизма, оправданию насилия во имя некоей *idee fixe*. В этом плане сталинские репрессии, гонения, запреты, переселения народов, хрущевские эпопеи с совнархозами, кукурузой, застойные повороты рек и т. п. – не случайны, а вполне закономерны для такого мировоззрения. Вульгарный материализм всегда привлекал и привлекает политических авантюристов и экстремистов, оправдывая манипуляцию и насилие «объективными законами развития материальной действительности», освобождая от личной ответственности.

Второй мировоззренческой составляющей сталинизма является «рационализм» – не в его диалектическом содержании, а опять-таки как поверхностное и вульгарное наукообразное оправдание и выражение *idee fixe*. Наукообразие, начетничество – одна из наиболее ярких черт этого мировоззрения. Они пронизывают «исследования» и «критику», проявляются в программных и директивных документах. Но и здесь мы сталкиваемся с оборачиванием в собственную противоположность: ко всему, что утверждается на языке этого наукообразного мировоззрения, применимы кавычки. «Наука» оказывается псевдонаукой, громящей подлинную науку. Погромы в экономике, генетике, кибернетике, языкознании и т. д. велись от имени передовой «науки» и «всепобеждающего учения». Собственное бесплодие – теоретическое и практическое – отнюдь не смущает адептов «передовой науки». Ведь в конечном итоге смысл их построений – «обоснование» положений об «отмирающих» и «передовых» классах, «отсталых элементах» и т. д., то есть навешивание политических ярлыков – не более. Но и не менее.

Особенно опасным политически, экономически и нравственно синтез «материализма» и «рационализма» становится, если он дополняется и подкрепляется утопизмом, для которого характерно мифологическое восприятие идей. В этом случае «рационализм», придавая идеям наукообразный вид, как бы окультуривая идеологию, сам воспринимается догматически-мифологично, если не религиозно.

Даже из такого беглого эскиза сталинизма видно, что это исключительно целостное и самодостаточное мировоззрение. Между его частями существует развитая система взаимодополняющих и взаимоподкрепляющих связей. Так, «материализм» и «рационализм» выступают друг по отношению к другу как цель и средство в осмыслении и аргументации. «Рационализм» подкрепляет утопизм своей наукообразной аргументацией, создавая дополнительные иллюзии реальности и жизненности мертворожденных идей и проектов. В свою очередь утопизм дополняет и подкрепляет наукообразный «рационализм» религиозно-доверительным восприятием его аргументации. «Материализм», в свою очередь, стимулирует и оправдывает утопические взгляды ссылками на «объективные законы», природную и социальную необходимость и неизбежность определенного хода развития. Тем самым создается иллюзия бессмысленности поиска любых альтернативных путей, кроме провозглашаемых бездоказательно. И наоборот, утопические устремления ориентируют «материалистическую» мысль на систематическое забегание вперед, систематическое выдавание

желаемого за действительное и наоборот, на насилие над природой, обществом, самой мыслью.

В каждой своей составляющей и своей целостности сталинизм ведет себя не как ответственное научное осмысление действительности, а именно как миф – амбивалентно. Он суть единство материализма, рационализма и утопизма как собственных противоположностей. «Материализм», который на поверку материализмом не оказывается. Иррационально наукообразный рационализм. Утопизм, претендующий на жизненность здесь и сейчас. Такая амбивалентность свойственна именно мифу. Сталинизм не дает мысли возможность зацепиться за реальность, заменяя саму мысль бессмысленными ритуальными фразами типа «овощной конвейер страны», «культура принадлежит народу» и т. п. Происходит характерная для мифотворчества подмена реальной практической деятельности ее названием. Программы, постановления, массовые газетные кампании подменяют саму реальность. Так же как шаману для утверждения своей власти над явлением, вещь или человеком важно «знать имя», так и для носителя сталинистского мировоззрения самодостаточен процесс называния, акт проговаривания.

Как конкретная идеология и духовный опыт сталинизм уничтожает собственную среду обитания: духовную, человеческую, природную. Воспроизводя свои мертворожденные конструкции, утопические схемы, забывая ими сознание и культуру, он лишает их живых истоков, корней и тканей, благословляет и оправдывает прямое уничтожение живого, насилие над ним.

Сталинизм как совпадение мифа и политической системы его утверждающей породило феномен, который М.Эпштейн назвал «мифократией». Мифологичной стала сама советская действительность. Она сама стала мифом: работа, план, зарплата, собрание, начальник, контора, лагерь и т. д. превратились в ритуалы, самодостаточные знаки самих себя, главной функцией которых является обеспечение тотального контроля над личностью.

Антигуманизм и бюрократизм, начетничество и догматизм, самозванство и вождизм, утопизм, доведенный до эсхатологизма, нетерпимость и безответственность, доведенные до амбивалентности добра и зла – мировоззренческие и практические следствия этого синтеза, который породил чрезвычайно совершенное – в плане всеобщей безответственности – обустройство государства, состоящее из трех основных подсистем. Выработка идеологии и высшая власть в центре и на местах принадлежали партийному аппарату, вербовавшемуся

по принципу личной преданности, способности переступить через себя, т.е. согласно принципу принципиальной беспринципности. Партаппарат принимал решения, но не отвечал за их реализацию перед обществом (в лучшем случае – перед вышестоящими партийными бонзами). Эта функция осуществлялась госаппаратом – «приводным ремнем от партии к народу». В результате, чиновники осуществляли решения, которые не они принимали и, таким образом, также не испытывали ответственности.

Система взаимной безответственности предполагала наличие третьего компонента власти – устрашающего. Поскольку речь идет об идеологии, в которой царят абстрактные схемы, огрубляющие и омертвляющие живое, постольку практикой этой идеологии может быть только насилие: над природой, обществом, отдельной личностью. Воплощение идей, отвлекающихся от естественных связей между вещами, от живых культурных традиций, реальных интересов людей, неизбежно предполагает разрушение реальных связей, уничтожение культурных ценностей, подавление всякого инако – и свободо-мыслия.

Насилие может осуществляться только специально организованными и мобилизованными для этого людьми. Иначе говоря, рационалистический утопизм для своего проведения в жизнь предполагает создание Системы, претендующей на тотальное насилие. Таковым и был аппарат госбезопасности – невидимой, но главной власти, цементирующей общество насилием и страхом.

Важно, что общество в целом восприняло, а часть и до сих пор воспринимает массовые репрессии как должное и необходимое. Даже самими жертвами этих репрессий, их несправедливость воспринимается через призму этой идеологии. «За что?! Ведь он никогда не участвовал ни в какой оппозиции!» – сквозная тема воспоминаний репрессированных. И ни тени сомнения в необходимости репрессий по отношению к бывшим в оппозиции. Расстрелы, пытки и страх перед ними, насилие как норма общественной жизни, разумеется, сыграли свою роль. Но главным фактором была все-таки агрессивная добровольная массовая нетерпимость, обусловившая оправдание и искреннюю массовую поддержку расправ с инакомыслием, с цветом армии, интеллигенцией, крестьянством, принятие заведомо нереальных планов, втягивание в военные и политические авантюры и т. п.

Существовало ли в СССР гражданское общество? Некие аналоги, формы общественного самоуправления, решавшие свои проблемы, несомненно, были. Самыми массовыми общественными организациями были профсоюзы, занимавшиеся социальным страхованием, заключением кол-

лективных трудовых договорах, решением проблем социально-культурного развития. Ряд вопросов организации жизни молодежи решал комсомол. Творческие союзы работников культуры и искусства, Литературный фонд также, по мере возможностей, участвовали в решении социальных проблем творческой интеллигенции. Однако деятельность этих организаций, как и Красного Креста и Красного полумесяца, Фонда мира и др. велась под жестким контролем партийно-государственного аппарата. По сути дела, главной задачей этих организаций было расширение и углубление контроля власти за конкретными группами населения, а также их мобилизация на решение политических проблем.

Важно, что недостаточна простая квалификация сталинизма как тоталитарного сознания, основанного на культе власти, как это часто делается отечественными и зарубежными исследователями. В этом случае анализ остается в плоскости общих рассуждений, применимых к разновременной и разноязыкой реальности. Тоталитаризм един и универсален, где бы он ни проявился: в Египте времен строительства пирамид, государстве инков, гитлеровском «новом порядке», Китае периода «культурной революции» или Камбодже «красных кхмеров». Как говорили древние, «дьявол един».

Мало сказать об идее всевластия. Необходимо уяснить содержание, природу, причины и истоки, питавшие и питающие конкретную форму тоталитарного сознания. Тоталитаризм не является подобно *deus ex machina* в древнегреческих трагедиях. Важно понять – какие реальные потребности удовлетворяются в обществе столь патологическим образом.

Природа массового энтузиазма в СССР 1930-х

Годы довоенных советских лет вошли в историю как годы массовых репрессий, унесших жизни миллионов людей, репрессий, выкосивших жизни миллионов людей из всех слоев: от крестьян и рабочих до ученых и политической элиты. И в условиях такого чудовищного насилия, идеологического прессинга – мощная волна преобразовательного энтузиазма, во многом обеспечившая индустриализацию, выведшую страну к цивилизационному фронтиру и плодами которой мы отчасти пользуемся до сих пор.

Советский режим укрепился не только победой в Гражданской войне, экономическими успехами НЭПа. Наоборот, сам отказ от НЭПа, коллективизация, «Великий Перелом», последовавшие первые пятилетки индустриализации питались мощной поддержкой массового энтузиазма, идущего снизу, обеспечивавшего не только легитимность

политического режима и реализацию его планов, «не замечая» чудовищного насилия и репрессий. Даже сами сталинские репрессии подпитывались этой поддержкой. След этого энтузиазма сказывается до сих пор – и не только в ностальгии старшего поколения по своей бурной молодости. Вырастают постсоветские поколения, не дышавшие тем воздухом, но прочитавшие книги (а были и неплохие книги), услышавшие те песни (а песни были замечательные – прежде всего, лирические), увидевшие те фильмы (наивные, но плохому не учившие)... И от этой молодежи иногда приходится слышать: «Папа, деда, вы были не правы. У нас была великая эпоха!» И привлекательность этого мифа понятна – особенно на фоне изрядного ценностного релятивизма и недоверия, разлитого в современном обществе.

Это не был показной энтузиазм из-под палки. Вряд ли это было и массовое проявление «стокгольмского синдрома», когда жертвы террористов проникаются симпатией к своим мучителям. Это и не результат работы исключительно одной только пропагандистской машины, пусть и запущенной на все обороты, охватившей не только СМИ, но и систему образования, искусство... Более того, многие представители художественный авангарда в поэзии, живописи, театре, кинематографе поддержали революцию и укрепляющийся политический режим, увидев возможности обновления и преобразования, построения нового мира.

Сопричастность великому общему делу наполняет жизнь смыслом, раскрывает широкие горизонты индивидуального существования, выступая мощнейшим мотивационным посылом... Но все эти доводы оставляют осадок неполноты объяснения... В этом энтузиазме ощущалось нечто еще более глубокое, то, что включало экзистенциальный смысложизненный мотиватор.

Советский массовый энтузиазм приходится не на первые послереволюционные годы гражданской войны, и не на неоднозначный НЭП. Его мощный подъем приходится на годы первых пятилеток, т.е. на годы интенсивной индустриализации. И из этого многое следует...

Ранее было отмечено несколько стадий идентификации личности как вменяемого субъекта: этническая, статусная, ролевая и проектная стадии, каждая из которых порождает свою форму социализации личности. Многими исследователями отмечается своеобразие российского общества, в котором «ролевая революция» затянулась с пушкинской эпохи до нашего времени. И это при том, что Россия вот уже второй век живет в массовом урбанизированном обществе, связанном именно с ролевой идентификацией личности, а в наши дни порождающим идентификацию проектную.

«Ролевая» революция в любом обществе высвобождает колоссальную энергетику свободы самореализации. И энтузиазм 1930-х может быть связан с решающей фазой формирования массового общества и связанной с нею ролевой революции – переходом от этнической и статусной стадий идентификации личности к ролевой и даже проектной.⁸⁴ Коммунистическое выражение энтузиазма советской эпохи носит вторичный характер. Первично в нем мощное мотивационное начало открывавшихся новых жизненных перспектив в новом строящемся обществе, новых социальных лифтах, новом репертуаре социальных ролей.

Главным в этом обществе было то, что оно соответствовало общечивилизационному тренду – индустриального, урбанистического и, как следствие – массового общества. Что требовало – опять же в полном соответствии с этим трендом – определенного стандарта образования, развития средств массовой коммуникации и участия. Что, собственно, и обеспечивалось советским режимом в его своеобразной мифократической форме. В социальном (социологическом) плане – в СССР происходила интенсивнейшая ролевая революция. И ее мотивационный потенциал был настолько мощным, что вызванная ею волна энтузиазма, его энергетика перекрывали его с очевидностью парадоксальный характер, не понятный любому непредвзятому наблюдателю – как того времени, так и нынешнему. С одной стороны, любой энтузиазм неразрывно связан с социальным доверием и искренностью, с другой – государственная внешняя и особенно внутренняя политика открыто выражалась и реализовывалась на основе глубокого недоверия, поиска врагов и борьбы с ними.

И природа этого специфически парадоксального энтузиазма была принципиально российской. Речь идет о культурно-персоналогическом содержании Серебряного века. Поверхностность, неукорененность, какая-то искусственность и даже насадность российской культуры начала прошлого столетия получившей название «Серебряного века» и даже «Русского Ренессанса», как уже отмечалось, хорошо осознавалась современниками. Фактически же, культура Серебряного века заключалась в «антиренессансной контрреволюции» с опорой

⁸⁴ См.: *Смирнов И. П.* Самозванство, или Ролевая революция. // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. №13. М., 2001, с. 33-58; *Леонтьев Д. А.*: Труд становится человеком и удовольствие оставаться обезьяной. // Человек.ги. Гуманитарный альманах. №3. Антропология в России: школы, концепции, люди. Новосибирск, 2007, с.164-168; Феномен свободы: от воли к автономии личности. // Только уникальное глобально. Личность и менеджмент. Культура и образование. СПб, 2007, с.64-89.

на антилично прочитанную Античность, в которой поэты-символисты (Вяч. Иванов, А. Блок, А. Белый со товарищи), и религиозные философы, и атеисты (от А. Эрна, Н. М. Бахтина до П. Флоренского и А. Ф. Лосева) видели прежде всего не аполлоническое начало, а начало дионисийское, мистериальное.⁸⁵

Великое значение эпохи Ренессанса, помимо прочего, связано с тем, что личность впервые всерьез выделилась из мифа, который до этого определял все ее существование. Роль отделилась от человека и была формализована: человек получил возможность роль играть, но уже не жить ею. Благодаря возникшему новому взаимоотношению между людьми пропала обязательность общинно-хорового действия, личность получила свободу и право быть не участником, а зрителем, который может действие и игру актеров одобрять или нет. В известной степени, это – главный нерв Реформации. И с очевидностью – новые реалии общественной жизни, включая политическую. Так, именно на этом начале строится парламентаризм, нарождавшаяся в Новое время публичная политика – как «театр», наблюдаемый и оцениваемый гражданами со стороны, в качестве зрителей, которые, между прочим, заплатили за вход деньги (например, в виде налогов), отделены от лицедеев «рампой» и могут согнать – то ли незадачливого, то ли просто неугодного «актера» со сцены. Или просто отказать этому театру в праве на существование. Демократические институты во многом имеют именно театральный характер. «Восстание масс» было введено в цивилизованные рамки – от футбола и бейсбола до телешоу и парламентских выборов.

Культура Серебряного века была даже не столько предчувствием, сколько духовной и нравственной подготовкой срыва в архаику революционно-тоталитаристского миропонимания. Так, Вяч. Иванов в своей статье «Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего» восторгался дионисийским архаичным искусством, в котором существовала «реальная жертва», а хоровод – «первоначальной общиной жертвоприносителей и причастников жертвенного таинства». Это в дальнейшем было утрачено в театре, «только зрелище», в котором люди лишились подлинной причастности к почве и бытию, потеряли соборность, утратив возможность участия в оргийном действии, когда толпа только зрителей «расходится, удовлетворенная

⁸⁵ Кантор В.К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов. (Становление философского пространства в России. М.: РОССПЭН, 2011, с.542.

зрелищем борьбы, насыщенная убийством, но не омытая кровью жертвенной».⁸⁶

Искусство, творчество – не просто игра ума. Художник фибрами своей души улавливает настроения, вибрации не только сущего, аттракторов, влекущих это сущее в грядущее. И поразительно как оргийное мистериальное действие стало реальностью. Только воплощалось оно не художниками, поэтами и артистами, а партийными функционерами и прочими организаторами новой власти. Бесконечные политические процессы, оправдывавшиеся «все большим обострением классовой борьбы», лишь внешне напоминали театр. Зрителей больше не осталось, все стали участниками и соучастниками дионисийской драмы тоталитаризма. И кровь полилась настоящая, и не малая, а «хор», поддакивая «жрецам», выкрикивал из своих же рядов имена все новых и новых жертв – «врагов народа».

Его подготовили, в том числе – идейно и даже «методически» годы Серебряного века, слабость социальных скреп ответственности и свободы, связанных с собственностью (что хорошо понимали реформаторы начала прошлого века)... Слабость церкви и некоторые особенности православия... Слабость и вырождение правящей династии... Катастрофа Мировой войны... Л.Толстой с его критикой собственности, семьи, церкви, государства... В условиях начавшейся индустриализации, урбанизации и ролевой революции интеллигенция начала интенсивные игры с моралью... И начавшаяся революция вылилась в безумие карнавала и самозванства с их безумными ролевым репертуаром и «социальными лифтами». Индустриализация только придала этому карнавалу рациональную форму. Складывалась ситуация, про которую Г. Г. Шпет говорил, что личность как кусок масла распускается на сковородке.⁸⁷ А российская сковородка была жаркая.

На историческую арену выходили массы, пробужденные Великой реформой, начавшимися индустриализацией и урбанизацией... В Европе этот процесс начался раньше и шел не так бурно. Поэтому

⁸⁶ *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994, с.37. Кстати, сам автор идеи («органической эпохи») – Вяч.Иванов не только предугадывал возможные последствия («Дионис в России опасен: ему легко явиться у нас гибельно силюю, неистовством только разрушительным» – см. Иванов Вяч. Родное и вселенское, с.83), но и вскоре после революции отъехал подальше от ее оргазма в Баку, а потом (с советским паспортом) и во все – в Италию.

⁸⁷ *Шпет Г.Г.* Сознание и его собственник. // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1981-1916 г. Статьи по философии и психологии. М., 1916.

осмысленное и культивированное христианскими гуманистами поле свободы как личностной ответственности сдерживало и корректировало упоминавшуюся «игру на понижение». В России же не оказалось ни полноценной элиты, ни гражданского общества – главных корректоров культуры массового общества. Более того, интеллектуальная, творческая элита выразила недоверие гуманистическим ценностям. «Прозвучавшие в Серебряном веке призывы к «симфонической личности» (вместо гуманистической – Л.Карсавин), общинно-хоровому «высвобождению дионисийских энергий» (Вяч.Иванов) стали своеобразной эстетической моделью тех социально-политических структур, что с такой убийственной силой реализовались в историческом пространстве, превращая его в антиисторическое и уничтожая цивилизационно-гуманистические заветы Петровско-Пушкинской эпохи... «Хор», начавший управлять жизнью, явился не в античных одеждах, а в зипунах, солдатских шинелях и кожанках Чека.⁸⁸

Революция предстала как движение народных масс, руководимое смутным, политически не оформленным идеалом самочинности и самостоятельности. Оказавшаяся в результате Февральской революции у власти интеллигенция, умудрилась довести ситуацию до такого состояния, что в считанные месяцы, если не недели власть оказалась тряпкой, валявшейся на улице, о которую любой мог вытереть ноги. Этот самозванный друг и вытер.

Российская интеллигенция, как и аристократия, не признала перспективу капиталистической модернизации страны с ее новыми собственниками, их правами, она, как всегда, на слово поверила очередному европейскому мыслителю, приняв его идеи как руководство к действию, что научно доказано отсутствие будущего у капитализма, на смену которому грядет общество без частной собственности, и что для этого надо только захватить власть. И последние станут первыми... Интеллигенция хотела теургически «слушать музыку революции»... Она ее не только услышала: изысканный, карнавальным мир людей искусства рухнул в пропасть революции.

Но было еще нечто важное, не улавливаемое с чисто экономической, политической и даже культуральной точек зрения. Речь идет о том, что В.К. Кантор назвал «фактором X», связывая его с определенным антропологическим, психологическим типом, вышедшим на пер-

⁸⁸ Кантор В.К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов. (Становление философского пространства в России. М.: РОССПЭН, 2011, с.204.

вый план и реализовавшим мистериально-игровое действо.⁸⁹ Характеризуя этот тип В. К. Кантор приводит развернутую цитату из «Веселой науки» Ф.Ницше: «Появляется совершенно новая порода людей..., которая никогда не смогла бы взрасти в более жесткие, регламентированные времена – но если бы и возросла, то все равно осталась бы... с вечным клеймом чего-то постыдного и позорного, – это означает неизменно, что наступают самые интересные и самые безрассудные времена истории, когда «актеры», актеры в с е х мастей, становятся истинными властителями».⁹⁰

Достоин внимания наблюдение К. П. Победоносцева (ультраконсерватора, обер-прокурора Святейшего Синода): «есть люди умные и значительные, которых нельзя разумеать серьезно, потому что у них нет твердого мнения, а есть только ощущения, которые постоянно меняются... Вся жизнь их – игра сменяющихся ощущений, выражение коих доходит до виртуозности. И выражая их, они не обманывают ни себя, ни слушателя, а входят подобно талантливым актерам, в известную роль и исполняют ее художественно. Но когда в действительной жизни приходится им действовать лицом своим, невозможно предвидеть, в какую сторону направится их деятельность, как выразится их воля, какую краску примет их слово в решительную минуту...»⁹¹

Ф.Ницше и К.Победоносцев сходятся в подчеркивании нарастания акцентирования актерства в реальной жизни. И эта тенденция отмечалась и чувствовалась на стыке XIX – XX веков многими. Это даже бросалось в глаза. В образе пишущего босняка Максима Горького актерствовал в питерских и московских салонах купеческий внук Алексей Пешков, ставший впоследствии отцом соцреализма, жившим в княжеской роскоши. Актерствовал «святой старец» Григорий Распутин. Сознательно строили свой образ В.Маяковский (желтая кофта), В.Брюсов (стилизующийся под черного мага). А.Бугаев, вошел в русскую литературу и культуру в образе (как он сам говорил – личине, кстати, одной из ряда масок им примерявшихся) А.Белого.

То же и в политике. Российские революционеры выступали под кличками. И дело было не только в требованиях подпольной работы. И.Джугашвили взял партийную кличку Коба в честь романтического разбойника из грузинского романа. «Театрализованным разбойником» называл Троцкого П.Сорокин. Да и Ленина, Гитлера, Муссолини

⁸⁹ Кантор В. К. Цит.соч., с.205.

⁹⁰ Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. СПб: Худлит., 1993, с.486.

⁹¹ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993, с.173-174.

современники попервоначально называли шутами и клоунами, а их «перевороты» – буффонадами. По замечанию К.Манна, в тоталитарном обществе «комедиант становится воплощением, символом насквозь комедиантского, глубоко лживого... режима».⁹² Характерна вообще тяга тоталитарных режимов к актерству, театрализации, массовым празднествам, шествиям, вообще – замене реальности декорациями, постановочностью.

Такие периоды «распускания личности» соответствуют революционно-переломным стадиям. Однако социум, психика неспособны бесконечно выдерживать напряжение мистериальной жизни. Надолго такого энтузиазма не хватило. Интеллигенция, первоначально поддерживавшая революцию, достаточно быстро разочаровалась в большевистской реальности (А.Блок). Авангардизм был отвергнут и вытеснен соцреализмом. Энергии «органической» эпохи массового энтузиазма, как показывает исторический опыт, хватает не более чем на 40 лет, т.е. жизни двух поколений. В Германии и Италии сыграло роль поражение в войне. В Кампучии сыграло роль вмешательство Вьетнама. Китай, Куба, похоже, обходятся своими силами.

Легитимность режима поддержала всенародная Победа, присвоенная режимом, послевоенное восстановление и иллюзии хрущевской «оттепели» с ее целиной и освоением космоса. Но это было уже совсем иное общество – преимущественно урбанистическое и медленно, но верно, с неизбежностью, становившееся все более буржуазным. Брежневский «застой» укрепил эту тенденцию и горбачевская «перестройка» была поддержана именно образованными горожанами и номенклатурой, получившей возможность окончательно конвертировать власть в собственность.

В настоящее время мы имеем дело уже с буржуазным обществом, переходящим, как и весь мир, в проектно-сетевую организацию социума – от бизнеса и науки до личной жизни. И в этом плане мы находимся уже в общецивилизационном тренде. Нужно только помнить об издержках эксперимента советской мифократии и что нового прилива энтузиазма ожидать не стоит. Буржуазное общество больше волнует создание эффективного национального государства. И в решении этой задачи концептуальные и политические ошибки – как проявления постсоветской инерции – обходятся дорого.

⁹² Манн К. На повороте. Жизнеописание. М.: Радуга, 1991, с.346.

Начало конца: шестидесятничество и барачная этика в отдельных квартирах

Ростки духовного освобождения прорвались неожиданно и в неожиданной форме, но вполне в логике теории общественного развития Р.Инглхарта. В этой связи особый интерес представляет поколение так называемых «шестидесятников» – советской интеллигенции, активно проявившейся в десятилетие, следовавшее за смертью Сталина, в период хрущевской «оттепели», поиска, реформ и нового энтузиазма. Особенности этого культурного опыта, который, кстати, впоследствии определил лицо горбачевской «перестройки», несомненно важны для понимания общих перспектив российской культуры.

Стилистика «шестидесятничества» наиболее ярко проявилась в авторской песне. Этот жанр, если не вид, искусства не предполагал профессиональной музыкальной или поэтической культуры автора-исполнителя. Творчество это полностью соответствовало формуле Г.Гейне – «трещина в бытии проходит через сердце поэта». Человек мог брать на гитаре два-три аккорда, писать стихи, которые в печатном виде оказывались весьма уязвимыми для критики. Но он выходил с гитарой, пел или речитативом произносил свои стихи и передавал залу свое переживание душевного дискомфорта, чувство, предощущение возможной гармонии. И это становилось событием: художественным, культурным, политическим.

М.Анчаров, А.Галич, А.Якушева, первыми взявшие гитару, Б.Окуджава, Н.Матвеева, особенно ценимый в кругу авторов-исполнителей Ю.Визбор, Ю.Кукин, А.Клячкин и многие другие гениально выразили свое время, его надежды, чаяния, дали нравственный импульс не одному поколению молодежи. Апогеем этого явления стало творчество В.Высоцкого, приобретшее общенародное звучание и значение.

Каковы же основные темы этого дискурса? «Люди идут по свету. // Им вроде немного надо: // Была бы прочна палатка, да был бы нескучен путь...». «Мне говорят – какой резон в твоих палатках на снегу, мне говорят – не тот сезон, а я иначе не могу...». «А я еду, а я еду за туманом. За туманом и за запахом тайги». Тема «Бригантины», «людей Флинта»... Цитаты можно продолжать и продолжать – они на памяти у всех нас. И во всех песнях сквозит тема Ухода. От этой скучной и унылой жизни здесь и сейчас – в леса, в горы, в моря, «в геологи», наконец – в себя самого, но только «от этой реальности». Герой этого дискурса все тот же русский странник, путник и инок, иной, не такой как все здесь. Другой основной темой является единение, острая ностальгия по духовному

единству, по духовной общине и общности. «Возьмемся за руки друзья, возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть по одиночке!» Хотя в песнях фигурируют события, ситуации, отношения часто чисто бытового, обыденного характера, сквозь них весьма прозрачно просматривается стремление к более глубокому и интимно-сокровенному. И это ностальгия не по другому как личности, а как другому, слиянному со мною вместе с другими. Сказывалась и некоторая «приблатненность» творчества некоторых авторов, что, очевидно, обусловлено общей глубокой угольно-лагерной прививкой советской культуре и обыденному сознанию (это до сих пор сохранилось в русском шансоне).

Мы сталкиваемся, таким образом, все с тем же парадоксом российско-советского культурного опыта: высокое нравственное напряжение не мобилизует человека к жизни в реальном мире. Интеллектуальные, нравственные и физические силы уходят на попытки реализации утопий, фантазий, романтику Большого Ухода (фактически – тот же эскапизм).

Принципиальной новизной стала исповедальность, интерес к внутреннему духовному миру личности, ее самооценность. Фактически речь идет о первом симптоме свободы. И этот симптом, этот импульс обнаружился не во внешних условиях, а там, где он только и мог проявиться изначально – в сердце души человеческой.

Бросается в глаза еще одна черта – демонстративная неагрессивность, даже пацифизм. Поэтому можно говорить о начавшейся серьезной эрозии мифологизма безответственной нетерпимости и насилия. Во-первых, речь уже идет о пристальном внимании к другому, снижении накала ксенофобии. И как следствие, обращение к военной тематике не столько как героической, сколько как трагической теме, переживаемой с позиций личности.

Это все то же отрицание реальной жизни – вечная тема российской интеллигенции. Правда, в 1960-е уже не как переустройство этой реальной жизни, а как отказ от участия в ней, от включенности в нее. Это стремление найти и утвердить себя – не в жизни, а в уходе в процесс думанья, изощенной рефлексии, самостоятельной работы души, Это опыт задумавшихся, ощутивших нравственный дискомфорт, осознавших что что-то неладно в этом обществе. Их озаботил нечто большее, чем «только день простоять, да ночь продержаться». Это опыт усомнившихся. Уже в этом их отличие от не сомневавшихся «победителей» 30-х годов.

Политическая несостоятельность шестидесятничества проявилась не только в крахе хрущевских реформ, но – самое главное, в крахе горбачевской «перестройки», которую возглавили представители именно этого поколения. Блестящие ораторы и публицисты они снова позвали

в никуда. Их призвание – разоблачать и судить, но не созидать. Сбылась их мечта, когда у власти были «не те». И вот они сами оказались у власти... И вновь безответственные фантазии, либеральные прописи, то же невнимание к реальностям собственной жизни и общества.

Смыслоутрата

Сталинизм реализовал интеграцию двух полюсов кротости и крутости в новую целостность. Полное самовластье на всех уровнях от Вождя-Хозяина до местных «хозяйчиков» подкреплялось одновременным героизмом и энтузиазмом, «агрессивной послушностью», проявления которых угасают от движения стахановцев к Целине и «бригадам коммунистического труда». Вырождение лихорадочного энтузиазма сопровождалось и вырождением централизованного контроля, развертыванию коррупции и организованной преступности, их сращиванию. Щелоковщина, медуновщина, рашидовщина, адыловщина – суть проявления этого процесса.

Распад мифократии вследствие российских преобразований 1985-1994 годов можно было бы расценивать как безоговорочно положительный процесс, как основу и источник рационального осмысления, социального диалога, терпимости, утверждения человеческого достоинства. «Перестройка» могла бы стать духовным обновлением, несущим ценности свободы, личной ответственности и инициативы. Однако, приходится употреблять сослагательное наклонение.

Оказалось, что нужно перестраивать не только то, что сложилось в 1930-40-е годы, но и то, что наслоилось в 1960-80-е. Оказалось, мало заменить административно-командный распределительный механизм «хозрасчетным» – коррупция, казнокрадство, уравниловка и выводилка приобрели новые формы. В политической жизни оказались недостаточными провозглашение демократизации, устранение монополии коммунистической партии, принятие новой конституции – остались самовластье местной и ведомственной бюрократии, расширились и закрепились клановые связи, организованная преступность. Более того, экономическая реформа и приватизация дали открыли им новые возможности. Чиновничество и хозяйственные руководители, ранее находились «под колпаком» партийного контроля и давления – лютого из них можно было в любое время снять с работы и подвергнуть преследованиям если не по идеологическим соображениям (идеологическая невыдержанность, аморальное поведение и т. п.), то за хозяйственное преступление (все, что ни делалось, делалось не благодаря

соблюдению законов и нормативов, а вопреки им). Теперь же партийный колпак оказался снятым и наступила золотая пора полной бесконтрольности и безнаказанности.

Печально и то, что подавляющее большинство политических, экономических, военных кадров и руководителей составили люди просто не знающие – что такое публичная политика, демократия, современная практика управления, экономический механизм вообще. Главная беда оказалась не в «механизме торможения ускорения», а в культуре, «коллективном бессознательном», в том, от чего не откажешься в одночасье, что не перестроится по директиве. Не случайно избавление от сталинизма произошло относительно легко и быстро в тех странах «социалистического лагеря», где он – хотя и насаждался искусственно – но не имел культурной почвы и затронул только одно-два поколения.

В духовных исканиях середины 1980-х, начала «перестройки» переосмыслению было подвергнуто все и вся. Прошлое... Гражданская война – красные предстают исчадиями ада, а белое движение – воплощением святого героизма, потомки красных комиссаров, чекистов и стукачей с надрывом поют про «поручика Голицына», искренне сопереживая и ему и «корнету Оболенскому», не чувствуя трагикомизма ситуации. Коллективизация и индустриализация предстали войной на уничтожение собственного народа. В Великой Отечественной войне поменялись роли участников – оказывается это СССР развязал мировую войну, спровоцировал Гитлера, который на считанные недели опередил вероломного Сталина, готовившегося к «освобождению» Европы. Берия и Маленков предстают несостоявшимися реформаторами и «демократизаторами»...

Не менее бурно осмыслялось и переосмыслялось настоящее. Афганская война, национальные проблемы, кооперация и индивидуальная трудовая деятельность, молодежные проблемы, проституция.

Распад сталинистской мифологии и мифократии в широком масштабе предстал профессиональной, политической, а то и личностной смыслоутратой. У шестидеятников еще сохранялась иллюзия, что верные ленинские идеи осуществляются неверными методами. Несмотря на осознанную неправильность политики, сохранялась вера в правильность лозунгов. История дала им шанс в виде «перестройки». И оказалось, что «социализм с человеческим лицом», «больше социализма», «возврат к ленинским принципам», «вся власть Советам» и т. п. – не более чем несостоятельные версии все той же мифологии. Дело даже не столько в сомнении в лозунгах. В свое время В.В. Розанов выводил социализм из религиозного сознания: ветхозаветная

религия – живой синтез духа и плоти, новозаветное христианство – абстрагирование духа от плоти, социализм – абстрагирование буквы от этого духа. Если воспользоваться этой формулой, то тут в рассматриваемый период можно констатировать разбегание букв, еще недавно составлявших слова, а возможно и утрату самих букв.

В греческой мифологии царь Мидас за свою жадность был наказан богами: в Аиде все, к чему он ни прикасался – еда, одежда, другие необходимые предметы, превращалось в золото. А тут – не просто в нечто неудобоваримое, а просто в собственную противоположность. Демократия – в игру самозванческих амбиций; кооперация из средства преодоления монополии, насыщения рынка товарами и, как следствие, снижения цен – в усиление монополизации и мощный механизм инфляции; акции из источника дохода – в форму изъятия средств у граждан; аренда – в средство закабаления; правовое государство из гаранта защиты от произвола власти, ее подчинения закону – в гонку законотворчества на все случаи жизни, чехарду нестыкующихся законов, принимаемых властными временщиками. Ряд таких примеров обесмысливания разумных идей можно продолжать.

Между тем, современные технологии, само строение общественного труда предполагают не просто квалифицированных работников и специалистов профиля, а образованных, главное – ответственных, способных к творчеству и инициативе. «Реальный социализм» был ориентирован на нравственный ригоризм, но в условиях авторитарного тоталитаризма, фактической нищеты и двоедушия его идеология и практика приводят к разрушению традиционной нравственности, не дополняемой конструктивными духовными и нравственными процессами. В годы войны, перед лицом стихийных катастроф этот нравственный вакуум естественно заполняется реализацией борьбы за совместное выживание. Но при ослаблении внешней опасности, в условиях нормальной жизни внутренних сил консолидации оказывается недостаточно.

Более того, вроде бы все плюсы поменялись на минусы и наоборот, произошла радикальная смена ценностей и ориентиров. Место материализма заняла духовность. На полках книжных магазинов место литературы по диалектическому и историческому материализму заняла литература «духовная». Место рационализма занял иррационализм. «Наука» и «научность» – стали почти ругательными словами. Наука почти дискредитирована. Ее сменили астрология, гороскопы, хиромантия, парапсихология, телекинез, НЛЮ, пришельцы и т. п. А место утопизма занял прагматизм – откровенный и приземленный.

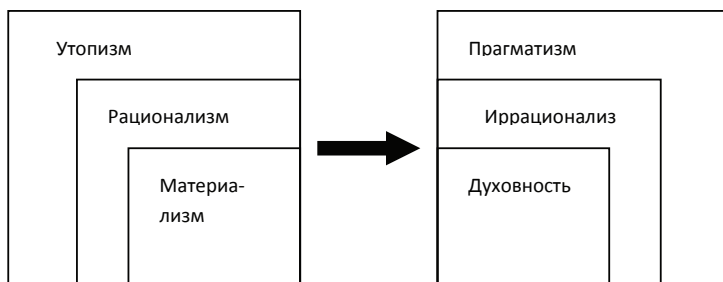

Рис 7. Смена мировоззренческих ориентиров в конце 1980-х – начале 1990-х

На первый взгляд, в культурном опыте поменялось все. Но «духовность» оборачивается стремлением с помощью духовно-идеального изменить излечиться на расстоянии, двигать предметы усилием воли и т. п. Иррациональность, которая нормативно-катехизична, как любая практика гностицизма, ведовства и проч. Прагматизм, который стремится получить результат, добиться успеха немедленно, здесь и сейчас, причем – усилием воли.

Это духовность, которую не отличить от плотского, рационалистичная иррациональность, прагматизм, который утопичен. А главное – итог тот же самый: та же безответственность, бегство от свободы, когда личность все так же как кусок масла на сковородке распускается. И нет меня. Есть я как «Водолей» или «Огненная лошадь» и все со мной, и с другим ясно. И никто ни за что не отвечает. По прежнему отвергается идея свободы как ответственности, главенство закона по отношению к любой власти. Фактически мы имеем дело все с тем же опытом невменяемости, только в новом обличи.

В ходе бурных дискуссий предлагается множество – иногда взаимоисключающих друг друга – диагнозов и программ-курсов лечения российского общества: от субъективистских подчеркиваний роли личности первых лиц до объективистски-макроэкономических, от исторической закономерности и неизбежности всего происходящего (а значит и всего, что еще произойдет) до нравственной проповеди. При этом диагнозы ставятся фактически без реального знания реального больного и носят подозрительно непререкаемый характер все того же нетерпимого и безответственного самозванства. Сохраняется вера в запретительные меры и прямое насилие. Сохраняются охранительные тенденции – не только в официозе, но и в гражданской активности доминируют установки на сохранение и возрождение (даже если это возрождение напоминает попытки реанимации после эксгумации),

но никак не на живой творческий процесс. Персонифицированная власть, как и испокон века на Руси, остается «священной коровой»: критика власти квалифицируется как преступление.

Иначе говоря, Большой Миф рухнул, но культурный опыт, его породивший, остался. И осколки «помнят» друг друга еще достаточно, чтобы тянуться друг к другу. Социальная неустойчивость и незащищенность, нравственный вакуум, правовой нигилизм создают питательную среду преступности и одновременно – ностальгию по сильной руке. В условиях политической неструктурированности (дисперсности, «размазанности») общества, отсутствия в нем естественных социально-экономических и политических связей и отношений, направленных на реализацию интересов различных социальных сил, при неосознанности самих этих интересов – политическая активность носит деструктивный характер. Выборы теряют реальный политический смысл, партии становятся группировками во круг амбициозных самозванцев или властными проектами.

Сохраняется все тот же российский маятник кротости и крутости. Вчера руководитель – помазанник Божий, сегодня – злодей, завтра – праведник. История остается непредсказуемой – каждый последующий период основывается на шельмовании предшествующего и открещивании от него, переписывании учебников...

Тотальное недоверие никому и ничему дополняется не менее тотальным желанием лучшего и желанием верить. Недовольство существующим и притязания на лучшую долю, в принципе, никогда не были тормозом развития. Наоборот. Недовольство есть первый шаг к прогрессу. Но не тогда, когда оно доминирует в инфантильно–потребительской среде, когда агрессивно-потребительское отношение к государству дополняется восприятием роста чьего-то достатка как нарушение основ социальной справедливости. Беда не когда какие-то внешние причины вызывают рост агрессивности и насилия – тогда проблема была бы лишь в устранении этих причин, а когда рессентимент, безответственность и нетерпимость становятся субстанцией ума и души.

Экономический кризис и политическая неоднозначность создают исключительно благоприятную среду для нового мифотворчества. Общественное сознание чрезвычайно уязвимо для различного рода паник, слухов, самозванства. Примитивные идеи легко подхватываются и распространяются. Сами собой возникают и плодятся самозванцы от политики, от науки, от религии, от медицины и т. д.

В такой ситуации на первый план выходит способность политической культуры к конструктивной консолидации социума.

5. Российская политическая культура в общеисторическом контексте

Российская специфика массового общества. Революция менеджеров по-русски. Постимперская культура как потенциал открытого общества. Российские модернизационные инверсии

Российская специфика массового общества

Проблемы массового общества и массовой культуры в высшей степени актуальны для современной России. Можно сказать, что одним из результатов интенсивнейших трансформаций, пережитых российским обществом за XX столетие, стал шок от столкновения с культурой массового общества. Как уже отмечалось, трансформация ценностного содержания культуры в массовом обществе выводит на первый план ценности пользы и блага взаимного спроса: то, что не востребовано, просто не имеет права на существование в этом мире. Такое мировосприятие противоестественно для склонного к апофатике и трансцендированию российского культурного опыта.

В советское время потребительской, «мещанской» массе был противопоставлен «народ», нарождающейся массовой культуре «народность». На эту основу хорошо легло пришедшее из той же Европы учение К. Маркса об историческом тупике капиталистического общества, на смену которому придет общество всеобщей справедливости, в котором человеку будет возвращена его общественная природа, в том числе – за счет утверждения общинных форм жизни. В результате марксизм-ленинизм парадоксальным образом осуществил уникальный синтез западной и славянофильской идеи, породив идеологию – западнически рационалистическую по форме, но глубоко, почвенно славянофильскую по содержанию.

Так или иначе, но в Российском общественном сознании сложился устойчивый негативный идеологический стереотип «Запад – массовая культура – мещанство», который повлиял на не одно поколение отечественных социальных мыслителей и продолжает в какой-то степени действовать и поныне в идеологеме о принципиальном противостоянии России западной цивилизации, ее особом пути и миссии.

Собственно становление массового общества в России началось в 1880-1890-е годы в связи с мощным пореформенным промышленным подъемом. Первая волна индустриализации, породила маргинализацию

населения, формирование городского образа жизни. В определенном смысле, вся культура Серебряного века – эйфорическая реакция на зарождающуюся культуру массового общества. Корифеи российской культуры конца XIX – начала XX века, за редким исключением, не совсем адекватно оценивали значение собственного творчества. Полагая, что продолжают и возрождают традиции народного искусства, они фактически участвовали в создании культуры массового общества.

Отрезвление наступило после Первой русской революции 1905-1907 годов. Выплеск негативной социальной энергии, сопровождавший ее, продемонстрировал, что ни «народ», ни «масса» никак не соответствуют просветительским чаяниям интеллигенции о народе-творце, народе-деятеле. Новый русский человек, о котором в конце XIX столетия говорилось с придыханием, повернулся пугающими сторонами своего облика. В нем явственно проступали нигилизм, равнодушие к историческим корням, озабоченность *волей*, но никак не *свободой*. Российский обыватель отличался от западноевропейского так же, как российский разночинец от европейского буржуа.

В примерно одинаковых исторических условиях с Германией, в России не состоялся переход к буржуазности. В немецкой революции главную роль сыграла бюргерская законопослушность, в России же – «музыка революции». Сказались общий апофатизм и правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом.

«Восстание масс» может иметь форму гедонистического массового потребительства западного образца, может и – нигилистического взрыва на манер российской революции. Все зависит от того, формируется ли массовое общество на базе развитого гражданского общества или без него. В этом отличие отечественной ситуации от США, Европы, стран Восточной Европы и даже Прибалтики, где правовое государство и гражданское общество имеют более развитую традицию.

Культура массового общества оказалась существенным фактором в динамике социально-политических процессов прошлого века в нашей стране. Вторая волна – уже «социалистической индустриализации» довершила массовизацию населения. Коллективизация и «великий перелом» конца 1920 – начала 1930-х были восприняты «широкими народными массами» с большим энтузиазмом. В ходе этой индустриализации решались точно те же задачи, что и в капиталистических странах, использовалась та же техника, те же самые технологии, которые зачастую просто заимствовались в более развитых странах. Даже внешние атрибуты образа жизни, художественных форм были во многом схожи. Хотя термин «массовая культура» применялся

в негативном оценочном смысле (применительно к буржуазной культуре Запада), официально использовались такие термины, как «массовая песня», «массовая эстрада», «массовые праздники» и культивировались соответствующие формы массовой культуры. Но это был качественно иной тип культуры массового общества – без демократии и прав человека, т.е. *массовая культура тоталитаризма*.

Масса, концептуально оформленная как «передовой класс», а потом и «новая историческая общность», стала носителем высшей моральной легитимности, непогрешимой «по природе и по определению». Б. Ф. Поршневым и И. М. Лукомской в очерке «Ленинская наука революции и социальная психология» было детально и документированно показано, что учет чувств, инстинктов, настроений, эмоций масс был существенным фактором политической тактики и стратегии Ленина. Это накладывало отпечаток на используемый словарный запас, эмоциональную окраску заголовков, воззваний, публицистики. Тем самым, тоталитаризм получил не только концептуальное, но нравственное оправдание и обоснование. То, что для Г. Лебона, З. Фрейда и даже немарксистов франкфуртской школы было симптомами неблагополучия, регрессией рациональности в архаику, утратой суверенной свободы воли, пассивно-восторженным подчинением воле вождя, непроницаемостью социальному контролю, наконец – неменяемой безответственностью, это самое в советском контексте выступало нормами и ценностями социализации.

Можно сказать, что реальным результатом «строительства коммунизма», «воспитания нового человека» и создания «исторически новой общности людей» в СССР стали именно массовое общество и соответствующая культура. Это было реальное массовое общество потребления и потребителей: советские граждане нисколько не были озабочены ответственностью за свое будущее, которое было расписано на века в программах КПСС, которая провозглашалась как «ум, честь и совесть эпохи». Это было общество удивительно беззаботных и безответственных людей массы, фактически не строящих, а проедающих свое будущее.

По некоторым параметрам культура советского общества сближалась с современной ей западной массовой культурой (особенно в Германии, США), по другим – разительно от нее отличалась. В отличие от западной массовой культуры, опиравшейся на средний класс и выражавшей его потребности, в Советской России массовая культура выражала потребности «низшего» класса. Конечно, в СССР складывалась своя политическая и профессиональная элита, включавшая партийную номенклатуру и чиновников, профессуру

и высокооплачиваемых ученых, известных артистов и летчиков. Они и были специфическим эквивалентом среднего класса. Однако их положение было крайне неустойчиво: они полностью зависели от властей, подвергались систематическим «чисткам», репрессиям, вплоть до физического уничтожения.

При этом демонстративно отвергался набор ценностей западного общества (достаток, комфорт, индивидуальный успех, стабильность, благополучие семьи), которые были объявлены «мещанскими», «отсталыми». Зато советская массовая культура была густо замешана на ценностях доиндустриального общества, таких как уравнилельное распределение, коллективизм, трудовая взаимовыручка, жертвенный аскетизм.

Советское общество и советская массовая культуры были противоречивы именно в аксиологическом плане. С одной стороны, это было именно общество беззаботных потребителей – людей, не являвшихся хозяевами своей жизни и не озабоченных свободой и ответственностью. С другой стороны, оно в (довольно успешной) официальной идеологии и пропаганде отвергало «мещанство» и стремление к личному благополучию. Рано или поздно, но это противоречие должно было разрешиться. Ценностная «перенастройка» советского массового общества началась в 1960-е годы.

К этому времени в СССР сравнялись численность сельского и городского населения. Широкомасштабное типовое индустриальное жилищное строительство дало возможность расселять коммунальные квартиры и общежития. Развилось массовое телевидение. В семьях рабочих и служащих появились такие предметы бытовой техники, как холодильники, магнитофоны, радиолы, стиральные машины, а в некоторых и личный автотранспорт. Возникли новые формы проведения досуга: туризм, клубы по интересам. Благодаря всему этому население становилось более автономным в плане бытового обустройства, а с другой – более зависимым от рынка товаров массового потребления и услуг. Все эти факты можно рассматривать как свидетельство формирования ориентированного на средний класс и рыночную экономику общества массового потребления. Показательно, что тогда же прошла довольно шумная дискуссия о «мещанстве» и «вещизме», показавшая, что стремление к личному благополучию достигло уровня осознанных интересов и ценностных ориентаций широкого круга людей.

1960-е и особенно 1970-е годы завершили эрозию трансцендентализма. Окончательно победило массовое общество с его потребительскими установками («мещанство» и «вещизм»). *В 1970-е годы завершился переход от традиционного доиндустриального общества*

к массовому индустриальному, а во-вторых, – от тоталитарно-мобилизационного – к потребительскому. И этот процесс вполне соответствовал общецивилизационному процессу человеческого развития, описанному в предыдущих частях книги.

Возможно, что именно непонимание смысла происходивших изменений и предопределило беспомощность и несостоятельность правящей элиты, привело к катастрофическим последствиям. Произошедшие изменения не фиксировались в статистике, не отражались в программных документах, идеология и социальная наука оставались в плену устаревших понятий, «не видящих» новых реалий, не позволяющих адекватно описывать и понимать происходящее. Это создавало значительные трудности для советских лидеров, которые в глазах миллионов людей утратили былой ореол вождей, превращаясь в заурядных распределителей и присваивателей материальных благ. Несмотря на дежурные нападки на потребительство и мещанство, уравнильно-аскетический идеал бесповоротно утрачивал привлекательность. Нельзя забывать и то, что все это происходило на фоне очевидных достижений и роста качества жизни в развитых зарубежных странах, утаить которые от советских людей было уже невозможно.

Говоря о причинах падения советского режима, чаще всего называют техническое, технологическое и экономическое отставание, стратегическое поражение в гонке вооружений и в холодной войне. Но к этому необходимо добавить и то, что советский режим не смог найти достойного ответа на вызов новой культурной эпохи – массового информационного общества, достигшей планетарных масштабов. Идеология и технология власти советского государства устарели задолго до того, как оно распалось в реальности. Советская коллективистская система уже не могла удерживать в повиновении массового индивида, которого сама же породила. Да и у самой советской правящей элиты возникли потребности и амбиции, типичные для массового общества: стремление выделиться из толпы, обозначить свое социальное превосходство, конвертировать ставшие эфемерными привилегии власти в более осязаемые и прочные материальные ценности, закрепить их в собственность, наследственное владение.

Советская империя была повержена не в военном противоборстве и даже не в экономическом соревновании с какими-то конкретными конкурентами и противниками. Она была повержена безликой и универсальной силой, утвердившейся не только «во вражеском окружении», но и в душах советских граждан – массовым обществом и ценностным содержанием его культуры. Можно сделать принци-

пильный вывод, что, вопреки бурным, и чаще всего – лукавым дискуссиям о «судьбе» России, ее «особом пути», исторический цивилизационный выбор российским обществом был сделан уже давно. И сделан он был не в политической сфере, не в экономике, а в сфере повседневности.

Драматизм нынешней российской ситуации усиливается тем, что российское общество оказалось беззащитным перед массовой культурой. Если в большинстве зарубежных стран социальность имеет устоявшиеся институциональные формы гражданского общества, дающего личности – пусть формальные, но ориентиры и скрепы идентификации в виде институций религиозных, муниципального самоуправления, профессиональной корпоративности, то советский и постсоветский человек этого лишен. В результате социальной революции в стране были уничтожены социальные и классовые барьеры, традиционные субкультуры, в итоге чего в стране сложилось общество почти дисперсное. Сословная и народная культуры оказались в некоем виртуальном пространстве «социалистического реализма». Крушение империи вызвало к активной жизни многообразие национальных культурных форм, которым прививалось «социалистическое содержание». В результате был выработан некий единый культурный код – выморочный, насаждавшийся пропагандистски и через систему образования – но доступный всем группам населения. И эта массовая культура противопоставлялась массовой культуре запада – «безликой и безнравственной».

Перестройка и последовавшие реформы проходили при полном отсутствии внятной культурной политики. В этой ситуации наиболее примитивная, развлекательная западная массовая культура, фактически – культурный ширпотреб, не имея конкуренции на отечественном рынке, быстро заполнил вакуум. Отечественная (советская) массовая культура перестала быть массовой, изменилось содержание и даже дизайн массовых праздников. Деятели культуры, наивно полагавшие, что высокая культура выстоит в любой ситуации, жестоко просчитались. На гребне волны бездуховности оказалась эстрадная попса.

И стало очевидным, что культура российского массового общества не имеет социальной почвы – ни исторических, ни фольклорных корней. Она может использовать – по старой имперской и советской привычке – практически любые исторические формы культуры, но не может наполнить их содержанием. При этом, в условиях фактического отсутствия среднего класса и гражданского общества функцию консолидации общества выполняет именно массовая

культура, типичными носителями которой являются представители нынешней российской «элиты». В этой ситуации нет никакой необходимости даже в манипулятивной имитации среднего класса. Важно понять: сам middle – продукт массовой городской культуры. Так функцию среднего сословия в современной России с успехом выполняет массовое сознание людей массы, сформированное еще в советское время.

При этом традиционный российско-советский культурный опыт по своему нормативно-ценностному содержанию носит вне- и даже анти-рыночный характер. Уходя корнями в синтез славяно-финно-угорского язычества и православия – апофатической ветви христианства – этот опыт, как уже отмечалось выше, не мобилизует человека на жизнь в этом мире. Трагюя эту жизнь как юдоль страдания, тяжкого нравственного испытания, он создает традицию высокой духовности, нравственного предуготовления личности к жизни иной – в потустороннем мире или светлом будущем, но «не в этой жизни», не здесь и сейчас. Этим и объясняется довольно противоречивое состояние общественного сознания. Сколько ни говори человеку в семье, в школе, с амфона, даже с экрана телевизора о высокой духовности, выходя на улицу и попадая на работу, он видит, что в этой жизни царит обыденная «рыночная» этика: ты мне – я тебе, и не делай другому того, чтобы не хотел по отношению к самому себе. И если он хочет жить в этом мире, ему придется руководствоваться именно этой этикой.

Ситуация усугубляется отсутствием внятного символического ценностного кода современной российской культуры. В советское время, будучи фальшивым и противоречивым, язык массовых газет, кино, эстрады, массовых праздников, лозунгов и ритуалов был хотя бы декларативно лоялен по отношению к простым людям. Нынешняя ценностная символика российской культуры противоречива и эклектична. Речь идет даже не только и не столько о государственной символике, а просто об обыденности, когда даже в названиях фирм, организаций, товаров в одном и том же слове соседствует кириллица и латиница, а в публичной лексике высоких государственных чиновников соседствуют рассуждения о православной духовности и блатная лексика.

Актуальной становится задача отхода от претензий на вселенскую всеохватность – определиться (буквально «о-предЕлиться», осознать и сформулировать свои пределы), от слов о собственной уникальности перейти к уяснению и конкретизации этой уникальности.

*Революция менеджеров по-советски*⁹³

С течением времени и при некотором размышлении ряд особенностей российского развития прошлого века предстают не столько проявлениями «особого исторического пути» России, сколько проявлениями общеисторических тенденций. «Особость» им придают разве что используемые для описания термины, выработанные в отрыве от широко используемых за рубежом.

В полной мере это относится и к феномену советской номенклатуры. Уже у М.Джиласа⁹⁴ этот атрибут и институт социалистической политической и экономической системы характеризовался как «новый класс». М.Восленский еще в 1970-х,⁹⁵ во времена «развитого социализма» дал исчерпывающее описание этого института, его природы и почти точно – его перспектив.

Обращает на себя внимание прямое временное совпадение окончательного оформления номенклатуры и начала дискуссии о «революции менеджеров» в западных странах, которая широко обсуждалась и обсуждается до сих пор. О так называемой «революции менеджеров» впервые заговорили в середине прошлого столетия. Производство усложнилось, управление крупными компаниями приняло многоуровневый характер. Обеспечить самостоятельный контроль владельцы бизнеса были уже не в состоянии, и все в больших масштабах прибегали к услугам наемных управленцев, роль которых, чем дальше, тем больше возрастала, особенно в транснациональных корпорациях. И параллельно стало выявляться неприятное обстоятельство: интересы менеджеров, их ответственность могут не совпадать с интересами владельцев. Если владельцы отвечают собственностью, то менеджеры только за выполнение функций, что способно порождать весьма неоднозначные обстоятельства. Недавние примеры из новейшей истории американского бизнеса вроде историй с Enron, Bank of NY тому свидетельство.

Сам термин «революция менеджеров» принадлежит американцу Джеймсу Бёрнхему, выпустившему под таким названием в 1940 году

⁹³ Впервые опубликовано в: *Тульчинский Г.Л.* Революция менеджеров по-советски. // Публичная политика-2013. Сб. статей под ред. М.Б.Горного и А.Ю.Сунгурова. СПб: Норма, 2014. с.145–149.

⁹⁴ *Djilas M.* The new class. NY: F.A.Preger, 1957.

⁹⁵ *Восленский М.* Номенклатура. М.: Политиздат, 1991.

книгу⁹⁶, которая сразу после выхода наделала шума в США и Европе. В ней Д.Бёрнхем предрекал, что капитализм обречен, но на смену ему идет не социализм, а новый тип централизованного общества, радикально изменяющего буржуазную демократию, а скорее – вообще не имеющего никакого отношения к ней.

Правящим классом в этом обществе будут те, кто реально контролируют средства производства: руководители компаний, бюрократы-администраторы, военные. Всех их он объединял в одну категорию «менеджеров». Эти люди устранят традиционных капиталистов, окончательно сокрушат рабочий класс и сосредоточат в своих руках экономические ресурсы и власть. Частная и общественная собственности конвертируются в некий новый вид собственности. Место многочисленных национальных государств займут некие большие сверхгосударства, сложившиеся вокруг индустриальных и экономических центров Европы, Азии и Америки. Их политические системы будут иерархичными: с менеджеральной элитой наверху.

В своей следующей книге «Макиавеллисты»⁹⁷ Д.Бёрнхем видоизменил первоначальную концепцию. В ней он излагал концепцию реализации власти Макиавелли и его современных учеников – Моски, Михельса и Парето, к которым Бёрнхем добавляет синдикалиста Жоржа Сореля. Бёрнхем обосновывал идею, что все исторические политические перемены в конечном счете сводятся к замене одного правящего класса другим. Идеи демократии, свободы, равенства, братства, проекты утопий «бесклассового общества», революционные движения все они – прикрытия устремлений какого-то нового класса, стремящегося к власти, привилегиям. В современной терминологии Д.Норта это означает некую новую форму институциональной среды ограничения доступа⁹⁸. Во всякой революционной борьбе массы движимы мечтами о человеческом братстве, а затем, когда новый правящий класс закрепляется у власти, он создает новую систему извлечения ренты и эксплуатации.

Д.Бёрнхем придавал большое значение теории «круговорота элит» Парето: правящий класс, чтобы удержаться у власти, должен избегать закоснения. Для этого необходимо постоянно привлекать

⁹⁶ Burnham J. The managerial revolution: what is happening in the world. NY: The John Day company, 1941.

⁹⁷ Burnham J. Machiavellians defenders of freedom. NY: The John Day company, 1943.

⁹⁸ См.: Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Ин-т Гайдара, 2011. – 480 с.

новых членов из низших слоев, чтобы наверху постоянно находились люди, способные отвечать на новые вызовы. По мнению Д.Бёрнхема, это скорее всего, достижимо в обществе, где сохраняются демократические обычаи, то есть позволено существовать оппозиции, и такие институты, как пресса и профсоюзы, обладающие определенной автономией.

Главный тезис Д.Бёрнхема: капитализм обречен, а социализм – греза. Важно понять, что революция *уже происходит*, нравится нам это или нет, и учиться управлять ее ходом, пользоваться ее возможностями. Бёрнхем не раз повторял, что только лишь констатирует факты и не высказывает своих пристрастий. В 1940 году он писал, что «менеджеризм» достиг наивысшего развития в СССР, но почти так же развит в гитлеровской Германии и уже заявил о себе в Соединенных Штатах в виде рузвельтовского «нового курса», который Д.Бёрнхем характеризовал как «примитивный менеджеризм». Но тенденция эта наблюдается повсюду или почти повсюду: неконтролируемый капитализм уступает место планированию и государственному вмешательству, собственник уступает власть технократу...

В рецензии на очередную публикацию «Революции менеджеров» в 1946 году Д.Оруэлл (автор одной из классических антиутопий тоталитаризма) отмечал, что концепция Д.Бернхема лежит в русле предсказаний появления нового общества, не капиталистического, не социалистического, предельно централизованного в управлении всеми сферами жизни. Действительно, такой ряд начинается с утопии Платона, продолжается Т.Мором, Т.Кампанеллой, отчасти Д.Бентамом. В XX веке его продолжили Х.Беллок в «Рабском государстве» (1911). Честертон предсказал исчезновение демократий и частной собственности и возникновение рабского уклада, который можно назвать и коммунистическим, и капиталистическим. Джек Лондон в «Железной пяте» (1909) предугадал некоторые существенные черты фашизма, а в книгах «Когда спящий проснется» Г.Уэллса (1900), «Мы» Е.Замятина (1923) и «Дивный новый мир» О.Хаксли (1930) описаны воображаемые миры, где разрешены особые проблемы капитализма, но свобода, равенство и подлинное счастье нисколько не приблизилось. Позже такие авторы, как П.Дракер и Ф. А. Войт доказывали, что фашизм и коммунизм – по существу, одно и то же. После II Мировой войны за таким типом государства закрепился термин «тоталитарные», пришедший, кстати, из итальянского опыта характеристики муссолиниевского корпоративного государства – пожалуй, наиболее мягкой формы тоталитаризма: некое общенациональное движение (фронт) во главе

с надпартийным лидером, контроль над различными проявлениями общественной и отчасти – личной жизни...

То, что централизованное общество склонно вырождаться в олигархию или диктатуру, известно давно и хорошо. И, как замечал еще тот же Д.Оруэлл, в идее, что индустриализм и рыночная экономика стремится перерасти в монополию, которая неизбежно взывает к соответствующему государственному дизайну, нет ничего ошеломляюще нового.

Как описание того, что происходило, теория Д.Бёрнхема оказалась весьма правдоподобна, если не сказать больше. Во всяком случае, то, что происходило в СССР, гораздо проще объяснить его теорией, чем какой-либо другой. Правда, его предсказание, что советский режим свернет к капитализму, сбылось несколько позже. Важны не политические пристрастия и стремление к далеко идущим предсказаниям, а обозначенный тренд общественного развития. Д.Бёрнхем скорее прав, чем не прав в оценке такого тренда. Глобализация, формирование транснациональных компаний, фактический вассалитет национальных государств по отношению к странам G8, общее движение в сторону олигархии едва ли вызывает сомнение. Всё увеличивающаяся концентрация промышленной и финансовой мощи, все уменьшающаяся роль индивидуального капиталиста и акционера, рост влияния «эффективных менеджеров», упадок представительных институтов и появление однопартийных режимов, опирающихся на полицейский террор, фальсификацию выборов – всё это указывает на одну и ту же тенденцию.

Не случайно идеи Бёрнхема получили респектабельное развитие сразу же после войны. Разработку проблемы отношений менеджеров и собственников, перехода контроля над производством от собственников к управленческому персоналу продолжили известные социологи П.Дракер, П.Сорокин, Д.Белл, Т.Парсонс, Р.Дарендорф. Речь идет, по сути, о двух тезисах. Во-первых, это отделение собственности от контроля: собственники, передав функции управления наемным менеджерам, теряют контроль над своим бизнесом. Во-вторых, чем дальше, тем быстрее исчезает класс капиталистов как таковой, а поскольку капиталист может существовать лишь вместе с пролетарием, исчезает и пролетариат. И если интерес буржуа лежит, прежде всего, в области извлечения максимальной прибыли, то менеджер, по мнению сторонников рассматриваемой нами концепции, заботится не только и не столько о прибыли, а об эффективности предприятия в более широком смысле слова, включающем, в частности, поддержание социального мира.

Именно на этом идейном фоне формировалась в свое время идея конвергенции капитализма и социализма. Позднее к этому добавились теория и практика корпоративной социальной ответственности, корпоративного гражданства, сформировавшие основу нового корпоративизма, который К.Крауч уже в наши дни назвал «приватизированным кейнсианством».⁹⁹

Все эти исследования и идеи вызревали и оформлялись на основе процессов, происходящих в наиболее развитых странах мира: США, Англии, Японии и т.д. Появление в обществе фигуры менеджера ведет к глобальным последствиям, прекращает свое существование капитализм, описанный А.Смитом и К.Марксом, и мир переходит в иное состояние – из индустриального он становится постиндустриальным. При этом, стоит отметить, что первыми новую структуру элиты заметили именно марксисты: в конце жизни Ф.Энгельс (он умер в 1895 году), комментируя распространение практики акционерных обществ, которая как раз и вела к появлению фигуры управляющего, оценивал это как еще один симптом кризиса традиционного капитализма. А в начале XX века эта трактовка получила развитие в трудах немецких социал-демократов Э.Бернштейна и К.Шмидта.

Не менее показательна и концепция «нового класса» М.Джиласа, сформулированная им на осмыслении его собственного активного участия в формировании социалистической системы в послевоенной Югославии, хорошего знания советской системы управления. В 1979 году вышла не менее знаменитая книга М.Восленского «Номенклатура», в предисловии к которой Джилас отмечал, что им самим была только поставлена проблема, которая Восленским была решена. Речь идет о формировании правящего политического класса, распоряжающегося так называемой «общенародной» собственностью. Собственность, как известно, реализуется на трех уровнях: владения, распоряжения и использования. И декларируемая на уровне владения «социалистическая собственность», на уровнях распоряжения и использования носила весьма переливчатый характер. И М.Джиласом и М.Восленским было предсказано стремление этого нового класса партийно-хозяйственной номенклатуры в перспективе конвертировать власть в полноценную собственность.

Представляется, что речь идет об одном и том же цивилизационном феномене, когда индустриализация, усложнение и специализация производства вызывают к жизни необходимость наемных

⁹⁹ Крауч К. Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010.

технократов-управленцев, реализующих распоряжение не своей собственностью. Поэтому рано или поздно, но возникает конфликт интересов, побуждающий «новый класс» разрешить его в свою пользу.

Если на Западе разрешение этого конфликта приняло характер многовекторного и многоуровневого разведения зон ответственности, полномочий, регулирования лоббистской деятельности и мотивации управленческого аппарата к участию в деловой активности, что придало новые формы экономическим и политическим отношениям, то в СССР это приняло форму прямой конвертации управленческого влияния в собственность и власть.

«Перестройка» и реформы 1990-х окончательно вернули Россию в общецивилизационный тренд. Это возвращение в условиях слабого гражданского общества привело к тому, что с поверхностной точки зрения воспринимается как правовой нигилизм и тотальная коррупция. Пожалуй, наиболее последовательное изучение особенностей советской и постсоветской политической системы как системы административных рынков реализовано в ряде работ С.Кордонского.¹⁰⁰ Опыт этих исследований убедительно показывает причины того – почему и как не работают лекала стандартных демократических институтов в постсоветском обществе, сохраняющем инерцию «революции менеджеров».

Номенклатура захотела конвертировать ренту распоряжения и использования в настоящую собственность. И – в нынешней России отпал и профессионализм. Главное – принадлежность клану в котором «своих не сдают». Особенно в госкорпорациях, где интересы акционеров менеджменту – как до лампочки. Газпром всего несколько раз за всю историю принимались решения о выплате дивидендов. Все доходы – на расходы, не забывая супербонусы топ-менеджменту. Ну, и конечно же – так называемые «нецелевые» расходы. Так что, не до акционеров, особенно – миноритариев.

И что же делать с этими «революционерами»? Новая «общенародная экспроприация экспроприаторов»? Или сам институт собственности отмирает? А с ним и ответственность... Очень похоже на конечный продукт общества потребления... Или – выстраивать систему социального аудита, расширяя и обобщая опыт, накопленный за рубежом в связи с развитием корпоративной социальной ответственности (КСО, корпоративного гражданства) и советских планов социально-экономического развития предприятий и регионов...

¹⁰⁰ *Кордонский С.Г.* Россия: поместная федерация. М.: Европа, 2010; *Кордонский С.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006.

Постимперская политическая культура как потенциал открытого общества

К конструктивному потенциалу развития российского общества относится и постимперское культурное наследие – как потенциал открытого общества. Как уже отмечалось, имперское наследие парадоксально, включая: цивилизационную роль империй, соотношение имперской культуры и глобализации (каждая историческая империя являлась ростком глобализации), имперская культура как колыбель и background либерализма. Проведенный ранее сравнительный анализ отношения к постимперскому опыту – «загадки Эспаньолы» (Гаити и Доминикана), опыт Сингапура и ШриЛанка (ставка на постимперское культурное наследие и отказ от него), опыт Израиля (вынужденная имперская роль) – убедительно показывает позитивный потенциал имперской культуры при должном отношении к этому наследию.

Постимперское культурное наследие способно выступать существенным ресурсом инновационного развития. Прежде всего, это человеческий капитал, идентичность которого носит надэтнический и надконфессиональный характер, его дополнительная жизненная компетентность и конкурентные преимущества; формирование новой элиты; толерантность; инновационность, модернизация. Задача – во внятном и вменяемом отношении к этому наследию и опыту, в способности рационально им распорядиться.

Осмысление имперского прошлого – как российского, так и советского, выработка конструктивного его освоения – нетривиальная задача. Ее решение предполагает ясное осознание перспектив модернизации, демократизации, места России в глобализированном мире. При этом важно избежать искушение новой имперской идеологией, ростки которой проявляются в «Проекте Россия», новом евразийстве, практической пропаганде: педалировании великодержавности, образа внешних и внутренних врагов, фантомных болей по поводу Севастополя, Закавказья...

Показателен опыт ФРГ – как до, так и после объединения в 1990-х. Было выработано четкое отношение к имперскому наследию: отказ от особого пути развития (Sonderweg), милитаризации экономики и территориальных претензий, нормализация истории. Главное – уход от депрессивно-реваншистского понимания итогов II Мировой войны: «Мы не проиграли».

Во внешней политике важен переход от фантомной великодержавности, вызывающей настороженное отношение к России, а то

и недоверие к ней, к «одной из» стран целостного мира, определение своего уникального места в этом мире. Нетривиальное значение имеет выработка отношения к «русскому миру» (соотечественникам за рубежом) и к (им)миграции.

Во внутренней политике необходимы:

– Уход от ловушек этнофедерализма: ясный выбор между унитарностью в сочетании с культурными автономиями и полноценным федерализмом.

– В экономике – определение роли государства в создании конкурентной среды и конкурентоспособной экономики, альтернативой чему может уже пройденный урок мобилизации ресурсов для наращивания военной мощи, надорвавшей советскую экономику.

– В социальной политике – ставка на развитие социального и человеческого капитала (образование, наука, медицина), выбор между качеством жизни, социально-гуманитарным развитием и – мобилизационным пониманием человеческих ресурсов.

– Освоение новой географии (развитие агломераций, транспортной системы, развитие Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока), т.е. развитие полноценной инфраструктуры. Поиск конструктивного содержания постимперского наследия затруднен несообразностями в концептуальном и идейном аппарате такого поиска и осмысления. А путаница понятий ведет в тупики несостоятельности политического дизайна и его наполнения.

Заслуживает серьезного переосмысления идея «новая историческая общность – советский народ. Именно ее утрата порождает дискомфорт в сознании носителей этой идентичности: это не только пенсионеры, бюрократы, силовики, «патриоты», но и «бюджетники» (включая ИТР, ученых), часть молодежи... И эта идентичность все еще сохраняет свой консолидирующий потенциал, пренебрежение которым, а тем более высмеивание порождает не только дискомфорт, но и социальное напряжение. Тогда как понимание его природы и возможностей может выступить мощным ресурсом инновационного развития.

Представительные опросы показывают, что гражданам РФ свойственна именно персонология, основанная не столько на этнической или статусной идентичности, сколько на ролевой и даже проектной. Более того, отмечается даже неприятие этничности. Обусловлено это, по мнению исследователей, тем, что для российской национальной культуры характерна именно конвенциональная внеэтническая идентичность, предполагающая принятие единых правил

поведения – определения «русскости» не по этничности или даже вере, а по культуре и отношению к России. Для россиян ведущую роль играет идентичность такими общностями как семья, друзья, земляки, люди того же возраста, профессии, а особенно – людьми тех же взглядов (25-26%), «советскими людьми» (49-52%) и даже – всеми людьми планеты (59-62%). Это объясняет легкость ассимиляции российской эмиграции без образования диаспор и, одновременно, болезненное отношение к мигрантам, образующим обособленные диаспоры и живущим в них по своим правилам, игнорируя традиционные нормы российской культуры.

Фактически наличие такой идентичности признается в периодически активизируемой дискуссии о «постимперском синдроме», феномен которого связывается якобы с такими последствиями постсоветского развития России, как: утрата статусного самосознания принадлежности великой державе; усеченность суверенитета; опасность утраты культурно-исторических традиций; опасность превращения в этническую (фольклорную) общность «у себя дома». Из этого даже делаются выводы, что этот феномен обусловлен гордостью за цивилизационную миссию СССР, приобщившего свою бывшую периферию к цивилизации и одновременно – сочетается с облегчением освобождения от ответственности за темные стороны советского империализма.

Между тем, отвечая на вопрос – что было самым трагическим событием в отечественной истории XX века, только ¼ опрошенных назвали распад СССР. По значимости его заметно опередили Великая Отечественная война, сталинские репрессии, война в Чечне. В одном ряду с распадом СССР для россиян – война в Афганистане, Чернобыль, и лишь немного отстали коллективизация и раскулачивание. А среди самых больших достижений нашей страны в XX веке создание СССР упомянули только 28%. Гораздо значимее оказались ликвидация неграмотности, создание мощной промышленности, бесплатная медицина, освоение космоса.

Более того, почти половина россиян (причем относительно более «продвинутая» и перспективная по критериям возраста и образования) не чувствует себя гражданами России, а великодержавный дискурс вообще неактуален для ¾ городского населения. Анализ же опросов населения показывает, что гражданам РФ свойственна апелляция не столько к имперскому прошлому, сколько к утрачиваемой имперской культуре. СССР воспринимается большинством россиян не столько через государственническую, сколько через социально-экономическую призму, как первое государство в истории страны,

которое обеспечило справедливость для простых людей и сделало для них возможной приличную жизнь. Даже СССР брежневского времени ассоциируется у них прежде всего с социальной защищенностью, успехами в образовании, науке и технике, доверием между людьми, жизнерадостностью. Ностальгия по СССР связана в первую очередь с тем образом жизни, который с ним ассоциируется, с его достижениями в экономике, социальной и гуманитарной сферах, а не с ролью сверхдержавы, противостоящей «американскому империализму». Доминирующей оказывается не политическая, а социально-гуманитарная составляющая. Причем отмеченные установки и оценки очень устойчивы: в 1995, 2001, 2004 годах они совпали с точностью до 1%.

При этом, по данным тех же опросов перспектива одинокой России вызывает у граждан чувство опасности. Они оказываются заинтересованными во вхождении России в глобализированное мировое сообщество, а не в ее изоляции. Россиян беспокоит не столько утрата Россией статуса великой державы, сколько характер развития страны, не позволяющий им в полной мере идентифицировать себя с нею. Это означает, что граждане России действительно хотят видеть ее великой державой, но это значит для них не бряцание оружием или поиск внешних врагов России, а ее процветание, развитие образования, науки, культуры. Именно утверждение целей и ценностей, разделяемых большинством населения, позволит гражданам ощущать себя частью единой и могучей общности. Достичь же этих целей, восстановить единство общества можно в современном мире, лишь двигаясь по пути модернизации, способной сделать Россию конкурентоспособной на мировой арене, а отнюдь не на путях возрождения имперских амбиций.

За так называемым «имперским синдромом» реально стоит не ностальгия по империи, а желание качественного иного уровня жизни, справедливости. В реальности, речь идет фактически о проблеме личностной самореализации в новых цивилизационных условиях, о несоответствии российской реальности массовым ожиданиям населения, готового к самореализации на основе новой персонологии и культурной интеграции в мировое сообщество.

Тезис о великодержавности сталкивается с проблемой: в современном обществе величие страны определяется не столько размерами, ресурсами и военной мощью, сколько ее «престижем», привлекательностью для «новых людей», человеческого капитала, являющегося трендом развития общества.

В России идея великодержавности получила развитие с 1815 г. после Венского конгресса. Смысл идеи великой державы, ее престиж,

в принципе, выражается в трех характеристиках такой страны: она одна может противостоять всем прочим; она признана в качестве таковой (уважается) другими; способна и берет на себя ответственность за других. И наша страна в своей истории имела такой престиж, когда была членом Священного союза, Антанты, Лиги наций, Совета безопасности ООН, лидером стран Варшавского договора. Этот статус подтверждался привлекательностью России для уроженцев других стран, стремившихся в нее для реализации бизнеса, личностной самореализации.

Существенно иная ситуация сейчас. Даже членство России в «Восьмерке» является усеченным, выглядит натужным. И дело даже не в экономическом спаде, утрате части территории. В наши дни критерии «величия» несколько изменились. На первый план вышли критерии качества жизни, социальной привлекательности страны, которые оказываются важнее ее военного потенциала или энергетических ресурсов. КНДР имеет армию, одну из крупнейших в мире, определенный ядерный потенциал... А Саудовская Аравия, Венесуэла – богатейшие запасы углеводородов... Но говорить о их великодержавности не приходится.

В современных общественных дискуссиях об «империи» говорится преимущественно метафорически, на уровне идеологической мобилизации, но не решения практических вопросов. Между тем, можно и нужно говорить о ресурсе постимперской культуры для решения вопросов качества жизни и соответствующей социальной политики, без решения которых не возможны как внутренняя, так внешняя политика современной России.

Примером конструктивного характера постимперского культурного наследия является такой его яркий символ, как Санкт-Петербург – «демоверсия» Петровских реформ, город-артефакт имперской культуры. Для петербургской культуры характерны внеэтничность, наднациональность – мультикультуральность (космополитичность). Питерской культуре присуща веротерпимость, рациональность, корректность. Проблема трагедии маленького человека, противостоящего безличному Левиафану государственности – фактически, зародыш проблемы прав человека – возникла (пушкинский «Медный всадник», гоголевская «Шинель») и могла возникнуть только в Санкт-Петербурге. Более того, питерской идентичности свойственны особая рациональность, ориентация на исторический прогресс и модернизацию. Космополитичность, наднациональность, мультикультуральность и терпимость, уважение к личности, рациональность

и нацеленность на развитие – все это и образует содержание специфического общественного сознания, персонологии. Не даром город имеет статус «культурной столицы России».

Чрезвычайно показательно и поучительно сравнить это содержание с содержанием идеи европейскости, представленной в докладе Совету Европы, и которую авторы доклада возводят к Древнему Риму, Западно-Римской империи, империи Наполеона, экспансии Запада в Америке, Азии, Африке, Австралии, т.е. имперским началам, объединявшим западный мир. Совпадения с питерской идеей разительно буквальные: мультикультуральность, демократия, толерантность, вера в исторический прогресс, права человека. Санкт-Петербург, действительно, был и остается носителем и представителем европейского начала в российской культуре, носителем импульса ее развития, инициатором и проводником модернизаций российского общества в экономике, промышленности, политике, науке, образовании, искусстве.

Санкт-Петербург – утопический город, город-мечта России о новой, светлой, разумно устроенной жизни. Помимо прочего, и в том смысле, что этот город – то место, где утопии имеют склонность к реализации. Санкт-Петербург – город-инноватор России. И в наши дни Санкт-Петербург продолжает выполнять роль своеобразного «Инноватора». Похоже, что только в Санкт-Петербурге возможна конструктивная трансформация постимперской культуры, вещь невозможная в других регионах. Например, в Москве, обреченной на образ собирательницы земель русских, в том числе и неоднозначными методами. Или в Калининграде, апелляция к прошлому в котором оказывается весьма причудливой: то ли к прошлому Германской империи, прусскому величию, то ли к советскому прошлому.

Санкт-Петербург как средоточие межкультурных контактов и связей, город-космополит, символ общечеловеческой Культуры, способен объединять людей вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности – еще одна замечательная особенность Санкт-Петербурга. В основании, в становлении, в революциях, героических 900-х днях гитлеровской блокады он был и остается великим Городом, испытанием России, испытанием физических и нравственных сил, синонимом культуры вообще – как истока, как процесса и как результата этого испытания.

За этой уникальной ролью Санкт-Петербурга стоит мощный импульс властной воли. Речь идет о том модернизационном импульсе, который был связан с деятельностью Петра I. Российское общество

активно (если не отчаянно) ищет в своей истории «точки опоры». Для этого предпринимаются даже специальные усилия по разработке «русской идеи», проводятся конкурсы «брендов России» и т. п. И постепенно из этого вороха слов и пены политизированных споров отстает в памяти общества некий «сухой остаток» событий, исторических лиц, фигур, их деяний. И бесспорной фигурой такого пантеона является Петр I, сыгравший ключевую роль в российской истории.

Он предстает фигурой, заполняющей зияющее пустотой «свято место» русской культуры. Дело в том, что в русской, да и во всей славянской мифологии отсутствует «культурный герой» – персонаж, аналогичный Прометею в древнегреческой мифологии, Вяйнемейнену в «Калевале», *тот, кто научил труду, конструктивной деятельности по обустройству и переустройству окружающей действительности*. И Петр – человек Дела – Первый везде и во всем, Великий в своей неумной преобразовательной активности, действительно, оказывается первым русским корабелом, мореходом, строителем, библиотекарем, музейщиком etc, etc.. – основателем целых отраслей, городов и поселков, вошедшим в местную и региональную мифологию, фольклор, несомненно, соответствует этой роли «культурного героя».

Между тем, с фигурой Петра I связаны и в ней воплощены, персонифицированы такие ценности, как дерзновенное позитивное, конструктивное преобразование России; просвещение, образование и наука; открытость Российского общества, освоение передовых эффективных практик и одновременно – интеграция России в мировую цивилизацию. Все эти ценности более чем актуальны и в наши дни, делая, тем самым, Петра Великого одним из олицетворений, если не главным олицетворением, «брендом», «имиджем», «символом» современной России, вступающей в новый виток инновационного развития.

В ситуации интенсивных и радикальных политических и экономических перемен, пережитых и переживаемых страной на рубеже веков и тысячелетий, особенно важным оказывается, как сказал в своем выступлении на Конгрессе М. Б. Пиотровский, «то, что остается»: а это, прежде всего, дела Петра Великого, «память его созидательного духа», позволяющая «без всякой фальсификации истории» почувствовать Россию, способную к созиданию. Поэтому, в наше «странное время», в ситуации «безлюдья», «без героев» (Д. А. Гранин), когда Ленин соседствует с Николаем II, Фрунзе с Колчаком и т. п., Петр I приобретает черты исторического героя, обладающего несомненным объединяющим нацию потенциалом.

Более того, Петр I является привлекательной и понятной фигурой для европейского сообщества, активно хранящей память о преобразователе и цивилизаторе России. Петр I мирит Россию с Европой. Там он понятен. Это видно на примере отношения к памятникам в Прибалтике, в других странах: монументы Советским солдатам, советским лидерам подвергаются критике, переносам, а то и ликвидации, тогда как памятники Петру Великому, памятные знаки, посвященные ему, сохраняются и даже создаются новые.

В этом смысле можно говорить о некоей «петровской идее», сохраняющей актуальность и для современной России, а возможно, и выходящей в наше время на первый план. «Петровская идея» это не только собственно идеи Петра I, но и его окружения, времени, выражение нашего осмысления петровского наследия.

Содержание «петровской идеи (идей)» наиболее полно и в яркой образной форме на примере четырех петербургских памятников Петра Великого (Фальконе – «романтический самодержец-преобразователь», Бернштам – «царь-плотник», Растрелли – «император» и Шемякина – «трагическая личность»).

Дерзновенное преобразование («дерзновению подобно», «невозможное возможно»). Речь идет не об утопическом проекте, разрушающем среду обитания, человеческие ресурсы и личность, а о конструктивном рациональном преобразовании общества, преодолении традиционных «барьеров» развития, выходе общества к новым горизонтам и качеству жизни. Мощный «петровский импульс» стал решающим фактором развития страны во всех сферах жизни российского общества, вывел Россию на уровень «фронта» мировой цивилизации.

Просвещение (образование и наука) и труд. «Царь-плотник», «царь-труженик» личным примером показывал важность, как сказали бы сейчас – «приобщения к инновациям», освоения самого передового опыта, мастерства в любом деле, уважения к науке и образованию, успешному опыту других народов и государств. Его неутомимая активность была направлена на разумное, рациональное обустройство жизни общества в самых различных сферах, на создание новой просвещенной элиты, способной решать задачи преобразования страны. И это были не временные кампании, а кропотливая работа по созданию новых норм, социальных институтов, структур, отбор лучших и эффективных специалистов и лидеров своего дела в России и за ее пределами, их поддержке. И, как известно, на призыв Петра I «образовываться» через 100 лет Россия ответила явлением А. С. Пушкина. Петровская «прививка» России европейской культуры оказалась

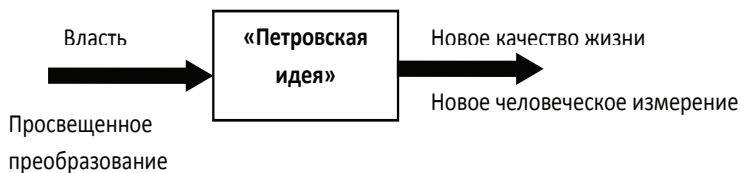
болезненной, но дала мощнейший импульс развитию страны, плоды которого пожинаются до сих пор. И не дать затихнуть маятнику, раскачанному Петром I, – задача современной России.

Имперское культурное наследие как потенциал открытого общества. Петр I – создатель Российской империи, открытой миру не только своей экспансией и заботой о «приращении земель», но и цивилизатора огромных территорий Евразии, интегрирующей ее народы и культуры, открывающей эти народы и культуры миру. И ту историческую роль Российской империи умалить никак невозможно.

Личностное измерение. Речь идет не только о «трагическом одиночестве великого реформатора», но и о гражданском и личностном подвиге Петра Великого, на котором могут и должны учиться поколения и поколения российских граждан – «неразумных детей петровых». И каков был личный проект самого Петра Алексеевича? Ведь он, как личность, также менялся: в своих установках, взглядах, оценках. И был ли такой автопроект? Постановка подобного вопроса была немислима еще пару десятилетий назад. И за этим стоит интенсивная динамика, если не общий сдвиг парадигмы в гуманитарных науках. Речь идет об очевидной тенденции смещения акцента с интереса к действительности как таковой на методологию ее познания, а затем с социально-культурных и нормативно-ценностных факторов этой методологии к активной роли личности как источнику, средству и результату общественного и исторического развития, ее идентификации и самосознанию не только и не столько по этнической принадлежности, статусу, сколько на основе ее самоопределения и самореализации.

Достоин специального внимания «петровский менеджмент»: опыт управления Петром I страной, конкретными проектами, опыт организации взаимодействия различных сословий, формирования новой управленческой и интеллектуальной элиты, как, впрочем, достойны изучения и сами представители этой новой российской элиты).

Таким образом, речь идет о комплексе идей, связанных с личностью Петра I, его деятельностью, которые сохраняют свою важность и актуальность для развития современной России. И это чрезвычайно целостный в идейно-смысловом плане комплекс:

Имперский и постимперский опыт оказывается важным и в международном плане. Фактически, речь идет о новой политической структуре мира. Только надо отдавать отчет, что речь идет не о новых империях, а именно об интеграции пост-имперских культур, о формируемых на этой основе мировых «культурных автономиях».

Последствия для внутренней политической культуры эти процессы также имеют далеко неоднозначные. Как радикальная, так и умеренная (регионально-культуральная) глобализации порождают алармистскую реакцию консервативно настроенных слоев общества, в результате чего существенно перестраивается политический рынок.

Некоторые авторы в этой связи вычленяют несколько возможных сценариев:

1. Глубокий раскол общества по линии «патриоты-космополиты»;
2. Патриотизм занимает обширный центр, оттесняя остальное на раздробленную периферию;
3. Партийные машины по инерции движутся в борьбе за звание лучших патриотов;
4. Политическая сфера практически отмирает, а общество живет под техническим управлением бюрократии (экспертократии).

В современной России очевидно наличие всех этих сценариев с тенденцией слияния (2) и (4). Но и в этом случае вряд ли возможно говорить о новом империализме. Точно квалифицировать эти процессы вряд ли возможно – как, впрочем, и всегда, когда мы имеем дело с чем-то реально новым.

Проведенное рассмотрение показывает, что осмысление имперско-культурно-исторического наследия открывает новые перспективы и измерения современности.

Исследование постимперского опыта могут быть реализовано по нескольким основным направлениям:

- Постимперская культура и культурные барьеры развития: институты, структуры, стереотипы, общественное сознание и самосознание. Что уходит? Что опасно, создавая определенные риски? Что может быть ресурсом, открывающим перспективы развития?
- Новая персонология и идентичность: личность как автопроект и новая жизненная компетентность в глобализирующемся мире
- Необходимость соответствующих социальной политики и гуманитарного развития, реализующих этот потенциал.

И главное – выработка на этой основе соответствующей социальной политики и гуманитарного развития, качества жизни, справед-

ливости, реализации этого социально-культурного и личностного потенциала, переход от государства-рантье к государству – оптимизатору природных и человеческих ресурсов на основе соответствующей социальной политики. В современных условиях выбор инновационного развития и его траектории не может определяться только личностными предпочтениями и интересами правителей, но должен опираться на ценности общества. Тогда задача в том, чтобы выразить эти ценности и интересы. А это уже предполагает общественную дискуссию, независимые СМИ. В артикуляции и продвижении (лоббировании) интересов должны участвовать не только бизнес, но и гражданское общество, организованная общественность, отдельные граждане.

Россия в этом контексте предстает удачным и чрезвычайно важным полигоном исследований и наработок, открывающих выход из тупика «глобализация – национальная изоляция» к полноценной интеграции в мировое сообщество, к фронтиру современной цивилизации.

В этой связи апелляция нынешнего политического класса к имперскому опыту вполне понятна. Если бы не одно «но»... Идея империи как таковой тупикова и мертва в наши дни. Политические функции империи как надэтнической и надконфессиональной политической системы в условиях глобализации переместились на надгосударственный уровень. Так же как исторические империи были ростками, «пробами пера» глобализации, так и глобализация – суть современное выражение «имперской идеи». И в этой идее много конструктивного, но на уровне государства может идти речь не об империи, а об имперском культурном наследии, о постимперской политической культуре. В которой тоже немало конструктивного: от надэтнической гражданской идентичности до реальной интеграции и толерантности. Особую роль играет, конечно же, именно сохранение и развитие надэтнической гражданственности, именно гражданской национальной идентичности. Всякая апелляция, с одной стороны, к национальности как этничности, а с другой – к имперскости, – разрушительны.

Конечно, сказываются различные темпы цивилизационного развития различных регионов страны, порождающие не только полиэтничность, этническое разнообразие, но и питательную среду межэтнических конфликтов. Поэтому особое значение приобретает социальная политика, направленная на возможности самореализации российских граждан, на формирование их гражданской национальной идентичности, переход от этнических наций к гражданским.

*Российские модернизационные инверсии*¹⁰¹

Для начала, вроде эпитафия, – две ключевые метафоры. Первая связана с одним личным воспоминанием... Где-то в первой половине 2000 года поймал себя на том, что происходящее в стране отчетливо напоминает сцену из «Терминатора-2», когда «хороший» Терминатор разбил вдребезги «плохого», и эти осколки, как капельки ртути, стали стягиваться, собираться... И вот он уже поднимается, и бежит в погоню... Вторая – связана с упоминавшимся выше античным мифом о царе Мидасе, которого проучил Дионис, буквально осуществив просьбу Мидаса, возжелавшего, чтобы все, к чему бы он прикасался, превращалось в золото. В этом плане, российские модернизации последних десятилетий – история такого инверсивного анти-Мидаса, превращающего задуманное «золото» – в то, что золоту противоположно.

Действительно, кооперация в 1980-х вместо насыщения рынка товарами, развития конкурентной среды, и, как следствия, снижения цен, обернулась фантастически галолирующей инфляцией. Демократические выборы – «электоральной автократией». Антикоррупционные законы – ростом коррупции. Etc, etc... Известен анекдот о российском производстве – что ни начнут собирать, все получается автомат Калашникова. А любое партийное строительство заканчивается созданием очередной КПСС.

В чем причины таких инверсий? Не претендуя на исчерпывающий анализ, в работе предлагается несколько предварительных схем объяснения.

Объяснение 1. Поспешность коротких мыслей. Непродуманная поспешность – такое объяснение лежит на поверхности. Практически все модернизации в российской истории (петровские реформы, реформы Александра II, советская индустриализация, горбачевская перестройка и ельцинско-гайдаровские реформы) имели характер ускоренных «транзитов», попыток вывести страну к цивилизационному фронтиру на основе или имеющихся образцов, или представлений о «законах общественного развития».

С точки зрения теории и практики управления это принудительные нововведения, этикие революции сверху. У такого пути есть несомненное достоинство – принудительное нововведение способно дать выигрыш во времени, когда или уже времени совсем не остается, или

¹⁰¹ В этом разделе использованы доклада автора на XVI Международных Леонтьевских чтениях «Россия 1917-2017: европейская модернизация или особый путь?», в Санкт-Петербурге 17-18 февраля 2017.

власти хочется что-то «сделать по-быстрому». Поскольку такой путь — путь продавливания властной воли, постольку он всегда связан с какими-то формами сопротивления (личностного, организационного, осознанного, стихийного). Люди, включая исполнителей воли, могут противиться самой идее реформ, могут не понимать смысла происходящего, или понимать его, но не правильно. Поэтому принудительное нововведение предполагает полноту полномочий административной власти, необходимой для структурных изменений, увольнений, наказаний, наконец — просто насилия, оправдываемого необходимостью противодействия врагам изменений.

Иначе говоря, встав на этот путь, надо отдавать отчет в том, что без каких-то форм сопротивления и реакций на него не обойтись. Можно только демпфировать, смягчать это сопротивление за счет разъяснительной работы, создания социальной базы и групп поддержки, работы с их мотивацией, а также — систематического контроля за процессом — в целях принятия оперативных своевременных мер к источникам и носителям сопротивления. Очевидно, что реализация такой программы предполагает «длинную» политическую волю, включая: наличие ясного продуманного плана, консолидацию ресурсов и заинтересованных социальных сил, настойчивость, готовность к преодолению сопротивления.

История знает опыт не только успешных решений кризисов через консолидацию сверху, но и таких преобразований, когда в течение 10–15 лет в обществе радикально меняется институциональная среда и страна выходила из «третьего мира — в первый». Поэтому путь принудительной революции сверху выглядит привлекательным, особенно — для авторитарных и тоталитарных политических режимов. Но и гарантий успеха такой путь не дает. Непродуманность и поспешность действий оборачивается крахом и утратой легитимности. Причем, непродуманность и поспешность дополняют и стимулируют друг друга.

С одной стороны, поспешность часто не оставляет выбора и принимаются самые простые решения, без учета долговременных последствий — в духе «нам бы только ночь простоять, да день продержаться». Или лица принимающие решения сознательно выбирают простые, если не упрощенные, решения, которые нередко строятся на мифологической основе, на идеологической утопии. В этом плане восходящее к марксизму упование на экономику, которая все решает, мало отличается от идеи невидимых рук рынка, которые все сами расставят по местам. И в том, и в другом случаях проявляется утопический анти-историзм.

При этом, с другой стороны, опасность непродуманной поспешности, реализации «коротких мыслей» еще и в том, что обычно она много обещает, вызывая неоправданные надежды. Крах таких надежд больно бьет по легитимности инициаторов реформ.

Так или иначе, но необходимость как принятия решений с «длинными мыслями», так и объяснений их неудач предполагает обращение к убедительной теории. Как говорил Ленин – нет ничего практичнее хорошей теории.

Объяснение 2. Россия как патология. Тема «современные социальные науки и Россия» весьма неоднозначна и даже провокативна. Так, звучавшие еще недавно уважаемые концепции, такие как «демократический транзит», «гибридные режимы», «постколониализм» не справляются с квалификацией и объяснением происходящих в России трансформаций, а значит, сталкиваются с проблемой прогностики.

Более того, сама динамика трансформации противоречит некоторым ключевым положениям этих концепций. Так, вопреки добротной и уважаемой теории человеческого развития Р.Инглхарта (выработанной на основе почти сорокалетнего тщательного отслеживания динамики общественных ценностей в более чем 80 странах в рамках международной исследовательской программы «World Value Survey») российское общество с начала нынешнего столетия все более явно движется в направлении доминирования ценностей выживания и традиционализма, а не свободной самореализации.¹⁰² При этом наблюдается возврат некоторых институтов советского времени (доминирование государства в экономике, роль спецслужб, государственный контроль над медийной сферой), что позволяет говорить об «институциональной колее», возрождении «советской политической системы» и так далее. И если в 1970–1990-х динамика ценностного развития в СССР соответствовала цивилизационному мейнстриму «человеческого развития», то сейчас движется вспять.

Современная экономическая теория, а вслед за нею – экономическая социология, а вслед за нею – политическая наука выработали мощный корпус методов анализа, включая количественные, позволяющие строить достаточно тонкие аналитики эмпирических данных. Предпосылкой успешности этих аналитик является стабильность социума, к которым они применяются, прежде всего – правовых институтов, обеспечивающих принятие рациональных решений.

¹⁰² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

И этот концептуальный аппарат, являющийся несомненным достижением социальной науки, испытывает вызов при объяснении российских (а как теперь, выясняется – и не только российских) реалей. Самыми свежими примерами этого являются распад СССР, проблемы европейской интеграции (от Греции до Brexit), серия мировых финансовых кризисов, успешные реформы тех, от кого этого не ожидали, но не тех, кому предсказывали успех и кому помогали, все более наглядный тренд развития популистского изоляционизма. Вся эта экономическая и политическая динамика оказывалась неожиданной для уважаемой науки, вынужденной объяснять происходящее задним числом. Й.Шапиро расценивает это как «бегство наук от реальности»¹⁰³, а С.Хедлунд – как «системный провал»¹⁰⁴.

Подобная ситуация является серьезным вызовом «нормальной» (в смысле Т.Куна¹⁰⁵) науке, сформировавшейся на основе экономического маржинализма и связанной с ним экономической и политической социологии. И этот вызов серьезен. А его игнорирование порождает довольно парадоксальную ситуацию, когда из того обстоятельства, что Россия не укладывается в нормализованные маргиналистские схематизации, делается вывод о том, что сама Россия является патологией, а российская политическая наука станет нормальной только тогда, когда сама политическая реальность в России станет соответствовать канонам «нормальной» политической теории. Вывод, в чем-то трогательный, но означает ли это, что освоение уважаемых методов и концепций излечит российское общество от политических «патологий»?

Вместе с тем, из истории научного знания хорошо известно, что возникновение противоречий, парадоксальных ситуаций свидетельствует не о патологии реальности, а о недостаточности теоретического аппарата, языка описания, о необходимости расширения горизонта рассмотрения. Иначе мы имеем ситуацию аналогичную попыткам описывать половинки и четвертинки яблок языком целых положительных чисел. Так и с Россией: реальность не ловится сеткой концептуально-го аппарата, отточенного на другом материале. Диагнозы ставятся и лечения назначаются без знания реального больного.

¹⁰³ Шапиро Й. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: ВШЭ, 2011. – 368 с.

¹⁰⁴ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: ИД ВШЭ, 2015.

¹⁰⁵ Наука достигает «нормальной» стадии, когда доминирование конкретной парадигмы сводит научное исследование к выстраиванию все более детальных описаний в рамках данной парадигмы. См.: Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.

Объяснение 3. Колея особого пути. Если, с одной стороны, с точки зрения концепций, выработанных преимущественно на материале стабильных экономических систем и обществ, Россия представляет собой «заповедник патологий», то, с другой стороны, именно проблемы с адекватным ответом на концептуальный вызов порождают спекуляции относительно «особого российского пути», «колеи», российской «цивилизационной альтернативы». Это, в свою очередь, позволяет сторонникам «российской патологичности» констатировать отсутствие в России полноценной политической науки, которую подменяют не научные общие доморощенные суждения, описания и обзоры.¹⁰⁶

Такие упреки, отчасти обоснованы, но, вместе с тем, нельзя не признать, что, в принципе, идея «колеи» согласуется с известной идеей «культура имеет значение» (culture matters), согласно которой культуры, как системы порождения, хранения и трансляции социального опыта решающим образом сказываются на развитии социума.¹⁰⁷

Кроме того, вряд ли заслуживают упрека в «ненаучности» глубокие обстоятельные отечественные исследования «российской специфики», опирающиеся на исторический материал, анализ формирования социальных и политических институтов, сказывающихся на принятии решений, их реализации. Так, Ю.С.Пивоваровым и А.И.Фурсовым разработана концепция «русской системы», опирающаяся на глубокий анализ формирования и развития российской политической культуры и государственности¹⁰⁸. С.Г.Кордонским, в результате анализа уровней советской и российской власти как системы кормлений, разработана теория административных рынков¹⁰⁹. Недавно используемая в этих работах методология была обобщена

¹⁰⁶ Гельман В.Я. Наука без исследований: есть ли выход из тупика? // Троицкий вариант – наука. 2014. № 6(150). С. 7.

¹⁰⁷ Культура имеет значение. / Под ред. Л.Харрисона, С.Хантингтона. М.: МШПИ, 2002; Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство, 2008. – 300 с.

¹⁰⁸ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система и реформы // Pro et contra. Проблемы глобализации. Т. 4. М., 1999; Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // ПолИс. 2001. № 4.

¹⁰⁹ Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006; Кордонский С.Г. Россия: поместная федерация. М.: Европа, 2010.

до матричного обоснования междисциплинарной методологии¹¹⁰. Социолог А.П.Давыдов, в результате тщательной многолетней аналитики содержания классической и новейшей русской литературы пришел к весьма неоднозначным выводам относительно ценностного содержания российской культуры.¹¹¹

В этих аналитиках, при всем различии используемого материала и подходов, просматриваются общие существенные особенности российского социума. Во-первых, это доминирование в нормативно-ценностном базисе власти – как ключевого системообразующего фактора и актора.¹¹² Во-вторых – вторичность экономических отношений по отношению к властным. Действительно, в России на протяжении всей ее истории никогда собственность не рождала власть, наоборот – всегда власть порождала собственность и постоянно ее переделывала. Так, за последние два столетия страна пережила 5 таких радикальных переделов. В-третьих, это доминирование государственности над правами личности в правовой и нравственной культуре. В-четвертых, отторжение либеральных ценностей и перспектив модернизации капиталистического типа. В-пятых, попытки модернизации предстают исключительно переделами власти. В этом плане и «социалистическая революция», и становление СССР, и его крах (включая «Перестройку») выступают этапами саморазвертывания и самовосстановления этой весьма устойчивой системы.

К близким результатам пришел и ряд зарубежных исследователей. Р.Пайпс характеризовал российскую дореволюционную экономику как «вотчинную экономику», когда целые регионы и отрасли отдаются властью в кормление «правильным людям»¹¹³ – и следует признать, что практика эта сохранилась до сих пор. Г.Хофстеде, Р.Льюис в сравнительных исследованиях

¹¹⁰ Кордонский С.Г. Веерные матрицы как инструмент построения онтологий. Вашингтон: Изд-во Юго-Восток, 2011.

¹¹¹ См. итоговую обобщающую публикацию Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Мысль, 2012.

¹¹² Выше уже отмечалось, что российская государственность возникла не для защиты слободы, купцов и крестьян, ее сущность была выражена еще в византийской летописи времен Константина Багрянородного: осенью князь со своей русью выезжает на кормление. Историки сходятся во мнении, что это исторически первый зафиксированный случай написания слова «русь».

¹¹³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2012; Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: МШП, 2008.

национальных деловых культур характеризуют российскую деловую культуру как преимущественно «монособъектную» и с высокой «дистантностью» власти.¹¹⁴

Большинство исследователей связывают возникновение этой системы с двухсотлетним господством Орды, оказавшим влияние на становление Московского княжества, его выделения из Великого княжества Владимирского и дальнейшее бурное экстенсивное развитие, перешедшее в экспансию Российской Империи и СССР. Что позволяет иногда не только выделять «московский» этап в истории российской государственности, но начинать ее отсчет именно с этого этапа, говорить о «матрице Московии», о «политико-экономической реинкарнации» этой матрицы в России XXI века.¹¹⁵ Показательно, что такие разные исследователи, как Ю.С.Пивоваров, С.Г.Кордонский, Р.Хедлунд, фактически в одном ключе говорят о матричной структуре, способной к самовоспроизведению и реинкарнации в различных исторических обстоятельствах. С этой точки зрения, попытки изменения такой инерционной системы как российский социум, оказываются относительно кратковременными, и завершаются уже относительно длительными периодами воспроизводства «системы».

Некоторые авторы оптимистически расценивают перспективы «российской матрицы». Так О.Э.Бессонова предложила концепцию «раздаточной экономики» и разрабатывает пути ее интеграции с рыночной.¹¹⁶ С.Г.Кирдина, пользуясь (вслед за К.Поланьи и Д.Нортом) термином «институциональная матрица», разрабатывает концепцию двух устойчивых систем, определяющих развитие общества: институциональные матрицы типа X и Y.¹¹⁷ Каждая из них определяется устойчивым исторически сложившимся триплексом базовых институтов экономики, политики и идеологии. России свойственны институты X-матрицы: распределительная экономика, иерархически выстроенная администра-

¹¹⁴ Hofstede G., *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. 2nd Edition, Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2001; Hofstede G., Hofstede G.J., Michael Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. 3rd Edition, McGraw-Hill USA, 2010. Lewis R.D. *When Cultures Collide. Leading across cultures*. Boston-London: Nicolas Brealy Intern., 2012.

¹¹⁵ Хедлунд С. *Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала*. М.: ИД ВШЭ, 2015.

¹¹⁶ Бессонова О.Э. *Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции*. М.: РОССПЭН, 2015.

¹¹⁷ Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию*. Изд. 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. М., СПб.: Нестор-История, 2014.

тивная система управления, холистически-коммунитарная идеология. Эта матрица также свойственна большинству стран Азии, Латинской Америки – в отличие от стран Западной Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии, которым свойственна Y-матрица: частная собственность и рыночная экономика, многопартийная демократия и развитая правовая культура, дискретно-индивидуальная свобода. В принципе, такой подход напоминает идеи Д.Норта и его коллег о двух типах общественных систем – с институтами ограниченного и неограниченного доступа к ресурсам.¹¹⁸ Однако ход новейшего развития дает мало оснований для оптимистических оценок перспектив развития обществ в рамках «жестких» институциональных матриц.

Объяснение 4. Маятник инверсий в поисках медиации.

Особого внимания заслуживает известное в России, но, похоже, мало известное за рубежом обстоятельное исследование А.С.Ахиезера. Проанализировав историю развития российского общества с самого начала возникновения его государственности, он пришел к выводу о маятниковом характере развития российского социума с широкой амплитудой институциональных колебаний (если не шараханий) между полюсами институциональных послаблений и «закручивания гаек».

Согласно А.С.Ахиезеру, инверсионный цикл существует в единстве дуальной оппозиции прямой и обратной инверсии, каждая из которых возникает в результате роста внутренних противоречий, конфликтов, возникающих в крайних фазах развития. Каждой инверсии свойственно игнорирование, отрицание возможности некоторого третьего, срединного пути. Инверсии могут вызываться как объективными социальными процессами роста дезорганизации, массовых фобий, выражающихся в форме бунта, массовых беспорядков. В менее ярких формах это может проявляться в мотивации индивидуального и массового поведения, стоящей за развитием событий. Иногда власть пытается вызвать инверсивный кризис, вписаться в него. Однако инверсия крайне трудно поддается институционализации и в конечном итоге, как правило, оборачивается против власти.¹¹⁹

¹¹⁸ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. *Насилие и социальные порядки*. М.: Ин-т Гайдара, 2011. – 480 с.

¹¹⁹ Ахиезер А. С. *Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России)*. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с. Т. 2. Теория и методология. Словарь. – 600 с. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. *История России: конец или новое начало? / издание 2-е изд., испр. и доп.* М.: Новое изд-во, 2008. – 464 с.

Противостоит этим процессам развитие медиации – сокращение амплитуды раскачивания и выработки процедур нахождения «срединного пути», снятия крайностей полюсов дуальности. Медиация постоянно нацелена на выход за рамки оппозиций, развитие новых смыслов, созидание новых ценностей, норм, отношений. Она требует и формирует рост интеллектуального напряжения в поисках новых решений, новых путей, новых институтов. В этом плане медиация аналогична процедурам делиберации. Примером развитой медиации является либеральная демократия, сама являющаяся результатом многоуровневой медиации. Дискуссии о медиации, ее поисках ведутся в российской исследовательской среде все активней, и на достаточно высоком уровне (А.П.Давыдов, И.М.Клямкин, А.А.Пелипенко, В.М.Розин, А.В.Тихонов, В.Г.Федотова, И.Г.Яковенко и др.).¹²⁰

Об эмпирически фиксируемых периодах, «навязчивой повторяемости» в историческом развитии России, писали также А.Л.Янов¹²¹, В.М.Пашинский¹²². В принципе, идея цикличности известна и в экономической науке, и в теории цивилизации, включая попытки объяснения цикличности развития цивилизации и обществ на основе биокосмических факторов. Но, если отвлечься от таких интересных и перспективных обобщений, то суть модернизационных инверсий в России достаточно понятна. В кризисной ситуации элита, стремящаяся «сделать по-быстрому», пользуется готовыми схемами, выработанными в условиях других социумов: с решенным вопросом о собственности, устоявшимися институтами. Но трансплантация не приживается, или адаптируется, трансформируя форму (иногда даже просто – название), но не содержание старых институтов. Возлагавшиеся надежды не реализуются, и маятник идет в другую сторону – возврата, «стабилизации», «застоя». Названий у этого состояния выработано много. Длится оно до следующего впадения в ступор и очередной попытки модернизационного рывка («ускорения», «престройки»).

Справедливости ради, следует отметить, что подобные «маятники» раскачиваются в любом обществе, включая и либеральные демокра-

¹²⁰ См., например, материалы круглого стола Медиация как социокультурная категория [Медиация..., 2013-2014]. // Философские науки. 2013, № 11, с.34-52 (Часть 1); № 12, с.53-73 (Часть 2); 2014, № 1, с.58-72 (часть 3); 2014, № 2, с.39– 64 (Часть 4); 2014, № 3, с.64-83 (часть 5); 2014, № 4, с.110-122 (Часть 6); 2014, № 5, с.132-149 (Часть 7).

¹²¹ Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год. NY: Liberty Publishing, 1988.; Янов А.Л. Русская идея. От Николая I до Путина. В 3-х книгах. М.: Новый хронограф, 2015.

¹²² Пашинский В.М. Пространственно-временная динамика человеческих сообществ разного масштаба. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011.

тии.¹²³ Так же, как в рамках либерализма произошла поляризация, в зависимости от акцентирования внимания на свободе как ответственности и равенстве возможностей перед лицом закона (либеральный консерватизм), либо на правовых гарантиях свободы и справедливого распределения благ (коммунитаризм и социал-демократия), так поляризуется и политическое пространство. В США: республиканцы – демократы. В Соединенном Королевстве: консерваторы – лейбористы. В ФРГ: ХДС-ХСС – СДПГ. Аналогичные «качели» действуют в любой стабильной демократии. Но амплитуда этих «качелей» на порядок меньше, чем в России и задается она более конкретными (часто – «техническими» проблемами), банковский процент, налоги, размер вэлфера, миграционная политика и т.п. Она не затрагивает правовых гарантий собственности, не сопровождается радикальной смены бизнес-элит, да и собственно политической элиты. Оппозиция активно участвует в политическом диалоге, имеет возможность влияния на принятие политических решений.

В России же эта амплитуда чрезвычайно размашиста – вплоть до экспроприации собственности, не просто радикальной смены элит, но и подавления оппозиции.

Как недавно писал на эту тему А.В.Рубцов, самоопределение страны распято на двух осях: «прошлое — будущее», «Запад — Восток»¹²⁴. И маятник российского самосознания с образцовой регулярностью раскачивается между модерном и традиционализмом, апологией идеального проекта и культом славного прошлого. В эту же схему вписывается и маятник западничества-славянофильства, европеизма-ориентализма, либерализма-изоляционизма и т.п. И этот мучительный поиск идентичности продолжается. И эти поиски достаточно драматичны: нынешняя озабоченность прошлым чревата не только утратой перспективы, будущего, но и уводит от решения проблем настоящего. Как писал А.П.Чехов, «русские обожают свое прошлое, ненавидят настоящее и боятся будущего». И эта схема воспроизводится в нынешней озабоченности своим образом в мире, скепсису к собственной жизни и боязни непредсказуемого будущего. Истерия вокруг мифов прошлого уводит от понимания симулякров настоящего, пустоты и безответственности нынешней мифологии. Чем больше страна отвлекается на былое и внешнее от собственных проблем, тем более эти проблемы усугубляются, приближая надвигающийся коллапс с его оправданием

¹²³ *Зедльмайр Х.* Утрата середины. М.: Территория будущего, 2008.

¹²⁴ *Рубцов А.* Эмиграция в историю. // Новая газета. № 4 от 18 января 2017.

происками врагов и легитимизацией чрезвычайных мер. Отсутствие в России устойчивой медиации, «утрата середины» приводит «исчезновению настоящего страны, которая теряет себя в пустоте между победой в прошлой войне и поражением в будущей, еще не начатой модернизации»¹²⁵.

Методологическое отступление. Сам предмет социально-экономических трансформаций достаточно сложен и вряд ли возможно его полное объясняющее рассмотрение в рамках одной дисциплины. Это порождает отмеченную Т.Майером «дилемму строгости и научности»¹²⁶: с одной стороны, необходимы упрощающие абстракции, а с другой, такие упрощения уводят исследователя достаточно далеко от реальности. В экономической науке давно уже сложились два подхода, которые называют «типами теории»¹²⁷, «канонами». Первый подход ориентирован на построение теорий, универсальных вне зависимости от исторического и регионального контекстов, и основан на абстрактных моделях (равновесие, рациональный выбор и т.п.). Второй – основан на опыте и строится «снизу вверх»¹²⁸. Примером различия этих двух подходов является противостояние неоклассической теории и немецкой исторической школы экономики.¹²⁹ Аналог есть и в теории цивилизации.

Ограничение абстрактными моделями – напоминает упоминавшееся лечение без знания реального больного. А погружение «по самые брови» в историческую конкретику (в той же аналогии) таит опасность самолечения *ad hoc*, нередко заканчивающегося хирургическим вмешательством.

С логической точки зрения, два этих подхода соответствуют гипотетико-дедуктивному и индуктивному методам. Первый связан с фор-

¹²⁵ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011; Рубцов А. Эмиграция в историю.

¹²⁶ Mayer T. Truth versus Precision in Economics. Andershot: Gower, 1993.

¹²⁷ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М., 2011, с.56.

¹²⁸ Автономов В. С. Кто (из экономистов) мыслит абстрактно, а кто нет. // Топосы философии Натальи Автономовой. М.: Политическая энциклопедия, 2015, с.237-261.

¹²⁹ Расков Д.Е., Погребняк А.Г. Экономика как культура: возвращение к спору о методах // Альманах центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ – 2013. М.-СПб: Изд-во института Гайдара, 2013, с.13-30; де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2007; Ефимов В.Е. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2014. Т.14. Вып.2., с.5-51.

мулировкой и операционализацией терминов некоей абстрактной модели, претендующей на обобщение эмпирических данных, построением теоретических концептов (гипотез) с последующей эмпирической верификацией (подтверждением) или фальсификации (опровержением) их следствий. Второй – с систематизацией фактологического материала, выводящими на его обобщение и возможность говорить о неких устойчивых трендах развития системы. Собственно, из истории познания известно, что именно индуктивные обобщения позволяют вводить общие понятия и строить с их помощью дедуктивные рассуждения. Однако, с развитием логики и методологии науки, дедукция, гипотетико-дедуктивные построения, математические модели дали мощный импульс развития не только науки, но и инженерного дела.

Надо только отдавать отчет в том, что оба канона ориентированы, в конечном счете, на объяснение через подведение явлений под некую общую категорию, которая или предполагается изначально (в дедукции) или выявляется с применением правил индукции. В обоих случаях речь идет о выстраивании и прорисовывании некоего паззла, которым выступает объективистское описание некоей реальности.

Такой позитивистской дизайн модели хорошо зарекомендовал себя в естественных науках, которым свойственно стремление достичь максимально возможной объективности. В социальных же, а тем более – в гуманитарных науках, исследуемая реальность (включая экономические и политические процессы) – суть поле и результат взаимодействия, конкуренции, конфликтов, компромиссов различных акторов, социальных сил – как внутри страны, так и внешних. Каждый из таких акторов имеет намерения, цели, планы и проекты, располагает какими-то ресурсами, организует и координирует какие-то действия, кампании. Редко, когда такие замыслы реализуются полностью. Чаще в итоге получается равнодействующая этих усилий. Именно это имеется в виду, когда историю понимают как «равнодействующую волю» (Л.Н.Толстой, Ф.Энгельс).

Но, тем не менее, при желании всегда можно проследить чей-то след: за любым фактом, событием можно проследить мотивационную цепочку, некий замысел некоего актора или ряда акторов, строящихся и реализуемых планов.

В полной мере относится это и к модернизации – как опыту воплощения различных волей, намерений. Но в обоих позитивистски ориентированных подходах происходит элиминация авторов экономических и политических изменений, их мотивации и воли. Исследование (и объяснение) сводится некоей картинке, на которой можно, в лучшем

случае, проследить зависимости, детерминации параметров, действующих объективистски, «сами по себе», вне мотивации и воли реформаторов.

Методологический вывод. Ранее¹³⁰ уже обращалось внимание на недостаточность позитивистской ориентации в науках об обществе. Речь идет, как минимум, о двух упоминавшихся классах проблем объяснения, связанных с издержками оценочной категоризации и элиминацией (воли) политического субъекта.

Дизайн позитивистской модели – опора на эмпирическое знание, возможность обработки эмпирических данных качественными и количественными методами, прослеживание зависимостей между данными, возможность предлагать различные модели, формулировать гипотезы, их верифицировать или фальсифицировать, строить индуктивные обобщения, а также аргументировано представлять следствия из этих обобщений. Он хорошо зарекомендовал себя в естественных науках. Ключевым моментом объяснения оказывается подведение предмета рассмотрения под некую общую категорию: как на стадии определения предметной области, так и на стадии формулировки итогов проведенного анализа. Необходима только операционализация качеств (свойств), задающих данную категорию, позволяющая процедуры наблюдения, измерения. Но при этом предполагается некий консенсус относительно представлений о том, что есть «факт», предпосылаемый любому исследованию – без такого интерпретационного фона невозможны ни верификация, ни фальсификация. В результате научное объяснение, фактически, сводится к распознаванию в неизвестном уже известного, в лучшем случае – достраиванию некоего предзаданного паззла.

Кроме того, исходный посыл научного познания бифокален: с одной стороны – выявление объективной детерминированности явлений, каузальности, с другой – интенциональность, установки, выражающиеся уже в наблюдении, вычленении и распознавании предмета рассмотрения. Естественным наукам свойственно стремление элиминировать интенциональность, достичь максимально возможной объективности. В социальных же, а тем более – в гуманитарных науках, интенциональность проявляется в обоих фокусах: это не только познающий субъект, но и участники исследуемой предметности.

¹³⁰ *Тульчинский Г.Л. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм. // Публичная политика. 2016, № 1, с. 76-98.*

В анализе модернизации стремления, намерения, воля принципиально не могут быть редуцированы к наблюдениям, описаниям и установлению каузальности. В предмете модернизации – идеи, проекты и технологии. Поэтому методология ее исследования – интерпретации не только в виде параметрических моделей, но как реконструкции опыта, породившего определенный результат. Включая стремления, возможности, противостояния и т.п.

Именно это обстоятельство образует исходный посыл неоинституционализма Д.Норта, его критики подходов, ограничивающихся моделями (включая теорию игр) и измерениями, как методами синхроническими, не способными объяснять развитие, динамику процессов: давая описания ситуаций и работы систем, они не могут описать механизмы их эволюции.¹³¹ Для неоинституционализма – главное – не институты, а процесс их формирования и развития. Отсюда же и принципиальная для него идея интенциональности политико-экономического развития, важности факторов, снижающих неопределенность (мнения, мифы, убеждения, когнитивные факторы, обучение, бессознательное), задающих паттерны объяснения и решений.¹³²

Интенциональность социальных процессов принципиальна и значительна в формировании институтов. Эту идею Д.Норта зачастую не понимают, или не хотят понимать: не институты порождают убеждения, а наоборот.¹³³ Другими словами, схема институционализации подобна схеме реализации мотивационного механизма как цепочки: намерение (представление цели как образа желаемого будущего или знания нежелаемого настоящего) – возможности (ресурсы, подготовка, способности) – решение – действие – результаты – их оценка¹³⁴.

Оба вектора проблемы объяснения модернизации – и издержки подведения под общую категорию, и элиминация вменяемого политического актора – указывают на возможную фокусировку их решения. Речь идет об учете конструктивного (порождающего) характера человеческой активности, и научного познания – в том числе.

¹³¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд эконом.книги «Начала», 1997, с.32, 167-169; Норт, Уоллис, Вайнгафт, 2011, с.34; In the Shadow of Violence / Ed by D.C.North and others. Cambridge: Cambr.Univ.Press, 2013, p.3-5.

¹³² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики, с.175; Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ, 2010, с.42-63.

¹³³ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ, 2010, с.77.

¹³⁴ Тульчинский Г.Л. Тело свободы. СПб: Алетейя, 2006.

И такая фокусировка оказывается в тренде общей методологической рефлексии последних полутора столетий. Так, в решении проблемы оснований математики (Д.Гилбертом, Л.Брауэром, А.Гейтингом, А.Марковым, Н.Шаниным) исходным понятием является «конструктивный процесс», понимаемый как алгоритм, позволяющий за конечное число шагов получить «конструктивный объект», например, число, или преобразовать одно число в другое.¹³⁵ Компьютерное программирование во все большей степени культивирует именно алгоритмически конструктивный тип и культуру мышления.

Практически одновременно в квантовой механике и физике субатомных процессов были сформулированы соотношение неопределенностей В.Гейзенберга и, в известной степени, как его обобщение, принцип дополнительности Н.Бора, согласно которым представления о физических сущностях зависят от используемых в эксперименте приборов, а также от используемого языка описания. В зависимости от этого субатомные объекты могут представлять в качестве корпускулы, или волны. И полнота описания будет зависеть от многообразия используемых экспериментальных и теоретических средств.

Конструктивизм, рецептура, формализм, алгоритмизация, программирование, рекурсивность, критика позитивизма, know how, компетенции – тренд, в котором внимание смещается на процессы, процедуры, порождающие предмет знания. Эпистемологическое внимание смещается на процессы, порождающие предмет знания. **Человек понимает нечто, если знает, как это нечто сделано.** Объяснение – не подведение под известное общее, а указание порождающей процедуры.

Методологическое применение. Осмысления реформ, модернизаций не может быть редуцировано к наблюдениям, описаниям и установлению каузальности. Их предмет – идеи, проекты и технологии. Их методология – интерпретации не только в виде параметрических моделей, но как реконструкции опыта, породившего определенный результат, включая цели, возможности, противостояния.

Если представить объяснение в терминах наррации, т.е. построения дискурсивных разъяснений, то оно предстает как три уровня нарративов:

¹³⁵ Из школьной геометрии известны два типа определения: через род и видовое отличие, или – через процедуру порождения. Так, в первом случае окружность понимается как геометрическое место точек, равноудаленных от центра. Во втором – как замкнутая кривая, образуемая одним концом отрезка за счет вращения отрезка вокруг другого его конца, взятого в качестве центра вращения.

(1) Уровень эмпирической фактологии, предъявления описаний, данных.

(2) Уровень каузальных связей, взаимосвязей и детерминаций между фактами.

(3) Уровень целевого контекста, раскрывающего замысел построения и использования целостного конструкта.

Для пояснения уместно уподобление уровней их нарративности структуре детектива: презентация ситуаций дополняется агрегацией паззла, в котором могут обнаруживаться смысловые, каузальные нестыковки целого. А завершает осмысление этого целого рефлексия, достраивающая осмысление до выявления мотиваций (в духе рассказа Э. Пуаро, мисс Марпл в финале). Такая модель вполне соответствует модели научного знания Й.Галтунга, демонстрируя взаимосвязь эмпирики, теории и конструктивной целостности.¹³⁶

Модель Й.Галтунга – Г.Алкера

Конструктивизм = возможность:

- выработки предложений по проведению изменений, воплощению новой или исправлению старой реальности
- объединения усилий науки и политики.

Методологию объяснения динамики социальных процессов нельзя сводить – к методологии естественных и точных наук, которые сами

¹³⁶ Galtung J. Essays in Methodology. Vol. 1: Methodology and Ideology. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1977. Alker H.R., jr. Political Methodology, Old and New // A New Handbook of Political Science / ed. by Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. Oxford: Oxford Univ. press, 1996. P. 787–799.

зависят от конструктивной концептуальной активности познающего субъекта. А в социальных науках нельзя выхолащивать саму суть предмета – наличие и волю акторов, мотивация которых редуцируется к абстрактным схемам, а сами они уподобляются автоматам в мире каузальности.

Конструктивные (алгоритмически процедурные) объяснения интегрируют 2-й и 3-й уровни объяснительной наррации, раскрывая процесс порождения феномена. Тогда как 1-й уровень выступает в качестве либо элементной базы построения, либо также как презентация «конечного продукта» всего построения.

Объяснение 5. Конструктивизм и проблема политической воли. Объяснение принятия решения и его реализации подобно выявлению действия упоминавшегося мотивационного механизма: от намерения (представления цели как образа желаемого будущего или знания нежелаемого настоящего) – к выявлению возможностей (ресурсов, мобилизации сторонников) и действию, в котором важную роль играют настойчивость, преодоление сопротивления, систематический контроль.

Реформы – алгоритмический процесс. К успеху ведут правильные шаги в правильной последовательности. Правильные шаги, но не в той последовательности не приводят к победе.¹³⁷ Процедурно-алгоритмическое объяснение открывает путь к пониманию реформ и модернизации как шахматной партии. Все ходы известны из теории, правил и предыдущего опыта. Но делаются эти ходы, исходя из конкретной диспозиции здесь и сейчас. Они могут оказаться успешными или нет. Именно этот опыт порождает «множественность» модернизаций (Ш.Эйзенштадт). Или, как отмечал С.Хедлунд, *history matters*¹³⁸.

И причины российских инверсий в том, что *culture matters* потому, что *history matters*! С.Хедлунд предложил развернутую картину этого значения. Культура – закрепленный в традициях эффективный опыт решения проблем выживания. И этот опыт имеет долгий инерционный лаг – около 12-15 лет. Россия имеет давний исторический опыт антирыночного управления, в условиях которого формируется и закрепляется мотивация не создание добавленной стоимости, а поиск, захват и (возможно) предоставление ренты. Более того, Россия имеет богатый опыт успешного выхода из кризисов (1598, 1861, 1917,

¹³⁷ Именно так однажды оценивал российские реформы начала 1990-х Г.А.Явлинский: все ходы правильные, только не в той последовательности.

¹³⁸ Хедлунд С. Невидимые руки, с.287-332.

1991, 1998 годов) за счет проведения изменений «сверху» при пассивной роли населения. «Великая Октябрьская революция» также заключалась в захвате политической власти и проведении «сверху» последующих преобразований. Именно в силу относительной успешности этого опыта он и закрепился в «матрице». И для неограниченной ничем власти реформы выглядят весьма соблазнительным искушением еще одного проявления своего доминирования. Однако искушение власти оказывается искушением властью.

С конструктивистской точки зрения – Россия за 1917-2017 годы – европейская модернизация или особый путь? Внешне, формально: урбанизация и массовое общество, ролевая революция и новые социальные лифты. Но, по сути, – подорванное сельское хозяйство, заточенные под решение военных задач промышленность и наука. Новый класс, «революция менеджеров». Но эта бюрократическая номенклатура не способна и не мотивирована к созданию конкурентной среды, условий и поддержки возникновения инноваций, их поддержки. Даже исторический фон воспринимался элитой по-разному. 1960-е за рубежом были восприняты как пик ресурсного развития цивилизации, осознание необходимости перехода к стратегиям возобновляемого роста, качественно новым технологиям – что и породило нынешнюю технологическую постиндустриальную цивилизацию. В СССР же рентное благолепие 1960-х открыло в «голубых даях» светлое здание коммунизма», породило совершенно неадекватные цели, артикулированные на XXII съезде КПСС и в новой партийной программе, содержавшей обещание, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. К чему это привело – хорошо известно. Причем инерция рентных ресурсов иллюзий сохраняется до сих пор, порождая эффект «анти-Мидаса».

Да, как уже отмечалось, идея «матрицы», «колеи» согласуется с идеей «культура имеет значение». Но, как показывает исторический (включая новейший) опыт ряда стран, развитием культур можно управлять, и, в течение 15 лет добиваться радикальных успехов. И это не линейный процесс.

Для конструктивных изменений социума необходимы социальные силы: социальные группы, имеющие артикулированные интересы и ресурсы их достижения: финансовые, или организационные, или информационные, или символические, или и те, и другие... А российское общество обессиленное, а точнее – обессилено властью.¹³⁹ Поэтому ключевой вопрос для России до сих пор – не экономика, а власть.

¹³⁹ Тульчинский Г.Л. Обессиленное общество. // Знамя. 2010, №1.

В России на протяжении всей ее истории не собственность рождала власть, а власть порождала собственность и постоянно ее переделывала. В духе известного пушкинского перевода с французского: «"Все куплю!" – сказало злато! / "Все возьму!" – сказал булат». Собственно, именно на этом пострадали акционеры ЮКОСа, посчитавшие, что в России наступило время, когда собственность может влиять на власть или хотя быть ее равноправным партнером.

До сих пор ключевой вопрос российской экономики и перспектив российского общества – вопрос о собственности, гарантий ее защиты. С.Хедлунд, фактически, дал пример конструктивистского объяснения, подчеркнув, что новейшие российские реформы стали печальным подтверждением необходимости учитывать как мотивацию отдельных акторов придерживаться правил и уклоняющихся от них, так и мотивацию государства на поддержку тех, кто правил придерживается¹⁴⁰. И далее ставит диагноз полученному результату как разрушительное созидание: формирование единой командной иерархии, приватизировавшей добывающую промышленность, в то время как малый и средний бизнес были отданы на откуп криминалу и коррумпированным чиновникам.

Но введение институтов без мотивированной опоры на реальные интересы выхолащивает смысл преобразований, порождая использование новых институтов в других целях, например, «удовлетворения жадности», а точнее – закрепления коррупционных схем многоуровневых кормлений. Более того, попытки введения контроля, ограничивающего «жадность» в условиях неполноценных рынков (бартера, низкой добавленной стоимости) чревато превышением роли государства и положительной обратной связью, усиливающей коррупцию¹⁴¹. А игнорирование инерционности человеческого капитала, социально-культурной памяти, стремление вытеснить ее символической политикой и пропагандой и скоропалительными решениями имеет результатом сопротивление реформам, их осознанное – или не очень – неприятие. И круг замыкается.

К аналогичному результату пришла и дискуссия по докладу Всемирного банка на Гайдаровском форуме 2017 года, показав, что Россия могла бы вернуться на траекторию устойчивого экономического роста при двух условиях: за счет увеличения производительности труда и наращивания инвестиций в человеческий капитал. Причем эти

¹⁴⁰ Хедлунд С. Невидимые руки..., с. 230-231

¹⁴¹ Хедлунд С. Невидимые руки..., с. 26-55, 221-232.

условия взаимосвязаны: проблема низкой производительности труда (инвестиции в инновации) обусловлена недоинвестированием развития человеческого капитала. К этому добавляются старение населения и миграция рабочей силы. Существующая модель, основанная на прочном влиянии государства на экономическую и социальную политику, опирается на достаточно серьезную политическую поддержку, основанную на чрезвычайных мобилизационных усилиях пропаганды, имеющих ограниченный временной ресурс. Но общественная модель и транслируемая система ценностей погружена в прошлое и не имеет образа будущего.¹⁴²

Колея ли это? Вечный маятник? Отчасти – да. Пока власть не заинтересована в реальной модернизации, зачищая монополию для прикормленного бизнеса. Но до тех пор, пока не будет проявлена внятная и вменяемая политическая воля к модернизации.¹⁴³ Воля сверху или снизу? Внешняя или внутренняя? Это выходит за рамки данного рассмотрения. Возможно, пока затруднительны, сомнительны даже возможности такого рассмотрения. Российская модернизация остается проблемой теории и технологии.

Таким образом, получается, что инверсивный характер российских модернизаций имеет две причины. Одна – социальная, связанная с особенностями российского социума, доминированием в нем властной воли при неразвитости социальных сил, для формирования которых нет достаточных условий. Вторая – теоретическая, связанная с попытками модернизации, опираясь на чей-то исторический опыт. Однако, в силу первой причины, эти попытки оказываются поспешными и непродуманными, порождая новые напряжения и деформации социума.

Анализ способов объяснения модернизации обнаруживает особые возможности в плане методологической рефлексии и выявления перспектив научного знания. Особый интерес представляет разработка в рамках предлагаемого подхода модели политической мотивации, политической воли, политического поступка (в отличие от политического поведения) – как действия, реализующего некую мотивацию властной воли.

¹⁴² Как России расти без нефтяной ренты: рецепты экономистов на Гайдаровском форуме: <http://www.forbes.ru/biznes/337139-kak-rossii-rasti-bez-neftyanoi-renty-recepty-ekonomistov-na-gaydarovskom-forume> (Дата доступа 29.01.2017).

¹⁴³ Концепт политической воли заслуживает пристального внимания. Особенно с учетом его крайне слабой проработки. Такая работа всерьез только начинается. *Тулчинский Г.Л.* Феномен политической воли. //Наследие. 2017, № 1.

Для конструктивных изменений социума необходимы социальные силы: социальные группы, имеющие артикулированные интересы и ресурсы их достижения. Ключевой вопрос – о собственности и правоприменении по ее защите. Российский социум обессилён властью, которая озабочена собой, а не обществом.

Анализ способов объяснения модернизации обнаруживает особые возможности в плане методологической рефлексии и выявления перспектив конструктивизма. Особый интерес представляет разработка концепта политической воли – как вменяемого ответственного действия.

6. Уроки российской политической культуры

Урок национальной политики и этнофедерализма: перспективы российского национализма. Буржуазная революция в России: когда и почему. Судьба либерализма в России. Урок надорвавшейся империи и обессиленного социума.

Урок национальной политики и этнофедерализма: перспективы российского национализма

Динамика национальной политики в дореволюционной России и СССР показательна и поучительна. Национальная политика в Российской империи строилась на культивировании русской нации, включавшей в себя великороссов, украинцев и белорусов. Этот суперэтнос позиционировался в империи как доминирующий. Остальные этносы воспринимались как подлежащие «окультуриванию» и ассимиляции. Культурная автономия, традиционные институты (религия, образование на родном языке, общинная самоорганизация) допускались, но периодически ограничивались.

Советская национальная политика строилась радикально иначе. Классики марксизма-ленинизма вполне справедливо связывали нации с буржуазным обществом. Фракция большевиков в РСДРП называла себя интернационалистами не потому что большевики были за дружбу народов, а потому что они были за мировую социалистическую революцию. Они желали поражения России в I Мировой войне, шли на сотрудничество с германским генеральным штабом. В России им виделось наиболее слабое звено мировой системы капитализма, фитиль к пороховой бочке мировой революции, которая ликвидирует государство, как об этом писал Ленин еще в 1917 году в книге «Государство и революция», написанной им в Разливе. Европейских социал-демократов, голосовавших в парламентах за военные бюджеты они называли социал-предателями. И провозглашая победу социалистической революции в Петрограде Ленин обращался к народам, а не гражданам России.

Поэтому до 1918 года коммунисты особенно не интересовались национальным вопросом. Однако по мере укрепления советской государственности эта установка видоизменялась. Мировая революция не состоялась. Возникшие в Венгрии и Баварии советские республики продержались считанные дни. Всеобщая забастовка в Германии не

нашла широкой поддержки. Потерпел крах советский поход на Польшу – польский пролетариат его не поддержал. Коммунисты оказались при власти в стране, в которой видели только фитиль пороховой бочки. Надо было строить государство, перспектива отмирания которого отодвигалась в неопределенное будущее. Только спустя несколько лет Сталин (кстати, первый народный комиссар по вопросам национальностей) провозгласил тезис о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Надо было искать союзников – внутри страны и за рубежом.

Во внешней политике первостепенной задачей было получение военной передышки, и в 1920-1921 годах была заключена серия договоров, в том числе с Великобританией, Турцией. А в дальнейшем союзническая ставка в противостоянии «мировому империализму» – чем дальше, тем во все большей степени стала делаться на поддержку национально-освободительного движения, на призывы к «восстанию угнетенных народов» (которые объективно и фактически были – буржуазными революциями в колониальном мире). Тем самым развязывались руки для внешнеполитической игры на т.н. «интернационализме». ВКПб-КПСС делала во внешней политике ставку на поддержку национально-освободительных движений «угнетенных народов», одновременно связывая его с исторически преходящим характером наций.

При этом допускалась возможность консолидации наций при социализме в рамках единого государства. К тому времени, в результате распада царской России, активизировалось национальное самосознание в Поволжье (в Татарии и Башкирии), на Украине, в Белоруссии, Закавказье, в Киргизии, Хиве, Бухаре, Туркестане. И союзник был найден – в апелляции к «трудящимся проснувшегося Востока». Под эгидой III Интернационала 1 сентября 1920 года в Баку был созван Съезд народов Востока. На съезде коммунисты столкнулись с неожиданной ориентацией представителей «проснувшегося Востока» не на пролетарскую, а на национальную революцию, направленную против бывшей метрополии, против российского империализма.

Больше такие съезды не собирались. И с 1921 был окончательно осознана политическая несостоятельность прежних идеологических установок. Большевики не без основания видели в национализме (с его надклассовостью, этничностью с апелляцией к перспективам государства) конкурента мобилизационным возможностям своей идеологии. Однако Ленин уже допускал культурную автономию, хотя и противился Сталинскому проекту Советского Союза как союза равноправных наций. Тем не менее, именно этот проект и был реализован.

Национализм нерусских народов был реакцией на угнетение царским режимом, что, как следствие, дополнялось недоверием к русским. Ленин полагал, что есть национализм угнетателей – он чреват великорусским шовинизмом, и есть национализм угнетенных, который можно было в ближайшей перспективе рассматривать в качестве союзника. Поэтому Ленин призывал к поддержке национализма угнетенных и борьбе с великорусским шовинизмом. Это уже Сталин перешел к борьбе с национализмом на Кавказе и Средней Азии, нараставшему антисемитизму при подчеркивании ведущей роли русого народа.

Внутри страны было необходимо осваивать российское имперское наследие. Решение было найдено в федерации – государстве компромисса с политически активными политическими элитами «национальных окраин». При одновременном жестком партийном контроле. ВКП(б), а потом КПСС выполняла роль «внутреннего государства», фактически обеспечивающего то ли унитарные, то ли просто имперские функции. И именно на КПСС возлагалась задача построения нового – социалистического – общества.

Все понимали, что речь идет только о формальном политическом дизайне, с помощью которого, с одной стороны, нейтрализовывался внутренний национализм: национализм нерусских народов трактовался как реакция на угнетение их царским режимом, порождающая, помимо прочего, недоверие к русскому народу.

Федерация рассматривалась как переходная стадия к унитаризму, как временный компромисс разной степени политической активности региональных элит. Более того, динамика такого компромисса выражалась в открытости границ молодого государства для его расширения за счет присоединения народов, нуждающихся в защите от мирового империализма. Помимо «Декрета о мире» были приняты «Декларация прав народов России», «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемых народов». В них провозглашались право народов на самоопределение и на выражение воли трудящихся (под которой имелась политика коммунистических партий).

Этот политический курс был выражен еще в Конституции 1918 года, согласно которой в составе Советской России обозначались 17 автономий и автономные области – статус определялся в зависимости от политической ситуации, активности и зрелости элит. Фактически это был результат политического торга с ними. В 1920-1922 годах были заключены договоры с Украиной и Белоруссией, была создана ЗСФСР, от имени которых РСФСР подписывала Генуэзское соглашение. В 1923-1924 годах прошла дискуссия о государственном устройстве

и новой Конституции, которая завершилась Принятием Конституции СССР, в которой закреплялось федеративное устройство, с высшим органом законодательной власти, в составе Верховного Совета и Совета Союза. В состав СССР первоначально входили две федерации РСФСР, ЗСФСР, Украина и Белоруссия. В 1925 году в состав СССР вошли Узбекистан и Таджикистан, в 1936 была распущена ЗСФСР и в состав СССР вошли Грузия, Армения, Азербайджан, а также Казахстан и Киргизия. Накануне II Мировой войны в состав СССР вошли республики Прибалтики и Молдавия.

В динамике этого государственного строительства очевидны несколько устойчивых принципов:

(1) Статус наций, входящих в СССР (союзная республика, автономная республика, автономная область или округ), определялся численностью «титულიной нации», активностью и зрелостью политической элиты, географическим положением (Татария и Башкирия не получили статус союзных республик только потому, что не имели внешней границы);

(2) Федерация носила динамичный, подвижный характер, фактически, выражая конкретный временный политический компромисс элит.

(3) Установка на конечную унитарность отводилась коммунистической партии. До 1924 года существовали национальные компартии. С 1924 – одна, в которую входили республиканские компартии на правах региональных органов КПСС. Характерно, что коммунистической партии одной из республик – РСФСР – создано не было. Коммунисты прекрасно понимали унитарно-имперскую роль КПСС.

Рассматривая нации как исторически преходящее явление, связанное с капитализмом (и в этом они, по существу, были правы), коммунисты – на период строительства переходного к коммунизму социалистического общества допускали национальную консолидацию. Советским режимом даже поощрялись национальные формы, такие как украинизация русских городов на территории Украины. Аналогичные процессы шли в Прибалтике, на Северном Кавказе, Средней Азии. Была прекращена русская сельскохозяйственная колонизация на Кавказе, в Средней Азии, Казахстане. Более того, Украине были переданы Донбасс, Причерноморье, а потом и Крым. Чечено-Ингушской АССР был передан Подтеречный район Ставрополя, Казахстану – земли, освоенные яицкими (уральскими) казаками.

В результате политическая задача освоения наследия Российской империи была решена. Неспроста в 1939 году генерал Деникин в Париже поднял тост за большевиков, за Красную армию,

«которые сделали то, что не смогли сделать мы – они спасли великую империю».

Однако советская национальная политика носила парадоксальный характер. Партийно-имперское доминирование дополнялось развитием национальных культур. Эта политика называлась формированием советской многонациональной культуры: «национальной по форме и социалистической по содержанию». С 1920 года в каждой союзной республике начал культивироваться национальный язык, создаваемый на основе одного из диалектов. Отсутствующая письменность формировалась заново – на основе кириллицы. По возможности на кириллицу переводились и существующие письменности. Это было сознательное формирование т.н. «социалистических наций». Под союзные республики отдавались целые регионы, вошедшие в состав Российской империи огромной ценой усилий многих поколений – как это было с Казахстаном, Украиной, Литвой, Туркменистаном, Чечней. Создавались национальные округа, советы, колхозы и совхозы... Они наделялись экономическими ресурсами. Строились административные центры. Тормозилась, а потом и вовсе прекратилась русская сельскохозяйственная колонизация на Кавказе, в Средней Азии, Казахстане. Развивались национальные культуры, языки, письменность. Формировались национальные элиты. Причем все эти действия были не вынужденными уступками, а сознательными государственными проектами и программами.

Развивая национальные культуры, формируя национальные культурные и политические элиты, передавая им в управление территории, другие ресурсы, развивая там промышленность советское государство, фактически, создавало нации, подготавливая собственный распад. Это было довольно успешной политической инженерией формирования наций. Недаром за рубежом квалифицировали СССР как единственную в истории империю «позитивного действия», которая развивала не столько метрополию, сколько колонии – в данном случае – «национальные окраины». Ситуация усугублялась конституционно закрепленным правом наций на самоопределение и возможности выхода из союза.

Последствия такой национальной политики оказались далеко неоднозначными.

Была сформирована надэтническая идентичность – советский народ. В 1929-1930 года начались индустриализация и коллективизация сельского хозяйства. Это привело к интенсивной, даже насильственной ликвидации сельского уклада. Фактически в СССР под

идеологическими лозунгами социалистического строительства создавалось индустриальное массовое общество. Однако унитарное по сути государство было структурировано как федерация суверенных наций, которым были переданы территории и в которых были сформированы элиты. Федерация приняла характер этнофедерализма. Более того, структура этой политической конструкции носила «матрешечный» характер. Внутри союзных республик находились автономные республики, в состав которых входили национальные области, округа.

Фактически унитарное государство было структурировано в дизайне многоуровневого федерализма «суверенных наций», за которыми закрепились территории, были сформированы административные национальные элиты. Собственно это и взорвало потом СССР, когда пустая форма дизайна наполнилась реальным содержанием. Развалили советскую империю именно национальные административные элиты, почувствовавшие все прелести суверенитета и дипломатического паркета.

Самое главное – в общественном сознании и правовых актах закрепились этническое понимание нации, примордиалистское по своей сущности. Советский Союз был объявлен многонациональным государством, а в паспортах советских граждан фигурировал знаменитый 5-й пункт – «национальность» – фактическая этническая принадлежность личности. Парадоксальная ситуация при этом сложилась с русской идентичностью. Идентификация «русскости» связана не столько с государством («были всякие цари и властители»), сколько с «родной землей», земляками, родственниками, языком, традициями, обычаями, т.е. носит преимущественно этнический характер, обеспечена неформальными институтами. Именно эти люди готовы защищать с оружием в руках, но собственно политический режим. Этот фактор сыграл решающую роль в ходе Великой отечественной войны, которую сталинский режим практически проиграл, доведя армию в считанные недели до разгрома. Перелом в войне произошел под Москвой, которую режим уже был готов сдать, а врага остановили отряды народных ополченцев под Тулой, не выполнившие приказ об отступлении и подоспевшие из Сибири резервники («панфиловцы»). В дальнейшем режим просто присвоил народную победу.

Партийно-советская политическая элита этому «нациестроительству» серьезного значения не придавала. Оно воспринималось как некий политический дизайн – все реальные решения принимались и реализовывались при руководящей линии КПСС. Именно на ее съездах принимались директивы к очередным пятилетним планам, именно

партийные органы контролировали все кадровые назначения на административные и хозяйственные посты от предприятий до регионов. И если Сталин еще выполнял завет Ивана IV – «перебирать людишек и бояр», не давая им прикипеть к управлению, собственности, Хрущев применял эту практику, но в уже ослабленной, менее жесткой форме, то брежневским временам характерна именно стабильность политической элиты.

Однако политическая и интеллектуальная элита ситуацию недооценили. Горбачевская перестройка, ослабившая партийный контроль, реализация «регионального экономического суверенитета» привели к расшатыванию политической системы. А создание КПРФ и последовавшая ликвидация КПСС фактически выдернули политический стержень, на котором держался союз и СССР рухнул. Не в результате военного поражения, природного катаклизма, революции – просто пустой ранее политический дизайн внезапно наполнился реальным содержанием. Фактически союз был растащен сформированными в советское время политическими элитами, прикипевшими к распоряжению ресурсами и захотевшими конвертировать свои возможности в независимую политическую власть в собственность. СССР оказался в истории уникальным опытом саморазрушения на основе сознательной и целенаправленной национальной политики: коммунистический интернационализм на практике породил свой антипод – национализм. Таким причудливым образом Россия вернулась в исторический тренд модерна. И оказалась отброшенной на десятилетия в этом же тренде. Национализм в пост-СССР – неизбежный шаг в модернизации. Но он реализуется в исторически новой фазе – глобализации – «нео-имперскости», объединения стран в группы, формирующее новое структурирование мира.

Неоднозначные последствия советской национальной политики сказываются до сих пор. Это выражается не только в сохраняющемся этнофедерализме. Попытки ввести элементы иного административного управления Н.С.Хрущевым (совнархозы – фактически –экономические кластеры), как и нынешние политические округа, наталкиваются на сопротивление региональных политических элит. Запоздалые идеи Ю.В.Андропова ввести новую «нарезку» страны, не были осуществлены.

Самое главное – это доминирующее этно-примордиалистское понимание наций. При записанном в Конституции РФ квалификации РФ как многонационального государства и праве наций на самоопределение. Можно сказать, в Основной Закон российского государства заведена бомба с часовым механизмом. А формулировка, что Россия

является многонародной нацией, – вызывает недоумение. Поиски слова, выражающего гражданскую идентичность, принадлежность российскому государству, так и не найдено – слово «россияне» также вызывает недоумение, а то и раздражение. Все это последствия сложившейся за почти столетие политической и дискурсивной практики.

В этой связи особое внимание заслуживает неоднозначность проблемы русского национализма. Его формирование и активизация неизбежны, поскольку связаны с возвращением России в общецивилизационный тренд: формированием массового общества и среднего класса, отечественной буржуазии связаны. И, как было показано ранее, в этой ситуации естественно формирования национального самосознания, связанного с гражданской идентичностью, сопричастности и желания гордости за свое государство. Беда в том, что этот естественный и исторически неизбежный запрос оформляется в этнически-примордиальное понимание национальной принадлежности. Что приводит, с одной стороны, к растерянности либеральной общественности перед активизацией национального самосознания, неприятию нацистской окрашенности его наиболее радикальных форм, а с другой – к реальному перехвату исторического тренда этническим шовинизмом и, соответственно, межэтнической розни и конфликтам в многонародном («многонациональном») государстве.

Опыт национальной политики СССР – убедительный пример того, от какого исторического опыта и наследства надо отказываться. К сожалению, это плохо понимается обществом и политиками. В Конституцию РФ попала советская формула о России как многонациональном государстве: граждане РФ не образуют национальное единство, не являются государственной нацией, в которую входят ее народы. В результате десятилетий советской пропаганды и идеологических формул народы и этносы называются нациями, хотя даже в сталинском определении нации записана государственность. И если каждый народ РФ оказывается нацией, то он вправе образовывать свое государство, и РФ не имеет будущего. При этом единственно адекватная формула РФ как многонародной нации вызывает недоумение. Отождествление нации-государства и нации-этноса – не просто теоретическая ошибка, а большая политическая беда. В этом плане показательным, что партия, начинавшая свой путь как интернационалистическая, становилась все более националистической, и заканчивает свою историю на позициях откровенного шовинизма.

Это наследство политической культуры советской империи ведет в тупик, т.к. оставляет анализ и принятие важных решений без

реального понимания ситуации и перспектив. Примером одного из ответвлений этого тупика являются разговоры о т.н. «кризисе идентичности» граждан современной России...

Дилемма «империя – нация-государство» оказывается несостоятельной с точки зрения культуры и идентичности: все империи (включая Россию и СССР) уже были в той или иной степени государственными нациями. Собственно, такими же национальными государствами со своим государственным национализмом были и Британская, и Французская, да и любая другая империя. Исторический опыт показывает, что нация и национальная идентичность возникают только в обществе, прошедшем модернизацию, которая, в свою очередь, предполагает новый тип личности. Это подтверждается и российской историей конца XIX – начала XX вв., когда одновременно интенсивно шли как процессы формирования национального самосознания, так и ассимиляции.

С точки зрения национальной идентичности, в принципе, не так уж и важно – какую форму имеет государство: империя, федерация или унитарная республика... Важно конкретное наполнение национальной гражданской идентичности. В случае Российской Федерации – «российскости». И это уже является делом конкретной социальной политики и технологии.

В начале XX столетия в мире насчитывалось 60 государств. В настоящее время – 244 страны, из которых 17 являются федерациями. И политическое обустройство нескольких наций в одном государстве обычно связывается именно с федерализмом.

В основе образования федерации лежит договор (foedus) о распределении функций и полномочий политических субъектов, образующих федерацию, в том числе – о создании центрального правительства, которое не может само создавать и ликвидировать новые органы власти.

Исторически обычно все федерации создаются в военных целях, являясь более жесткой формой объединения, чем простые военные союзы и альянсы. Причинами для создания федерации могут быть:

- Восстание и гражданская война (Нидерланды, США, латиноамериканские федерации);
- Защита от имперских амбиций соседей (Швейцария, Канада, Австрия);
- Поглощение соседей для воспроизводства империи;
- Мирное поглощение (Афинский союз, Австро-Венгрия, Германия, Малайзия, Нигерия, Индия).

Как и империя, федерация дает возможность переплетения власти и собственности, объединения ресурсов. Поэтому часто федерации

являются временным этапом в распаде империи, делающим последствия такого распада менее болезненным. Примерами могут служить Бельгия, СФРЮ, ЧССР и Австрия. И последующий распад СФРЮ и ЧССР только завершил дораспад Австро-Венгерской империи.

Существуют удачные и неудачные федерации. К первым относятся федерации устойчивые, создавшие конкурентоспособные экономики и высокое качество жизни. Примерами могут служить Швейцария, Нидерланды, США, Канада.

Неудачные федерации – политические системы, испытывающие проблемы с решением этих задач, а значит и легитимности: СССР, ОАР, Мали, Нигерия, Пакистан (до отделения от него Бангладеш), Родезия...

Последовательность

независимое (суверенное) национальное государство – союз – федерация – унитарное государство (империя)

может реализовываться в обоих направлениях – в зависимости от исторической конъюнктуры, а скорее всего – образует не простую последовательность, а имеет характер исторического цикла, через который проходят исторические общества.

Более того... Глобализация только усиливает проявления этого тренда. И дело не столько в борьбе за суверенитет, как распоряжение ресурсами. Конечно, этот фактор своеобразного «огораживания» действует. Например, в 1960-х можно было ожидать активного формирования на руинах британских, французских, испанских и португальских колоний новых государств. Но банту не объединились с банту, йоруба с йоруба, зулу с зулу и т.д. Наоборот, попытки такого рода были активно пресечены «национальными элитами», сформировавшимися в колониальное время, и своего не отдавшими. В результате новые африканские государства остались в старых, колониальных границах. То же самое раньше произошло в Латинской Америке, Азии.

Но, кроме удержания ресурсов, «огораживания суверенитетом», действует и все усиливается фактор интеграции, вхождения в интенсивно глобализирующееся экономическое, информационное, политическое пространство. Но успехом такой интеграции является уникальная неповторимость. Потому как только уникальное глобально! Вторичность ведет к неконкурентоспособности. Вторичных глобализация сметает. Успех ждет только уникально неповторимых, создающих свой экономический, культуральный бутик. И этот фактор, несомненно, только усиливает поиски и конструирование все более мелких национальных идентичностей, а значит – национальных самосознаний, а значит – наций.

Однако ситуация многомерна, и отнюдь не сводится только к дивергенции. Более глубокое измерение ей придает учет личностного, персонологического фактора.

В современном глобализованном мире, добиваясь успеха, приобретая признание в мировом масштабе, личность (бизнесмен, художник, актер, спортсмен, даже политик) могут опираться и опираются на другие свои идентификации, включая этническую, приобретая, тем самым, некоторые конкурентные преимущества. И массовое информационное общество в условиях глобализации дает исключительные возможности реализации таких преимуществ. Потому как – только уникальное глобально. Важно, что и в этом случае речь идет именно о среднем классе, его наиболее продвинутой части.

Нынешняя Россия возвращается в цивилизационный тренд. И вопрос национального самоопределения в рамках РФ, как и России в целом – чрезвычайно актуален для перспектив российского государства, его этнофедералистского политического дизайна в качестве постсоветского наследия.

Буржуазная революция в России: когда и почему

Инверсивный характер практически всех российских модернизаций последних двух столетий, рассмотренный выше, может объясняться не только непродуманными «транзитами», поспешными попытками власти вывести страну к цивилизационному фронтиру модерна на основе или имеющихся образцов, или представлений о «законах общественного развития». Срыв этих попыток в архаику во многом определялся особенностями российского социума. В докладе сделан акцент на роли в русских инверсиях «низов», проходящих путь из крестьян в граждан. Другими словами – на парадоксальности русской буржуазной революции.

«Буржуазная» понимается безоценочно, в буквальном историческом смысле – как приход к власти среднего класса, средой формирования которого выступает город. Практически во всех европейских языках слово «гражданин» восходит к слову «горожанин» (бюргер, буржуа, ситизен, мещАнин). И буржуазная революция – приход к власти горожан – закономерный этап развития цивилизации: со времен неолита, когда начали формироваться первые городки и население постепенно, но все интенсивнее, перетекало из сельской местности в городскую среду.

С буржуазными революциями связано и формирование наций, национального самосознания, как именно гражданской идентичности.

В города, особенно в связи с индустриализацией, стекались люди разных народностей, этносов, религиозных взглядов,

А в городах уже включались мощные социально-культурные технологии: единый административный язык, минимальный образовательный стандарт, медиа, развлечения, театр, литература, другие искусства, гуманитарные науки, особенно – история, философия... Так формировалась новая легитимность принципиально новых – национальных – государств. Нация – феномен модерна и формирования буржуазного общества.

В 1905-2014 началось вхождение России в модерн, формирование нации. В России эти процессы получили выражение в плодах Великой реформы и последовавшем начале реальной модернизации. Политически это нашло выражение в Октябрьском манифесте 1905 года. Россия получила парламент, возникли партии, активно началось формирование законодательства. Возникла верхушечная городская культура «Серебряного века».

Однако перспективу модернизации по капиталистическому пути признали не все слои общества. Этот путь отвергали крестьяне, видя в «кулаках» – «мироедов». Новую буржуазию условных «лопахиных» не признали не только аристократы – владельцы «вишневых садов», но и интеллигенция, призывавшая «слушать музыку революции».

Тем не менее, I-я мировая война вызвала невиданную волну национального патриотизма. Даже столица была переименована на русский лад. Густав Шпетт из патриотических чувств отказался от второй «т» в своей фамилии. Братья Бахтины создали общество Третьего – славянского – Возрождения, и старший брат – Николай – недоучившись, ушел на фронт. Можно привести великое множество других примеров.

Следующая фаза Российской буржуазной революции – Февраль 1917 года – уже питалась слабостью царского режима, оказавшегося несостоятельным в I Мировой войне, но и сама оказалась этой войной обессилена, и была сметена Октябрьским переворотом, в котором большевики возглавили, фактически, крестьянскую революцию, ввергнувшую страну в кровопролитие Гражданской войны.

Российский марксизм дал новую жизнь революционно-демократическому движению в фазе теоретического и политического кризиса народничества. Капиталистическая модернизация отвергалась в принципе, как и ее основа – частная собственность. К тому времени и народники освоили марксизм, а это уже было оправдание не индивидуального, а массового террора. Как обычно на Руси, новейшее западное учение было понято как буквальное руководство к действию. Пер-

чатка марксизма пришлось очень по руке бывшим, фактически, тем же народникам – недоучившимся семинаристам, студентам-экстернам, «пошедших другим путем». Гений Ленина заключался в том, что он смог почвенническое содержание упаковать в наукообразную западную форму. А своевременный перехват эсеровских лозунгов и раздаче земли крестьянам только довершили картину прихода большевиков к власти, оседлав волну крестьянской революции, смывшей буржуазную. В этом плане «Великая Октябрьская революция» предстает именно как реакция, как исторический спазм, срыв в архаику.

Но показательно, что Советский режим укрепился не только и не столько победой в Гражданской войне, сколько экономическими успехами НЭПа. А «черный передел» с мешочничеством были укрощены prodразверсткой военного коммунизма, разорением крестьян, не обескровить которых большевики не могли – иначе они не удержались бы у власти.

Дальнейшие события продолжили парадоксальность российского вхождения в модерн... Выборы 1925 года показали шаткость позиций большевиков, перспективу сопротивления крестьянства и поднявшего голову нового среднего класса. Поэтому «Великий перелом» 1929 года имел политическую мотивацию разгрома социальной базы оппозиции. «Пролетарская» партия взяла курс на индустриализацию.

Можно долго спорить – была ли это полноценная модернизация, или квази-, пара-модернизация страны... Очевидно, что это был не столько шаг вперед, сколько срыв в архаику. Вопреки марксизму, под флагом которого шли преобразования, реальный социализм не дал качественно более высокого уровня производительности труда. Экономическое соревнование с капитализмом было проиграно. Более того, практически все технологии, инновации были заимствованы в развитых странах. Не дал социализм и нового уровня свободы. Наоборот, было воспроизведено, фактически, феодальное, если не кастовое (достаточно вспомнить «лишенцев») общество. Индустриализации предшествовала коллективизация, добившая российскую деревню. Крестьяне работали за «палочки» (трудодни), а, лишённые паспортов, могли уехать только по трудовому найму. Впору вспомнить марксистскую формулу о том, что ни одна формация не уходит, не исчерпав полностью свои возможности. И тогда реальный советский социализм вполне можно квалифицировать как государственный феодализм.

Но индустриализация потребовала рабочие руки, активизировала усилия по грамотности и базовому образованию, породила новую

советскую интеллигенцию. Другими словами – индустриализация породила горожан, резко увеличила численность городского населения, обеспечивая его, пусть и пропагандистски окрашенное, но просвещенное, приобщение к научному знанию, технологиям. Тем самым, было обеспечено решение ряда классических задач модернизации. Стоит добавить новые социальные лифты для крестьян и их детей, гендерное равенство.

Помимо прочего, эти процессы, как уже отмечалось, породили феномен массового энтузиазма 1930-х. Перед широкими массами открывались новые горизонты жизни, освященные высокими идеалами построения нового невиданного ранее общества. Этот энтузиазм создал сохранившийся до сих пор миф и счастливом советском обществе, о великой эпохе, персонифицированной вождем, учителем народов – и все это несмотря на массовые репрессии, выкашивавшие целые слои общества. На фоне пропаганды о «врагах», «обострении классовой борьбы» и т.п., репрессии, похоже создавали дополнительные социальные лифты, не говоря об использовании, фактически, рабского труда в системе ГУЛАГа.

Великая Отечественная война, восстановление, пропагандистское противостояние в «холодной войне», достижения в освоении космоса, осуждение культа личности, хрущевская «оттепель» дали новый виток гражданского самосознания.

К 1960-м годам в СССР большую часть населения страны уже составляли горожане. Сложилось своеобразное массовое общество, постепенно приобретающее предпосылки для перехода в общество массового потребления. Собственно именно потребительские установки населения и сложившаяся партийно-хозяйственная номенклатура, пожелавшая институционально конвертировать власть в собственность и развалили СССР.

Сформировавшаяся номенклатура типологически близка «революции менеджеров» Д.Бернхема¹⁴⁴, открывая перспективу «конвергенции»¹⁴⁵.

Любопытна в этом плане горбачевская «перестройка», романтически предполагавшая вхождение страны в мировое экономическое и политическое пространство, отказ от холодной войны, новое мышление, гласность и прочий социализм с «человеческим лицом». Эту гуманиза-

¹⁴⁴ Burnham J. The managerial revolution: what is happening in the world. NY: The John Day company, 1941.

¹⁴⁵ Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. М: АСТ, 2004.

цию режима поддержали именно горожане – интеллигенция, бюджетники – те, кто больше всех проиграли в результате этих пертурбаций, особенно – поспешной «прихватизации».

Казалось, что вот уже оно на пороге – либерально-демократическое общество... Но – отмена руководящей роли КПСС, территориально-производственного принципа ее организации и деятельности, – фактически выдернули гвоздь, на котором держался СССР. Этно-федералистский дизайн, который никто всерьез не воспринимал, национальная политика, понимавшаяся как формирование культуры – национальной по форме, но социалистической по содержанию – новой исторической единой общности – советского народа, неожиданно наполнились реальным содержанием. Это содержание было именно национально-буржуазным. Сформировавшиеся национальные элиты решили стать полноценными хозяевами своего «бутика».

Было ли это новой волной «домодернизации» страны, новым этапом буржуазной революции? Отчасти и несомненно – да. Появились новые собственники, предприниматели... 2000-е годы «тучных коров», особенно в больших городах зародили основы нового самосознания. Сформировалось уже не менее двух поколений людей, у которых появились свои квартиры, машины, у некоторых бизнес и у них появился запрос на жизнь по правилам. Не виданное ранее – в полночь на пустом перекрестке люди стоят и ждут зеленый свет светофора! Это продемонстрировал довольно массовый гражданский протест 2011 года против фальсификаций на выборах в Госдуму. Протест был именно гражданский, а не политический. Таким же гражданским протестом была и протест против коррупции 26 апреля 2017 года.

Более того, у этих горожан возникла вполне естественная потребность гордиться своей Родиной. Этот естественный буржуазный национализм не был правильно понят некоторой либеральной общественностью. Это оказалось еще одним парадоксом – «свои своих не узнаша». Бывшие советские правозащитники не признали национализм новой буржуазии, а та не увидела места в новой жизни своим буревестникам. Пик этой волны буржуазного национализма пришелся на события 2014 года – ровно через 100 лет.

Нельзя не отметить смысловой сбой. Новые буржуа вышли на улицы с, по сути, гражданским протестом. Но власть, призванная обеспечивать гражданство, заговорила с обществом на языке культурной идентичности, которая была и осталась архаичной. Формирование нации может идти «снизу» – на базе аккумуляции («русскость»), и «сверху» – на базе правовых институтов

(«российскость»)¹⁴⁶ В современной России все наоборот: государство («сверху») апеллирует к культурно-историческому наследию, а граждане («снизу») – к правовым гарантиям.

В результате, современный российский социум не воспринимает идею гражданской идентичности – на которой основывается буржуазный национализм. Сказываются наследие советской национальной политики, породившей этнофедерализм, а также отождествление этничности и национальности (достаточно вспомнить пятую графу в паспортах, где этническая принадлежность обозначалась как национальность).

Да и патриотический энтузиазм проявляется в непроизводительных формах. Например, в форме «диванной поддержки» славных побед на международной арене над недругами России, демонстрируемых на экранах телевизоров. Или в других сферах потребления: ношении патриотичных футболок, бейсболок... И на этом фоне – реально – социум не консолидирован. Дело даже не в социальном неравенстве, а в пронизывающем все уровни и формы социума недоверии. Парадоксальность этого этапа буржуазной революции в России в ее реакционности, акцентировании исторической памяти, отсутствии образа будущего и пути к нему.

Похоже, что и национальная идентичность – «не совсем национальная», а в большей степени выражает имперское и постимперское самосознание, гордость за имперское прошлое и фантомные боли его утраты. Русские были и остаются «племенем власти» (М.Гефтер, Г.Павловский).

Но все это уже выводит за рамки данного рассмотрения, главным итогом которого можно признать, что буржуазная революция, которая причудливым образом длится в России уже боле столетия, все еще далека от институционального завершения.

Судьба либерализма в России

Либерализм в России затаскан до неприличия. Политический либерализм был дискредитирован неоднократно до и после революции. В 1917 году, когда интеллигенция, оказавшись у власти, довела ситуацию до состояния, когда эта власть к осени валялась на улице как тряпка, которую мог взять любой. Любой ее и взял. Ленин с его представлениями о морали («мораль – выдумка слабых, жалобный стон

¹⁴⁶ *Миллер А.И.* Нация, или Могущество мифа. СПб: Изд-во ЕУ СПб, 2016, с. 142.

неудачников») откровенно глумился над социал-либералами. Второй приход либерализма в конце 1980-х – начале 1990-х оказался не лучше. Бездарно проведенные реформы были связаны с «экономическим либерализмом». В результате представления о либерализме как «либеральничаньи» дополнилось «либерастами» и «дерьмократами», развалившими страну и экономику. Добил ситуацию с политическим либерализмом близкий к гениальности (с точки зрения политической манипуляции) проект ЛДПР, первой (раньше КПрФ) зарегистрированной партией в СССР, – проект, дулетом дискредитировавший в общественном сознании великие идеи либерализма и демократии, потому как эта партия ни к либерализму ни к демократии не имеет абсолютно никакого отношения. Заодно в деятельности партии и фигуре ее лидера была дискредитирована и публичная политика как таковая. Что-то серьезно «не так» в российском общественном сознании с либерализмом... Настолько серьезно, что впору задаться вопросом, в духе преследовавшего Клина Самгина: «А был ли мальчик?»

Надо разбираться в сути дела, определяющей его политические и экономические проявления. В этой связи замечательный материал дает многолетнее исследование А.П.Давыдова. Уже с выходом его работы об А.С.Пушкине и проблеме становления «срединной» культуры в России¹⁴⁷ был ясен масштаб и глубина задуманного и реализуемого этим автором. Далее последовали его книги о Н.В.Гоголе¹⁴⁸, М.Ю.Лермонтове¹⁴⁹, В.О.Пелевине¹⁵⁰, в которых (как и в отдельных статьях) осмыслялось также творчество И.А.Гончарова, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, М.А.Булгакова, В.В.Ерофеева, В.С.Маканина. Речь шла именно о целостном осмыслении, а в изрядной степени и переосмыслении отечественной литературной классики, судьбе ее потенциала в наше время. И это осмысление основывалось на существенно новом прочтении концептуального содержания сердцевины и гордости российской культуры.

А.П.Давыдов – социолог, выбравший нетривиальный подход к анализу специфики и перспектив российского общества: он обобщает

¹⁴⁷ Давыдов А.П. «Духовной жаждою томим»: А.С.Пушкин и становление «срединной» культуры в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

¹⁴⁸ Давыдов А.П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М.: Новый хронограф, 2008.

¹⁴⁹ Давыдов А.П. Поверить Лермонтову. Личность и социальная патология в России. Алматы: Рондо, 2006.

¹⁵⁰ Давыдов А.П. Между мистикой и рацио. Проблема изменения типа русской культуры в произведениях Виктора Пелевина. М.,-Алматы. 2006.

опыт критического анализа этого общества, накопленный в художественной литературе. Такой подход не только вполне естественен – с учетом места и роли литературы в российской культуре, он уже был реализован, и неоднократно. Русские писатели как аналитики русской культуры... Российская культура создала себя не в работах философов, а с помощью писателей и их критиков. Русская литературная классика – это не только «энциклопедия русской жизни». Она дала критическое осмысление этой жизни, подняла темы и выработала систему образов, обогативших не только отечественную культуру. Каждому еще со школы известны клише «особого гуманизма», «критического реализма», «трагедии маленького человека», «трагедии лишнего человека», «нового человека»... А.П.Давыдов, однако, взрывает эти привычные клише, реализуя «сквозное» прочтение отечественной литературы под ракурсом развития в ней потенциала свободной и ответственной личности. И привычные взгляды, оценки такое испытание не выдерживают, отходят на второй план, открывая иные, иногда очень непривычные горизонты творчества конкретных авторов, русской литературы, российской культуры в целом.

Итогом этого переосмысления классического наследия стала книга «Неполитический либерализм в России».¹⁵¹

Концепт «неполитического либерализма» чрезвычайно важен для понимания особенностей российской истории, настоящего, а значит и – перспектив. А главное – причин непонимания либерализма как мировоззрения свободной и ответственной личности, мировоззрения, формирующего нравственно автономную личность. Такая личность, способная к нравственному поведению не в силу внешних ограничений, а внутренне выработанных и принятых правил, норм – идеал любой морали. Но либерализм не просто строится на основе идеала свободы как ответственности, а предполагает и отношение к другим людям как столь же свободным и ответственным. В России же на протяжении всей ее истории, да и до сих пор свободу понимают как волю, а либерализм и демократию – как нечто противоположное личной морали, дисциплине и социальному порядку. И тогда становится ясным, что главное в либерализме – не только, а главное – не столько экономическая или политическая либерализация, сколько либерализм именно личностный, неполитический, что и политический, и экономи-

¹⁵¹ Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М.: Фонд «Либеральная миссия», «Мысль», 2012. – 644 с.

ческий либерализм невозможен без либерализма неполитического и носителей этого мировоззрения.

Именно поиски ростков, проявлений неполитического либерализма в сокровищнице и гордости российской культуры и составили главную задачу А.П.Давыдова. В своем анализе он опирается на концепцию «медиации», развитую выдающимся отечественным социологом культуры А.С.Ахиезером¹⁵².

Русская литература прямо создана для такого подхода. В ней абсолютно точно прослеживаются два крайних полюса российской культуры. С одной стороны, – «народ безмолвствует», Калиныч, Платон Каратаев, горьковское «народушко»... А с другой – революционаризм «новых людей» Н.Г.Чернышевского, базаровского нигилизма, горьковские Сокол, Буревестник, Человек... При всей противоположности этих полюсов – пассивно претерпевающего и гипер-активного – их объединяет проявляющаяся в них неотмирность, стремление к трансцендированию в иное. Такая апофатика¹⁵³ в целом характерна российскому духовному опыту и культуре, определяя ее постоянные инверсионные срывы в радикальные крайности неведомой архаики или «неба в алмазах». Как уже отмечалось во второй главе

¹⁵² Термин «медиация» был введен К.Леви-Строссом для обозначения альтернативы сложившимся в рамках культуры смысловым структурам. Согласно А.С.Ахиезеру, медиация есть процесс и результат рефлексивного поиска выхода за рамки сложившейся культуры. В этом плане медиация противостоит партиципации как воспроизводству сложившихся стереотипов. Следствием доминирования партиципации становится неспособность выработки механизмов последовательного кумулятивного развития и систематические инверсии: хождения по кругу, «шараханья» между противоположными стереотипами, неспособность выйти за их рамки. Главным условием реализации медиации является рефлексивная деятельность субъекта, способного к ответственному самоопределению. Этот комплекс идей был положен А.С.Ахиезером в основу его весьма внятной и ясной модели объяснения особенностей динамики исторического развития российского общества как инверсивного преимущественно. Идея медиации развивается также в работах А.А.Пелипенко, И.Г.Яковенко.

¹⁵³ Апофатика (апофатизм) – традиция отрицательного богословия, в котором Божественная сущность выражается путем отрицания всех возможных определений, как несоизмеримых с ее природой. Этим апофатика отличается от катафатики, приземляющей Божественное, дающей ему конкретные (позитивные) характеристики. В духе апофатической традиции, обоснованной в трудах Псевдо-Дионисия Ареопажита, «Бог не есть ни знание, ни истина, ни царство, ни мудрость, ни единое, ни блаженство, ни дух в том смысле, как мы его знаем... Мы молимся о том, чтобы войти во мрак по ту сторону света; через невидение и незнание видеть и знать то, что само вне видения и знания: не видя и не зная. Ибо отрицанием всего, что есть, мы видим, знаем и внебытийно славим внебытие». Поскольку сознание имеет дело только с определенными, позитивными представлениями, а в апофатике Бог ускользает от определенности, постольку истина о Боге может открыться лишь через преодоление сознания, по ту его сторону, в той бездне, где растворены и погашены все проявления позитивного конкретного знания.

данной работы, в славянской мифологии отсутствует «культурный герой», персонаж – аналогичный Прометею или Вьянмейнену – научивший конструктивной деятельности, труду. В титульной русской поэзии не воспет каждодневный труд, воспринимаемый как тяжкое испытание.

И в этом достаточно хорошо известном смысловом комплексе А.П.Давыдов хочет найти, ищет и находит ростки, источники медиации, срединного личностного пути. Логика этого исследования сна и последовательна. На материале творчества А.С.Пушкина формулируется проблема самостоятельной свободной и ответственной личности. На примере лермонтовского Демона выявляется выражение сути дела нравственного выбора. Далее прослеживается максимально содержательное развертывание идеи у Н.В.Гоголя, ее сопоставление с реальностью, «верификация» у И.А.Гончарова, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова. И – применение к постсоветской реальности культуры пост советского общества (В.Ерофеев, В.Пелевин, В.Маканин).

А.С.Пушкин и в неполитическом либерализме – «наше все». Именно им впервые был чутко уловлен, пережит и выражен нерв напряжения между двумя полюсами трансцендентности народа, который «безмолвствует», и русского не менее молчаливого Бога. А в центре, между этими полюсами – личность, самореализацию которой А.С.Пушкин связывал с искусством и наукой – аполлонически-ренессансным началом.

По хорошо известным словам А.И.Герцена, «русский народ в ответ на царский приказ образоваться ответил через 100 лет громадным явлением Пушкина». Не случайно ярчайший период в развитии культуры города носит название «Пушкинского Петербурга» и который отнюдь не заканчивается со смертью великого поэта.

Петровские реформы востребовали и явили обществу целую плеяду ярких личностей разных сословий, раскрыли людям инициативным невиданные ранее в России возможности самореализации. Не менее ярким результатом петровских реформ стали декабристы – молодые офицеры, т.е. – представители наиболее образованного тогда слоя общества, большинство из которых имело опыт победоносной войны 1812 года, поколение победителей, поивших своих коней в Сене, прошедших всю Европу и своими глазами видевших разумное обустройство жизни.

Речь идет не просто о новом для России типе личности – просвещенного аристократа-дворянина, как первого российского интеллигента, но и дополняющем его, чутко уловленном А.С.Пушкиным в

«Медном всаднике», вырастающем на противостоянии «медного истукана» (бездушного и антигуманного имперского величия) и «бедного Евгения», простом «маленьком» человеке, нашедшем в себе силы для духовного протеста. Пушкиным, похоже, был также и обнаружен и архетипический для российской интеллигенции жест: грозить власти «ужо тебе!», а самому бежать к Параше, или – к параше.

Неполитический либерализм проявляется и в теме самозванства, к которой А.С.Пушкин проявлял не то что повышенный интерес, как особому способу изображения человека». Основные пушкинские герои – так или иначе, в той или иной степени – самозванцы. Собственно, все творчество А.С.Пушкина пронизано темой самозванства. Не только «Борис Годунов», «Капитанская дочка», где речь идет об исторических самозванцах, или романтическое самозванство в «Дубровском». Лирика («...я ей не он»), констатация «механизма» приобретения статуса в «Золото и булат»... «Родословная моего героя» в неоконченной сатирической поэме «Езерский»... Удивительно, как исследователи проходили мимо этого факта.

Более того, тема самозванства – глубоко личная для «солнца русской поэзии». Сдвиг социального статуса и идентичности, торжество ролевой сиюминутности глубоко задевали А.С.Пушкина, переживались им весьма болезненно. Особенно на фоне камер-юнкерства, полученного им в конце 1833 года, и когда он оказался на одной доске с 18-летними недорослями, и, чем дальше, тем болезненнее воспринимались и переживались им проблемы мундира, пуговиц, присутствия при молебнах, представлениях...

И это не личные обиды. Пушкин из своего двусмысленного положения делал исторические обобщения. В пушкинском дневнике есть запись о состоявшемся 22 декабря 1834 года разговоре с Великим князем у Хитрово. «Потом разговорились о дворянстве. Великий князь был противу постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers etat,¹⁵⁴ сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если в дворянство можно будет поступать и из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре двор не будет существовать, или (что все равно) все будет дворянством. Что касается до tiers etat, – что же значит наше старинное дворянство

¹⁵⁴ Третье сословие (фр.).

с именными, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатство? Этакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне... Говоря о старом дворянстве я сказал: "Nous, qui sommes aussi bons gentils hommes que l'Empereur et Vous..."¹⁵⁵ Эта пушкинская реплика представителем царствующего дома расценена разве что не как якобинская: «Вы истинный член Вашей семьи. Все Романовы революционеры и уравниатели».

Пушкин очень точно определяет корни российского самозванства (смена социального статуса «по роду» и по рождению на личностно-ролевой) и его причин (проблема собственности и власти). А в «Моей родословной» он делает вывод вполне в духе новейшей персонологии:

«...Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил,
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил,
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин.
Я не богач, не царедворец.
Я сам большой, я мещанин».

Думается, что наиболее глубоко «копнул» самозванство А.С.Пушкин в «Повестях Белкина». Если в «Борисе Годунове» и «Капитанской дочке» тема самозванства раскрывается большей частью на материале «большой истории», и интерес к ней можно увязать с пушкинским интересом к отечественной истории, да и личным корням в этой истории, в «Повестях Белкина» самозванство раскрывается уже на других уровнях. Самозванству придается статус достаточно распространенного феномена обыденного опыта и сознания – с одной стороны, а с другой – оно увязывается с метафизикой человеческого существования вообще. А.С.Пушкин рассматривает самозванство как способ преодоления слепого случая, сотворения «случая» по собственной воле, т.е. как сознательный проект – так, как это делают Лиза Муромская, ротмистр Минский...

А.С.Пушкин глубоко прочувствовал, точно выразил и диагностировал проблему российского самозванства. Ее корни – в традиционной для России идентичности личности, ее оценки и самооценки в зависимости от статуса. Поэтому развитие буржуазных отношений, третьего

¹⁵⁵ Мы, которые являемся такими же хорошими дворянами, как Император и Вы (фр.).

сословия выход на первый план людей не с родовым статусом, а лично талантливых, удачливых, не может не вызывать социальных напряжений. Эта проблема особенно остро проявляется именно в России, где личный успех должен получить легитимизацию в социальном статусе и быть закреплен в социальных привилегиях.

Причины эти четко проговариваются и в «Борисе Годунове». Как Самозванцем в его признании Марине Мнишек: «Не презирай младого самозванца; // В нем доблести таятся, может быть, // Достойные московского престола...», так и Борисом Годуновым: «Не род, а ум поставлю в воеводы; // Пускай не спесь о местничестве тужит; // Пора презреть мне ропот знатной черни // И гибельный обычай уничтожить» /

Самозванца А.С.Пушкин изображает как новый для русской жизни тип личности, строящий свою жизнь своею волею, в соответствии со своею мечтой. Он вне традиционной пассивности, веры, с одной стороны, в чудодейственное спасение, с другой – в простое «авось». Фактически это первый русский европеец. И значение этой фигуры выходит далеко за исторические рамки Смутного времени. В этом столкновении «русского европейца» с традиционным жизненным и духовным укладом А.С.Пушкин еще в допетровской эпохе обнаруживает главный конфликт русской культуры и самосознания.

Пушкинский Самозванец открывает продолжительный период «кризиса личности в российской истории. И весь «Борис Годунов» – о том, как расплзаются ткани общества под мощными импульсами тотального, всеобщего самозванства. Отрепьев – ищет реализации амбиции «тешиться в боях и пировать за царской трапезой». Шуйский – реализации амбиций древнего рода. Басманов – утверждения ума и силы. Марина – замужества за властелином московского трона. Это не просто игра интересов, а утверждение identity, ее трактовок и версий. Кто Я? И почему не Я? И стоило умереть Борису, как все расплзлось и рухнуло.

Речь идет о разгуле всеобщего самозванства как осознания своих личных возможностей, воли, но еще не ответственности. Это социальная ломка рождения личности, когда главный акцент делается на взламывании социальных границ энергией личной воли и случая (удачи, *lucky strike*). Но еще не укорененной ответственности. Российская смута в пушкинском воплощении – эпоха незрелых личностей и незрелой морали!!! И она растянулась в длительной традиции самовоспроизведения еще на два столетия. Декабристы вывели солдат на Сенатскую площадь, обманно убеждая их необходимостью вступить-

ся за Константина Павловича, не отказавшегося, якобы, от престола, а заточенного в крепость. П.Нечаев мистифицировал А.И.Герцена и М.Бакунина рассказами о готовой к действию сети революционных организаций, а своих единомышленников – рассказами о безусловной и масштабной финансовой поддержке за рубежом. Народники распространяли манифесты и прокламации то от имени мифического «Центрального революционного комитета», то – даже от имени царя, обманутого дворянами. Сами они при этом ходили в народ зачастую ряжеными, под видом разнорабочих, крестьян. Завершилось все захватом власти и установлением государства, основатели которого выступали под партийными кличками.

С этих позиций открывается интересная перспектива рассмотрения российской интеллигенции в трех ее основных ипостасях (аристократической, разночинной и советской) именно в терминах самозванства. Ее европеизированность в сочетании с оторванностью от национальной культуры, неукорененность в ней создают особую феноменологию раздвоенности сознания. Положение российской интеллигенции изначально и постоянно двусмысленно – как по отношению к власти, так и по отношению к народу. С одной стороны, она всегда «знает, как надо», и у нее у власти всегда «не те». С другой стороны, – готовность любой российской власти подсовывать свои проекты, не отвечая за последствия. Власть интеллигенцию не любит и не доверяет ей. И не обосновательно. То же и с народом. С одной стороны, понимание своей искусственности, возникновения и кормления за счет народа, комплекс вины перед ним, с горьковским придыханием «народушко». С другой – готовность втягивать народные массы в различные авантюры. Несостоятельность российской интеллигенции полностью проявилась в очень краткие периоды нахождения ее у власти, когда страна в считанные месяцы доводилась до катастрофы в 1917 году и в конце 1980-х – начале 1990-х. Российский народ интеллигенцию не любит, не доверяет ей. И тоже – небезосновательно.

Тема оторванности от социума, «лишнего человека», «не совпадения с самим собой», широко и представленная в классической русской литературе, фактически, с развиваемой точки зрения, – ни что иное, как тема самозванства. Чацкий, Онегин, Печорин, даже Чичиков и Хлестаков, а тем более – Ставрогин и подпольный человек Достоевского – всех их объединяет тот тип сознания, который восходит к пушкинскому Самозванцу.

В силу ряда исторических обстоятельств в России затянулся переход от сословного общества к гражданскому. Массовое общество и

массовая культура уже торжествовали в СССР, но социальный статус определялся принадлежностью некоему сословию и распределение социальных благ осуществлялось именно в соответствии с таким статусом. Именно проблема привилегий и социальной справедливости была дрожжами, на которых поднялась массовая поддержка перестройки и «демократической революции» конца прошлого столетия. Именно на волне борьбы с привилегиями поднялся и пришел к власти Б.Н.Ельцин.

И при всем при этом Россия – вполне современное массовое общество, с массовой культурой, транслируемой СМИ, прежде всего – телевидением. Сериалы, жизнь «звезд», торгово-развлекательные центры, массовая литература, доступный туризм – все это составляет основное содержание «духовной жизни» большинства россиян, готовых пуститься в погоню за Удачей (Счастливым Случаем) в виде некоего выигрыша в телеиграх, викторинах, конкурсах, удачного замужества и прочего поворота Колеса Фортуны. Все точно так же, как в «Повестях Белкина», в стилистике то ли розового романа («Метель»), то ли истории путаны («Станционный смотритель») с проглядываемой перспективой сознательного проекта манипуляции («Барышня-крестьянка»). А в современном проектно-сетевом социуме, когда позиционирование личности, ее социальный капитал приобретают все более отчетливый публичный характер, самозванство – как самопродвижение или (по удачному выражению Д.А.Пригова) «самоидентифицирование» – становится требованием к жизненной компетентности.

Наконец, А.С.Пушкин прозорливо увязывает проблему самозванства с проявлениями мещанства, фактически – формированием массового общества и массовой культуры¹⁵⁶, даже оговаривает неоднозначную роль просвещения в этих процессах. Сам А.С.Пушкин это замечает походя, вскользь. Между тем, этот аспект пушкинского «урока самозванства» принципиально важен для понимания особенностей современного общества и современной персонологии.

В принципе, любая культура построена на традиции, инерции преимущественно. Ю.М.Лотман тоже понимал культуру как внегенетический способ наследования информации о поведении. Культура принципиально противостоит творчеству. Вопреки расхожему штампу «культура и творчество», творчество на протяжении почти всей

¹⁵⁶ «Повести Белкина» самим автором писались в расчете на массового читателя – и тематически, и сюжетно – на грани пародии на зарождающиеся жанры «розового» и «готического» романа, триллера, хоррора. «Повести Белкина» вполне могут рассматриваться как классика отечественной массовой литературы.

истории преследовалось и изгонялось: как ересь, измена завету предков (Сократ, Иисус), хулиганство (в искусстве новейшего времени), «болезнь» типа «вялотекущей шизофрении», от которой принудительно лечили советских диссидентов. Только одна культура в истории поставила на творчество как на ценность – культура Возрождения, Просвещения, «фаустовская» культура *Abendlandes*, которая определяет лицо нынешней цивилизации.

Наиболее резко тема противостояния творческой личности и архаически религиозного общества, согласно А.П.Давыдову, представлено у М.Ю.Лермонтова. Его «Дума» и «Пророк» четко задали крайние проявления российского нравственного выбора либо тупик растворения в безликой архаике, либо трагедия «внезаходимости» к этой реальности. Метания между этими полюсами и порождают глубокую патологию русского сознания, его нравственную окаленченность: неспособность любить, холодная рефлексия, завистливость и мстительность, интриганство, равнодушие к другим людям и жизни вообще...

Лермонтовский Демон воплощает личностный протест против попустороннего, против крайностей трансценденции, стремление быть в мире, поиск и утверждение истины в этом мире. А.П.Давыдов справедливо видит в этом проявление духа Нового времени с его новозаветной темой взаимопроникновения божественного и личного, выстраивания на основе самоанализа нравственного пути и новых культурных форм. Причем, в отличие от Европы, реформация духовного опыта в России осуществлялась не через церковь, а через литературу, начиная с Пушкина и Лермонтова (с.512).

Несколько неожиданно выглядит у А.П.Давыдова роль Н.В.Гоголя в раскрытии темы неполитического либерализма. Гоголь – утилитарист, певец собственности выглядят как откровение. Обычно второй том «Мертвых душ» понимается как неудача в попытке переноса стилистики «Вечеров...» сначала на Петербург, а потом на всю страну. А.П. Давыдов убедительно показал, что это весьма и весьма поверхностно и не по сути. Другой разговор, что гоголевская апология собственности, хозяйственности – одна из разновидностей российского утопизма, за которым проглядывает все та же апофатика.

Специальное внимание уделяет А.П. Давыдов творчеству И.А. Гончарова. Причем особый интерес у него вызывает образ Штольца, предстающий по мнению исследователя буквальным продолжением темы пушкинского Самозванца и лермонтовского Демона, попыткой реализацией соответствующего типа личности в реальных условиях конца XIX века в России. Штолец нашел себя

в сфере, нехарактерной для России, – в рынке и предпринимательстве. Его, как предпринимателя, более всего интересует собственная способность выработать свою мораль – с учетом традиционных ценностей, но найти свой путь. Он участвует в производстве и продаже новых товаров, в банковском деле, демонстрируя открытость, прозрачность, надежность. Речь, фактически идет о новой логике реализации русской действительности – через диалог и ответственное социальное партнерство. Штольц призывает Обломова: «Вон из этой ямы, из болота, на свет, на простор, где есть здоровая, нормальная жизнь!» Фактически, это призыв к старой и косной, архаичной русской культуре. Типологически к образу Штольца близки Ольга и Вера из «Обрыва».

И.С. Тургенев оставил не только анамнез нигилизма как предбольшевизма в сознании разночинца, но и попытался выстроить меру религиозности в культуре, отсекающую соборную и нигилистическую крайности, гуманизирующую божественное в человеческом и человеческое через божественное. В тургеневском творчестве с его максимой «Хочу истины, а не спасения!» в российскую культуру продвигается гуманистический дух Нового завета и, Ренессанса и Реформации, дающий всему русскому европейскую меру.

И от тургеневского Рудина к чеховским персонажам нарастает тема тотальности тупика в развитии русскости. Ф.М. Достоевский крупным планом *blow up* продемонстрировал ее зависание неукрепленной в реальности парадоксальной экзистенции, невозможности ее укоренения в ткань российской жизни. А.П.Чехов – зафиксировал неспособность и даже страх жить самостоятельно российского среднего класса и городской интеллигенции, призвав их выдавливать из себя по капле раба.

А.П.Давыдов трактует неполитический либерализм русской литературной классики как противопоставление Иисуса Нового завета – ветхозаветному русскому Богу... И это согласуется с результатами исследований особенностей русских духовных песен, предпринятых в разное время Г.В.Федотовым и С.С.Аверинцевым. В этих песнях место канонической Троицы занимает фактическая «Двоица» – Иисус сливается с Богом-Отцом, воспринимается как Господь, Владыка Небесный, Вседержитель.

А.П.Давыдов говорит об оппозиции Бог – человек, как оппозиции всеобщего и единичного, отождествляя устремление к Богу с религиозной практикой. Для монотеизма это большей частью верно, но, ведь, существуют мировые религии без идеи Бога (буддизм,

конфуцианство). Думается, что дело в более глубоких оппозициях. В этом плане, важнейшим фактором представляется именно апофатизм: русское православие даже более апофатично, чем греческое. Наверное, сказывается финно-угорский след в русской культуре. И тогда на первый план выходит не столько общее-единичное, этничность-индивидуальность, сколько оппозиция трансцендентализма (апофатики) и имманентности, иррационального и рационального, ничто и сделанности. Как в математике – противостояние актуальной бесконечности и потенциальной осуществимости (платонизма и конструктивизма).

И тогда дело не трансцендентальном Абсолюте, а в претензиях на его воплощение здесь и сейчас людьми, которые отождествляют себя с ним, приписывают себе знание его мотивации, т.е. – по В.Соловьеву – в человекобожии (не путать с богочеловечеством). И это очень российский сюжет. Как замечал Д.М.Мережковский: «Л.Толстой произносит имя человеческое; а все чувствуют, что это не только Человек. Достоевский произносит им я Божеское; а все чувствуют, что это не только Бог...».¹⁵⁷

В начале XX века Россия не признала Лопахиных и перспективу капиталистической модернизации, поверила марксизму, что капитализм и либерализм доживают последние дни, а им на смену идет новое общество без частной собственности, и дело только за пролетарской революцией и экспроприацией экспроприаторов, что оправдало заодно и переход от индивидуального террора к классовому, а затем и массовому. Интеллигенция предпочла «слушать музыку революции».

Намечавшаяся в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, философско-религиозных исканиях Серебряного века¹⁵⁸ «российская реформация» не состоялась. Срыв в трансцендентную архаику привел к отчаянной попытке утверждения трансцендентной абсолютной справедливости, царствия Божия в отдельно взятой стране. Этот опыт был гениально описан А.П. Платоновым, главным стремлением персонажей которого было увидеть потустороннее.

Дело закончилось национализацией 1918 года, Гражданской войной и срывом в архаику госфеодализма. Не признала Россия и «ка-

¹⁵⁷ Мережковский Д. Вечные спутники. М., 1995, с.478.

¹⁵⁸ Согласно Д.М. Мережковскому, если Ветхий завет открыл нам Бога как истину, а Новый завет – истину как любовь, то грядущий завет откроет нам любовь как свободу.

тастройку» с «прихватазацией», обвинив во всех бедах «либерастов», отшатнувшись к заигрыванию с архаикой фундаментализма.

Тренд очевиден. Высоко поднятая А.С. Пушкиным планка неполитического либерализма в дальнейшей истории систематически снижалась – как общая культурная планка. Тенденция от петровской эпохи к раздвоению на евгениев да акакий-акакиявичей с аристократией, крах последней и раздвоение образованного разночинства на революционеров-демократов и гиппиус-мережковских, крах последних и раздвоение на зощенковских и вагиновских персонажей, продолжение полуподпольного существования последних на фоне формирования образованщины – слишком очевидна и убедительна. Амплитуда маятника российской культуры, широко раскаченного Петром I, уменьшалась и уменьшалась. В наши дни маятник почти встал.

Приходится признать, что общий исторический цивилизационный тренд урбанизации, формирования соответствующего образа жизни, буржуазного национального государства, демократизации не оказался органичным для российского общества. Насильственная урбанизация привела к тому, что «бывший общинный крестьянин, ставший городским жителем, все еще ориентируется на патриархальные общественные отношения. Развитие денежных отношений, капиталистического менеджмента, формирование гражданского общества, распад патриархальности вызывает в нем колоссальный комплекс неполноценности. Поэтому его положение в городе, где он по-прежнему хочет, но уже не может быть патриархом, а почувствовать себя личностью, свободной от патрон-клиентских отношений не получается, вызывает у него неснимаемый, хронический приступ ущемленности самолюбия»¹⁵⁹.

Предложенное А.П. Давыдовым прочтение русской классики освобождает ее восприятие, освобождает от навязываемых со школьной скамьи стереотипов, упрощенных трактовок, восходящих к отформатированным советской критикой интерпретаций В.Г. Белинского, Д.И. Писарева... Открываются новое содержание и новая роль отечественной классики. Так, «лишний человек» предстает ответственной, самостоятельной личностью, представителем цивилизационного фронта, аттрактором модернизации российского общества. А его «лишность» оказывается связанной с органической неспособностью российской культуры к принятию такой личности, без которой невозможна полноценная экономическая, политическая, личная жизнь.

¹⁵⁹ Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России., с. 519-520.

Этот ключ был применен А.П. Давыдовым к поздней советской и постсоветской литературе (В.В. Ерофеев, В.С. Маканин, В.О. Пелевин). И оказалось, что постсоветская литература зафиксировала уже результат его деградации и разложения: неспособность личности принимать решения, и поэтому – неспособность жить. Критика общества продолжалась и в советское время: М.М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров, В.П. Аksenov, А.И. Солженицын, В.Н. Войнович... Но, после М.Ю. Лермонтова, пожалуй, только М.В. Булгаков и наши современники В.В. Ерофеев, В.С. Маканин, В.О. Пелевин осмелились поднять руку на священную корову архетипичности русской культуры: ее соборно-авторитарную специфику, ее понимание личности, доминанту сакрализованной власти, ее неспособность к конструктивному реформированию, ее нравственный максимализм в сочетании с вопиющим правовым нигилизмом...

В. Ерофеев пишет о цивилизационно не сложившейся личности, неспособной преодолеть внутренние противоречия. Пелевинский человек ищет истину, когда все старые представления себя дискредитировали, новые не найдены, и не понятно – как и где их искать. В.Маканина интересует раскол между личностью и народом как незыменяемой толпой при неовыделенности личности из этой толпы, неспособность вступить в конструктивный диалог.

В. Ерофеев говорит об исчерпанности человеческого потенциала в России, о неспособности российской культуры породить личность, способную к самоопределению. Современный носитель российской культуры, не справившись с миром, – пишет В. Ерофеев, – «...отворачивается от мира, обиженный, и культивирует в себе обиженность, подозрительность к миру как дорогую истину в последней инстанции».

И результатом этого становится общество тотального недоверия, экономика недоверия, дикий банковский процент, перегороженные дворы, железные двери с множеством запоров.

Развитие событий показывает, что некоторая часть российской интеллигенции понимает и хочет модернизации страны. Но простого желания мало. Нужны не просто идеи, но и понимание – как их реализовывать, понимание последствий такой реализации, воля и ответственность. Критическая масса людей с длинными мыслями и длинной волей в России еще не сложилась.

«Тысячи цивилизаций умерли, неспособные вовремя измениться и найти в себе внутренний ресурс, чтобы начать адекватно отвечать на вызовы жизни. Мы живем в эпоху, когда личность как мировой фе-

номен из диссидента, изгоя, еретика и самозванца становится новым основанием культуры, а ее оппонент – лермонтовский «нравственный калека», гоголевские «свиные рыла», его же человек «ни то, ни се» «гончаровско-ерофеевский «урод» – оттесняется на периферию социальной динамики. Разве в этих условиях Россия не остается единственной в христианской культурной зоне страной, где «нравственный калека» торжествует над личностью в человеке? И разве Россия не виновата в том, что она до сих пор «страна рабов, страна господ»?... Разве не позор не мочь, когда все могут, и доказывают, что могут, а мы лишь оправдываем свою немочь?»¹⁶⁰.

А.П.Давыдов отмечает и то новое, что открыла в нашей культуре новейшая литература: новый тип русской женщины. Уходит женщина, тысячу лет ждавшая русского мужчину. Не дождалась. Уходит и женщина – спасительница мужчины. «Вдруг проявилось то, что всегда было, о чем мы в России знали, но никогда не говорили ясно и открыто... Пелевинская женщина ...осознала свое ...не только нравственное превосходство над мужчиной, оно всегда в русской литературе отмечалось, но и культурное. Она вдруг поняла, что именно через ее, а не его рефлексию в России рождается новый тип культуры, и решительно изменила свои отношения с мужчиной. Бросила: не лев ты – пес мелкоэфэсбэшный, слепой, тупой, зря брешущий и мне больше не пара. И отвернулась – пшел вон!»¹⁶¹.

А.П.Давыдов глубоко прав: русская литература не освоена и не осваивается российской культурой так, как, например, Шекспир и Байрон в Англии или Гете в Германии, не видя и не понимания в отечественной классике главного содержания ее реального гуманизма. Мера новизны, предлагаемой русскими писателями – в смысле личности как антично-новозаветного, ренессансно-реформационного, пушкинско-лермонтовского основания культуры. И такое представление о личности как субъекте культуры и общества до сих пор остается новой постановкой вопроса для России.

Более того, русская литература только нащупывает пути критики персонажа «народ», который на Руси (в отличие, например, от Библии) всегда прав, и критиковать который аморально. Народ во время войны – это глас Божий (Л.Н.Толстой), во время революции – свят (М.Горький, А.Блок, А.Серафимович), тем более свят

¹⁶⁰ И там же, с. 528-529.

¹⁶¹ Там же, с. 601.

– в сталинских лагерях (А.И.Солженицын), и вообще – Богоносец (Ф.М.Достоевский). Такова русская литературная традиция. В этой связи А.П.Давыдов особое внимание уделяет маканинскому «Лазу», в котором народ предстает безликой агрессивной толпой, а интеллигенция – духовной эмиграцией из народа, лишенной «почвы» и «кислорода».

В.Маканин, вообще – писатель, оставивший в ранних рассказах сопоставимую с чеховской по глубине и разнообразию типажей характеристику позднесоветского общества, зафиксировавший болезненные точки трансформации общества постсоветского. И при этом, в основе каждого маканинского текста лежит некая фундаментальная метафора, моделирующая главную идею автора. Так и в «Лазе» между мирами народа (наземным, где свежий воздух, но господствует тьма, насилие, страх и безысходность) и интеллигенции (подземным, душным, с разговорами о добре и зле, духовности, спасении России) – постоянно сужающийся лаз, по которому все с большим трудом пробирается главный герой. Речь идет о двух типах, двух субъектах русской культуры, находящихся в остром конфликте. По одну сторону – развитие, творчество, личность и общество личностей. По другую – толпа, «бесы», карамазовщина, зависть, насилие. И между ними нет диалога, а только неутихающий конфликт. И вести такой диалог никто не умеет, и хочет. В том числе и потому, что такой диалог требует взаимопонимание оппонентов. И лаз – маканинская метафора коммуникации между мирами стягивается и стягивается.

Но в диалог могут вступать только личности культуры непосредственно в диалог не вступают, потому как они самодостаточны, все о себе знают, и сами себе не задают новых вопросов, потому как уже знают ответы на любые вопросы. А «личности в России нет, она не выделилась из толпы, она сама – толпа»¹⁶².

Основных выводов А.П. Давыдов делает три. Во-первых, – раскол – родовая травма русской культуры. Во-вторых, – русский человек не борется с расколом в себе, он с ним живет, с помощью насилия, репрессий, «порядка» приспосабливается к нему как тяжело больной к своей болезни. В-третьих, – укоренившееся в России самодержавие с помощью насилия убрало раскол под себя, подмяло его, устранив с поверхности общества, оставив в глубине, но насилие – слабый интегратор социума. Преодоление кризисов при этом сводится к очеред-

¹⁶² Там же, с. 614.

ной инверсии – рывка к очередной крайности, оказывающейся всегда лишь очередной модификацией, новой формой господства соборно-авторитарных ценностей.

Отвечая на вопрос – кто же несет ответственность за этот раскол российского общества, А.П.Давыдов дает ответ: « сложившееся в России соборно-авторитарное народничество с ценностью народ-вождь, тысячелетняя религиозность с ценностью Бог-вождь и уродливый либерализм с ценностью личность-вождь. Так исторически сложилось, что каждый из этих способов мышления (а в нашем обществе ничего идеологически реального кроме этой тройки нет) крайне авторитарен, не диалогичен, внутренне высококонфликтен, тяготеет к идее раскола и самозабвенно толкает Россию к катастрофе. Благодаря их энтузиазму только в XX веке Россия пережила два национальных потрясения».¹⁶³

Власть, государство решить задачу консолидации российского общества не в состоянии. Царский, советский и постсоветский режимы объединяет одна задача – «не дать русскому человеку сформироваться как личности, не дать личности стать в России субъектом развития. А для этого развить в нем инстинкт толпы. Потому что личность для таких режимов – символ мирового зла, основной враг и главное препятствие в управлении страной. И до-большевики, и большевики, и постбольшевики..., активизируя соборность народа, пытаются через просвещение модернизировать массовую базу авторитарности».¹⁶⁴

Не в состоянии решить эту задачу и интеллигенция. А.П.Давыдов находит у В.Маканина также и модельные метафоры для старшего и младшего поколений интеллигенции. Представитель старшего – застрявший в лазе, висящий в нем вниз головой и кричащий о фактах, проблемах, надеждах, каких-то обобщениях, но не знающий что делать. А его сын – дебил, добрый и честный переросток, не понимающий «почему он такой».

И все же... Одно дело – анализировать образную систему в художественных текстах, выражающую идею неполитического либерализма, но совсем другое – социальная база медиации, каковой во всем мире является третье сословие – мещанство, буржуазия, осмеянное, оплеванное не только народниками, революционерами, но и интеллигенцией... Неспроста персонажи, в которых российские писатели пытались воплотить идеалы неполитического либерализма – Штольц,

¹⁶³ Там же, с. 642-643.

¹⁶⁴ Там же, с. 625.

Костанжогло... — оказывались резонерски ходульными, не находили позитивного отклика ни у читателей, ни у критики. Это только лишний раз подтверждает поверхностность и неукорененность полноценного либерализма в отечественном общественном сознании. Даже попытки наиболее продвинутой части интеллектуальной и творческой элиты, остро чувствовавшие необходимость воплощения такого идеала, не смогли найти ему достойного выражения.

И этот, вроде бы, обидный для исследователя результат только подтверждает его главный вывод... Можно ли и как изменить тип культуры? А.П.Давыдов пишет: «Чтобы изменить русского человека, надо последовательно формировать в нем культуру личности»; «Изменить тип культуры — значит превратить культуру из статичной в динамичную, из монологичной в диалогичную, из закрытой в открытую, из соборно-авторитарной в личностную»; «Чтобы изменить тип русской культуры, надо повышать стране массовый спрос на свободу»¹⁶⁵... Очень напоминает призыв творца «семибанкищины» в одном из последних его интервью: «Нужна революция менталитета, от языческого к христианскому. Это не примитивное понимание революции как захвата власти... А это программа для нации, для народа. Для того чтобы жизнь стала другой, мы должны стать другими». В этом случае и комментировать нечего. А вот когда социолог предлагает «превратить», «сменить тип культуры», стать этой культуре «типологически иной», это очень напоминает известный анекдот, в котором мудрый филин предложил мышкам, пришедшим к нему за советом — как им избавиться от замучивших их хищников, «стать ежиками».

Весь исторический опыт успешных модернизаций — от Петровских реформ до прыжка Сингапура из «третьего» мира в «первый» — убедительно показывает, что смена типа культуры возможна, но только при условии социального запроса на такую смену и наличия у властной элиты «длинных мыслей». Эти выражается в освоении передовых практик, ставки на науку и образование, за счет чего формируется новая элита, выступающая социальной базой модернизации, и выводящая общество к цивилизационному фронтиру. Если социальный запрос на модернизацию в современной России как-то и создается «умом», то реального запроса на инновации ни у власти, ни у бизнеса, взаимно озабоченных сохранением и укрупнением монопольной ренты, нет и не предвидится. Значит, нет и в ближайшее время не предвидится запрос на «новую личность». Наоборот, в обществе все отчет-

¹⁶⁵ Там же, сс. 537, 554, 540.

ливее тренд нового витка архаизации. И историю болезни, и диагноз А.П. Давыдов описал очень точно.

Тогда остается путь «частной модернизации» – ухода наиболее продвинутой части общества в эмиграцию? Это – не впервой. Только кто-то – в эмиграцию внешнюю, а кто-то – во внутреннюю, в аналог маканинской метафоры подземелья. А кто-то – раздражать толпу самим фактом своего существования. Таким людям хорошо известно правило, сформулированное Сенекой – одним из первых «неполитических либералов» древности: «делай, что должно и будь, что будет!»

И вряд ли «заграница нам поможет». Как высмеянная В. Ерофеевым «Большая Американская Зая» (гуманитарная американская интеллигенция), так и французская, английская, канадская, да и индийская, и китайская, и японская «Большие Зай» убеждены, что Россия необходима миру для сохранения и продолжения духовности. И неспроста. Катафатичность католицизма и особенно протестантизма обернулась гуманизмом Возрождения и Просвещения, буквальной реализацией которых стала массовая культура массового общества. В современном мире «торжествующей медиации» человек имеет дело с плоским имманентным миром, в котором все ценности приведены к общему знаменателю спроса, маркетизации. Информационное общество массового потребления является буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами: «Все во имя человека!», «Все на благо человека», «Человек есть мера всех вещей!» И мы знаем этого человека – это каждый из нас. В этом мире имеет право на существование только то, что кому-то нужно. Это мир удовлетворения и даже возбуждения любых желаний, он замкнут сам на себя. Он лишен трансценденции. А любая попытка протеста переваривается им за счет создания еще одного сегмента рынка: «А вот это наши хиппи, а это «новые левые», а вот тут – «новая духовность» New Age...». Развитие происходит за счет дифференциации, если не фрактализации разнообразия прошлого и настоящего. Такой мир оказывается лишенным образа будущего, он накапливает разнообразие за счет перепевов, римейков и сиквелов хорошо известного, его остранения и деконструкции. Поэтому российский опыт поисков трансцендетного и утверждения «царствия небесного» или «светлого будущего» здесь и сейчас выглядит для части западной интеллигенции «глотком духовности».

Так, может, и перестать кого-то догонять, надрывать пуп, экономику и общество... Пусть летят все буреветники свободы и инновационности в свой мир имманентной медиации. А оставшимся – войти

в глобализированный мир со своей уникальностью, сделав из страны этакий «бутик духовности» и «практик трансцендирования»... Сделать русской национальной идеей *down shifting* – тем более, что нефтегазовая рента пока позволяет, а в Гоа и Таиланде все равно всем места не хватит. Одна беда – климат не тот. Разве что – глобальное потепление поможет... А если серьезно... , то... Российский либерализм имел и имеет ярких представителей во всех слоях российского общества. Но он поверхностен и разрознен. Критическая масса его еще не накоплена, чтобы вылиться в институциональные формы.

И главное в этой связи – неполитический либерализм не сводится к институциональной свободе, правам человека, внешней свободе или свободам. Он предполагает – как свою основу и предпосылку – свободу внутреннюю, суверенную, свободу самоутверждения и самоопределения. И внешняя свобода без внутренней невозможна. А ее отсутствие – главный диагноз российской культуры – спасибо А.П. Давыдову за ясность. Он закрыл тему поиска перспектив российского общества в его культуре, убедительно показав, что русская литература дала ответ. И что пришла пора работы ума и души по выработке ответственного самостояния. Каждого из нас. И эта работа нам предстоит. В России, как известно, надо жить долго. И можно, перефразировав заключительные строки этой книги, сказать, что если после ее прочтения «хотя бы один человек поймет, что надо вчитаться в классиков, взглядеться в себя, начать перестраивать мозги и осваивать, налаживать диалог, иначе раскол задушит каждого из нас, то, значит, Россия еще не на самом краю... и есть еще слабый луч надежды».

Мальчик неполитического либерализма в России был. Он просто никак не выросал, потому как все выплескивался и выплескивался вместе с очередной грязной водой.

Более того, похоже, он и есть! И он не дебил. Реальный неполитический реализм только еще формируется в России. Но не в художественной литературе, а в самой реальности, именно там, где ему положено – в среде отверженного русской литературой «третьего сословия».

Это наглядно продемонстрировали события зимы 2011-2012 годов. Все эти ролики с безобразиями на избирательных участках снимали молодые, вполне успешные люди на свои недешевые гаджеты. За годы «тучных коров» выросло поколение граждан, у которых появились какая-то собственность. И они хотят, чтобы их право на эту собственность уважалось. Они платят налоги. Они ждут на переходе зеленый

свет. Они поняли: , чтобы все ехали, надо чтобы все придерживались правил, а если кто-то правила нарушает, то не едут все. У них не только появились интересы, но и некоторое достоинство. Они не хотят потрясений. Наоборот. Они хотят жить по правилам. И их обидели, даже оскорбили. Это был не политический, а гражданский протест. Никто из них не боролся за власть – они хотели привести власть в чувство, чтобы она соблюдала свои же правила. И это было реальное проявление неполитического либерализма.

Во всем мире слово гражданин восходит к «горожанин»: бургер, буржуа, мещанин... И проблема состоит в том, чтобы российское общество признало в новой буржуазии своего непутевого, а то и приклатного, но сына, а эта буржуазия – признало в российском обществе свою больную, полубезумную, но мать. А это – тема, к которой отечественная литература еще всерьез не подступала.

А пока – российские либералы проигрывают националистам. Хорошим примером в этом плане является российская реакция на украинские события 2014 года.

Российская диспозиция в этом плане достаточно очевидна. Политический класс и большая часть общества заинтересованы в устойчивом развитии. Ситуацию осложняют экономическая рецессия, деиндустриализация, деградация науки и образования, проблематичность реализации даже имеющегося инновационного потенциала.

Единственным реальным способом наполнения бюджета становится опускание рубля, начавшееся с конца 2013 года. В результате этого инициированного ЦБ от(т)пускания рубля выигрывают экспортеры (в современной России это, прежде всего, контролируемый государством нефтегазовый комплекс), и бюджет исправно наполняется. Но взлетают цены, галопирует инфляция, не вызывая у общества особого восторга.

Следовательно, главной задачей становится ограничение страны от внешнего влияния (для сохранения власти и какой-то экономики), желательно с идейным обоснованием: то ли нас обидели, то ли мы обиделись. Процесс такого отграничения начался давно: акцент на религиозной нравственности, законодательство, ограничивающее деятельность НКО, контроль над медийными ресурсами, включая Интернет, «веерные отключения» независимых электронных ресурсов...

Надо занимать информационное пространство, вытесняя социальные проблемы из повестки дня. Неслучайно от(т)пускание рубля координировалась с подготовкой и проведением Зимних Олимпийских игр в Сочи, которые свою задачу решили даже с неожиданным

превышением. 8+5 золотых медалей – полная российская Виктория! Позитивные эмоции бьют через край, руководство при параде, целует победителей в темечко, раздает награды... Все счастливы. И это правильно и хорошо. Но реалии никуда не девались, не рассосались... Как и проблема отвлечения внимания. Поэтому, если бы киевского перформанса не было, то его надо было придумать. Евромайдан и последующее очень удачно подверстывается под Сочинскую Викторию России. Более того, это дало возможность решить еще две задачи...

Во-первых, сформировать образ врага. Который уже на пороге, и наши люди страдают от его злодеяний... И, во-вторых, возложить ответственность за происходящее в стране. Потому как надо помочь братьям в Украине, Крыму... И мы не мелочимся...

Далее – включаются на полный звук госканалы ТВ... Опыт уже имелся: история с памятником советскому солдату, который в Таллине перенесли с оживленного перекрестка на мемориал, показала, что общественное мнение раскачивается за два дня, пробивая порог рационального восприятия информации.

И – все задачи решены. Люди говорят только об Украине и Крыме, других проблем уже больше нет (как и денег для их решения). Разбережены рецепторы имперских фантомных болей. Стрелка ответственности переведена на врагов и изменщиков. Рейтинг руководства зашкаливает... Контент повестки дня до – как минимум – осенних выборов определен.

Возможные зарубежные санкции выполняют роль «вынужденной изоляции». Россия сплачивается вокруг руководства. А в перспективе придут другие переговорщики, затеют очередную разрядку-перезагрузку...

Но главная задача решена. Нас обидели, да и мы сами обиделись. Страна – закрывается. Причем – не нами... И все довольны... Ничего личного – символическая политика.

Не менее показателен украинский урок... Главный вывод довольно очевиден: Украина прошла решающую фазу национальной буржуазной революции. В прошлой – «оранжевой фазе» – намечался национальный торг, но почему-то не договорились. Западенцы хотели в Европу. Промышленный Восток, понимая свою неконкурентоспособность, туда не хотел. Но он не хотел и в Россию – хотелось быть в отцепленном от империи вагоне, но в отдельном купе. Ситуация затянулась. Правительство Януковича пыталось выторговывать преференции до последнего момента. Когда «Буриданов осел»-таки сделал выбор, последовал Евромайдан, на который вышла большей частью гу-

манитарная интеллигенция, студенты с требованием евроинтеграции Украины.

И дело уже шло к рассасыванию протеста, когда последовали силовой разгон и неадекватные законы, проштампованные Радой. Это стало первым Большим событием, которое вызвало новый всплеск и социальная база протеста постепенно стала меняться. Это было видно даже по лицам. Это уже были люди среднего возраста, явно в чем-то уже состоявшиеся. Что потом и подтвердили социологи – средний класс, часто малый и средний бизнес. Горожане. Буржуазия. Националистическая фразеология усилилась, что свойственно именно буржуазии. Национализм – идеология буржуазии, а не люмпенов. Характерно, опять же что погромов не было. В Киеве чтили частную собственность. Даже во время силового противостояния радикалов с милицией, захватывали правительственные офисы, а не кафе, магазины...

Следующий порог был взят после первых жертв. Это Большое Событие-2 создало новую политическую реальность. Чьи снайперы стреляли из сверхточного оружия до сих пор не ясно. Есть свидетельства, что одни и те же люди стреляли в обе стороны. И уже не так важно – кто это был... Главное результатом стало то, что регистр протеста сдвинулся с требования евроинтеграции и наказания силовиков в требование отставки Правительства Януковича как такового. И при активном участии европейской и российской сторон 20 февраля было подписано знаменитое соглашение о формировании правительства национального согласия.

Дальше было самое интересное... Это соглашение было дискредитировано Януковичем, исчезнувшим наутро после его подписания! А депутаты от Партии регионов стали массово переходить на сторону оппозиции. Образовался вакуум власти, который был быстро заполнен новым конституционным большинством в Раде, которая начала принимать вполне конституционные решения.

Это исчезновение Президента Украины стало следующим Большим Событием. Почему в одну ночь слиняли Янукович и его партия? По одной простой причине – крупный капитал Востока отказал им в поддержке. И Фирташ, и Ахметов и прочие – никак не проявились в поддержку Януковича и своих ставленников... Наконец-то консолидировалась и крупная буржуазия, которая осознала, что заигрывания и попытки сосать двух маток уже себя исчерпали. Надо самим отвечать за свой «базар».

Точку поставила российская реакция, начавшаяся с неожиданного для всех решения Совета Федерации. Это Событие стало последней

капель, последним мазком: начальный культурно-этнический национализм окончательно трансформировался в гражданский. У нас на глазах формируется украинская нация, а ее консолидация приобретает все более четкие очертания. Мэр Львова обращается ко всем украинцам по-русски. А — мэр Харькова — говорит, что мы все граждане Украины.

Основной же урок в том, что украинские события воспроизвели хорошо известный сценарий... Интеллигентные либералы поднимают знамя борьбы за свободу и справедливость... Плохая власть их бьет, топчет, а то и стреляет... Они много шумят, взывая к закону... И вперед выходят не очень интеллигентные ребята без особых сантиментов, с наплевательским отношением к закону, агрессивные, которые не очень вежливо отодвигают либералов и отбирают власть у власти предыдущей — пристыженной, неуверенной... И формируют власть «для наших», давая от ворот поворот «не нашим».

Национальные государства — порождение Нового времени с его нарастающей индустриализацией, формированием городского образа жизни, когда в города стали стекаться представители различных этносов, конфессий. Не нации порождают национализм, а наоборот — национализм порождает нации. И это идеология среднего сословия, буржуазии, горожан (во всех языках слово гражданин восходит к «горожанин»: бюргер, буржуа, ситизен, мещанин). Буржуазностью национализма и объясняется неутрачиваемая волна образования все более мелких, зачастую малосостоятельных государств.¹⁶⁶ Буржуазия в глобализирующемся мире столбит и огораживает свои «бутики». Этот процесс привел к распаду исторических империй... Распад Чехословакии, Югославии — дораспад Австро-Венгерской империи. Империи распадаются долго. Не обошел этот процесс и Российскую империю...

Парадокс заключается в том, что либерализм есть порождение имперского сознания, как рефлексия проблемы свободы и прав личности перед лицом надэтнической и надконфессиональной власти. Идеология в высшей степени достойная, формирующая личность автономную, способную к ответственности за свободно принимаемые решения, относящуюся к другим как таким же свободным и ответственным индивидам.

¹⁶⁶ Тульчинский Г.Л. Массовое общество и средний класс как источник национализма. // Этнические процессы в глобальном мире. СПб: СПб: Астерион, 2012, с.15-19.

Но борьба за права человека превращается в борьбу за права групп людей, а индивид понимается как представитель таких групп (рабочих, предпринимателей, женщин, этнических групп). Логика борьбы ведет к укрупнению таких групп — наиболее легко и символически узнаваемо в массовом обществе это происходит по этническому и религиозному основанию... И вот уже на арену выходит национально-этнический протест и противостояние...

Моралей из этого несколько:

(1) В союзничестве с «национально-освободительным движением» либерализм попадает в ловушку этнического национализма и либо перерождается в буржуазный национализм, либо становится вариантом стоицизма — идеологией свободных=ответственных одиночек («делай — что должно, и будь — что будет»).

(2) Избежать ловушку можно только последовательно отстаивая гражданское понимание нации в сочетании с отстаиванием права любой вменяемой личности на ответственное самоопределение.

(3) Условием этого является правовая культура, обеспечивающая равенство всех (включая власть и ее представителей) перед законом.

Из всего этого следует, что либерализм в России имеет пока еще весьма отдаленные перспективы. Стать хозяевами своей жизни готовы далеко («далеко-далеко-далеко») немногие. Легче переложить ответственность за свою жизнь на других: власть или «врагов» — разница не существенная. Главное — «это не мы такие, это жизнь такая...».

Урок надорвавшейся империи и обессиленного социума

Распад Советского Союза, конечно, не самая великая трагедия прошлого столетия, но это и одно из титульных событий века. До полномасштабной трагедии оно не дотягивает — и слава Богу. Однако и крах одного из величайших проектов в истории безболезненным быть никак не может. И дело не в фантомных болях по утраченным территориям, роли в мире, даже просто ... Дело в утраченной перспективе, в до сих пор необъясненной толком быстроте этих утрат, невнятности настоящего.

Ни в коей мере не претендуя на полноту и окончательность осмысления, попробуем, хотя бы эскизно ответить на главные вопросы... Что же это было? Почему это произошло? Кому можно вменить происшедшее? Без постановки хотя бы такого общего диагноза, невозможно

ответить и на главный вопрос – как же жить дальше, что со всем этим делать?

Распад империй всегда исторически в изрядной степени огорчителен. Империя, как уже отмечалось выше, это отнюдь и не во всем плохо. Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Более того, можно утверждать, что цивилизационные прорывы в истории осуществлялись именно империями. В идее империи много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению. В имперских условиях делаются политические, научные, художественные, военные карьеры, немыслимые в условиях «национальных государств».

Более того, имперское культурное наследие обладает существенным потенциалом развития открытого общества. Согласно докладу Совету Европы о содержании и источниках идеи европейскости, европейская идентичность включает в себя: мультикультуральность, демократию, толерантность, веру в исторический прогресс, права человека. Причем источники формирования этих базовых ценностей авторы доклада возводят к Древнему Риму, Западно-Римской империи, империи Наполеона, экспансии Запада в Америке, Азии, Африке, Австралии, т.е. имперским началам, объединявшим западный мир.¹⁶⁷ Имперское по самой своей сути – общечеловеческое. Или претендует на таковое. Поэтому исторические империи можно рассматривать как ростки, «пробы пера» глобализации, что, кстати, объясняет имперские черты нынешней глобализации.

Не являлась исключением и Российская империя, в т.ч. и в ее советской ипостаси.¹⁶⁸ Как и всякая империя, она была не только «тюрьмой народов», но и несла этим народам просвещение, условия развития, совместного существования.

Но у всех империй есть одна особенность – они рано или поздно распадаются. Кроме, может быть, одной империи – Китайской, кото-

¹⁶⁷ In From the Margins. Contribution to the Debate on Culture and Development in Europe. A Report prepared for the Council of Europe. Strassburg (Culture Committee of CE), 1997.

¹⁶⁸ Недаром в 1939 г. генерал Деникин поднял в Париже тост за большевиков и Красную армию, которые спасли великую империю.

рая, однажды возникнув, из истории не уходила. Что, возможно, обусловлено общей китайской моделью цикличности универсума. Но в нашем линейном мире империи, рано или поздно, распадаются, трансформируются. И это обычно предопределяется рядом причин. Обозначу три, представляющиеся главными:

(1) Нарастание центробежных сил, перевешивающих центростремительные, создававшие империю. Что проявляется в формировании местных региональных все более самостоятельных элит, располагающих необходимыми ресурсами.

(2) Центральная элита вырождается, в т.ч. – проявляя недалекую видимость.

(3) Внешняя опасность, завоевание...¹⁶⁹

При этом, последний фактор реализуется обычно именно в силу предыдущих двух. С государством происходит то же, что и с организмом, утратившим иммунитет, он оказывается бессильным перед простейшими инфекциями. А у государства, в отличие от организма, части (фактор (1)) могут даже начать искать союзников извне. Так что решающими оказываются первые два фактора. Поэтому, применительно к России, ограничимся их рассмотрением – тем более, что и исторически он в нашем случае практически отсутствовал. Нас никто не собирался и собирается завоевывать. Мировое сообщество готово иметь дело с любым нашим правительством, понимая, что дальнейший распад нашей страны, сопровождающие его социальные конфликты ничего хорошего миру не сулят. Другой разговор, если мы сами расосемя в истории и пространстве. Свято место пусто не будет.

Итак...

Почему это произошло? Об одной из причин – этнофедерализме – выше уже говорилось. СССР, похоже, был единственной в мировой истории империей «позитивного действия» – не только и не столько «высасывавшая ресурсы периферии», сколько эту периферию всячески развивавшая... Советская национальная политика была весьма парадоксальна.

¹⁶⁹ В данном рассмотрении я отвлекаюсь от экономических факторов, например, от несостоятельной промышленной политики, приведшей, с одной стороны, к милитаризации экономики, а с другой – к распылению основных фондов, сырьевой (и вообще – рентной) зависимости... Все эти факторы в советской ситуации были вторичны по отношению к выделенным – хотя бы в силу перевернутого характера советской экономики. Вопреки даже марксизму, она была вторична по отношению к политике. Поэтому в данных заметках упор делается именно на политических факторах.

Большевики – партия интернационалистов, желавших поражения своей стране в I Мировой войне и рассматривавших Россию в качестве детонатора Мировой революции, оказавшись у власти и поняв, что перспективы мировой революции более чем утопичны, вынуждены были строить отношения с народами бывшей империи, искать союзников. И они увидели их в национально-освободительном движении. Это была политическая игра: и Маркс, и Ленин понимали нации как пережиток буржуазного общества, который отомрет по мере строительства нового общества. Поэтому национальный вопрос никогда не рассматривался ими всерьез. И национальная политика была поручена «замечательному грузину». Именно он отверг разумную идею культурной автономии и настоял на федерации с правом на отделение. Причем сама идея нации понималась сугубо примордиалистски – по происхождению и культуре. Этносы получили статус наций, да еще с конституционным правом на самоопределение, т.е. на отделение.¹⁷⁰

В результате получился худший вариант федерализма – многоуровневый этнический федерализм, с появлением «титовых наций», национальными автономиями, округами. Но и этот федерализм опять же никто всерьез не воспринимали. Это был политический дизайн. А реальная политическая система к конституции не имела отношения. Реальные процедуры, механизмы принятия и реализации решений осуществлялись коммунистической партией – фактически имперским механизмом власти.¹⁷¹

Национальная политика заключалась в поощрении развития национальных культур, некоторые этносы получали язык, письменность, воспитывалась национальная интеллигенция, развивалось искус-

¹⁷⁰ И мы до сих пор сталкиваемся с последствиями сталинского этнофедерализма и примордиалистского понимания национальной идентичности. И дело не просто в этнических конфликтах. Бомба заведена в самой Конституции, где говорится о России как многонациональном государстве. Ни власть, ни общество до сих пор не готовы ни к пониманию России как многонациональной нации! Между тем, Россия, как и СССР, остается федерацией «на бумаге». Недаром для сохранения целостности потребовалось «укрепление вертикали» с выхолащиванием федерализма. Нужен ли России федерализм – отдельный вопрос, который даже не обсуждался и не обсуждается. СССР никогда не был реальной федерацией. Между тем, весь мировой опыт говорит, что федерации редко бывают устойчивыми. Чаще всего это переходная система – то ли к интеграции, то ли к распаду. Так не пора ли, наконец, привести в соответствие политический дизайн и реальность... Сколько можно морочить голову. Прежде всего – самим себе. Да и в гражданской российской национальной идентичности, как принадлежности единому государству – конь не валялся. Все спорим о «русскости» и «понаехавших». Наверное, потому как и государства-то единого, ясного нет.

¹⁷¹ Не даром и компартии РСФСР не было. Создание КПРФ стало одним из импульсов распада.

ство – «национальное по форме, социалистическое по содержанию». Новым «нациям» отдавались территории (присоединенные, а то и освоенные силами многих поколений), основные фонды, строились предприятия... Советская империя, заигравшись с национальным вопросом, фактически, создавала полноценным национальным государством в буквальном смысле – создавала основы новых национальных государств. И если Сталин, следуя опыту Ивана IV «перебирать людишек», не давал региональным элитам возможности прикипать к месту. Хрущев, а затем и особенно – Брежнев отступили от этого правила. В результате сформировались национальные политические элиты, желавшие конвертировать власть в собственность, их искушал блеск дипломатического паркета... Они-то, в конечном счете, и растащили Советский Союз.

Поэтому, когда была распущена КПСС, т.е. был выдернут гвоздь, на котором все держалось – пустой политический дизайн быстро наполнился реальным содержанием, и союз посыпался.

Играл ли во всех этих процессах какую-то роль субъективный фактор? Несомненно.

Игры несостоятельной элиты. М.С. Горбачев с соратниками затеяли очередной виток догоняющей модели развития («ускорение») быстро утратили интерес к экономике и перешли к политическим реформам («перестройка», «демократизация», «гласность»), «культурным инновациям» вроде антиалкогольной кампании. И все это в условиях крайне неблагоприятной конъюнктуры на внешних рынках, тяжелом состоянии экономики страны, не решенности вопроса о собственности... Между тем, весь опыт истории Новейшего времени говорит о том, что демократия – результат, продукт, «упаковка» всюду плотных рыночных отношений. Не демократизация предшествует экономическим реформам, а наоборот – развитая рыночная экономика является основой успешных политических реформ, создавая предпосылки для формирования таких институтов как правовое государство и гражданское общество. В противном случае формируемой «демократии» просто не на что опереться – ни в экономическом, ни в социальном планах.

Более того, согласно азам теории и практики управления и менеджмента, если руководством затеваются нововведения, залогом успеха является давно выработанная и неоднократно апробированная на национальном и корпоративном уровнях технология:

– не жалеть времени на разъяснительную работу, потому что люди могут не понимать целей реорганизации, или, что еще хуже – понимать их, но неправильно;

– создание социальной базы реформ: заинтересованных в их успехе организованных групп людей, наделенных дополнительными полномочиями;

– неукоснительный и тщательный контроль – не столько за результатами, сколько за процессом, для того, чтобы своевременно принимать меры при возможных отклонениях, непонимании или сопротивлении нововведениям;

– и все это при условии концентрации административной власти властным центром, и только по мере реализации реорганизации полномочия делегируются вниз.

В случае же горбачевской перестройки практически все эти условия соблюдались с точностью до наоборот: радикальные реформы сопровождалась «демократизацией» – вплоть до выборности руководителей предприятий. А инициатор реформ так и не реализовал возможность получить легитимную власть на всенародных выборах, очевидно, опасаясь таких выборов, не веря в успех.

Наконец, как можно понимать такой факт... Согласно результатам прошедшего весной 1991 года всесоюзного референдума, подавляющее большинство граждан всех союзных республик изъявили желание жить в обновленном союзе. И за считанные дни до подписания нового союзного договора, согласованного со всем руководством союзных республик, Президенту Союза потребовалось лететь в Форос. А прилетел, по его же словам, «в другую страну», которую у него «выдернули из-под ног». ¹⁷²

И на фоне всего этого пришедшая к власти в РСФСР ельцинская команда с упоением раскачивала лодку в борьбе с союзным центром за финансы, другие ресурсы, механизмы принятия решений... Да и Беловежские соглашения эта команда всерьез не воспринимала, видя в них тактический успех в борьбе с центром.

Что это – вина или беда отечественного политического класса, отечественной советской (да и постсоветской) политической элиты?

Недавно с магистрами разбирались – что такое политическая элита? Обложились умными авторами, концепциями... И что-то не сроста-

¹⁷² Правдивая история ГКЧП еще не написана. Как показала прошедшая в Санкт-Петербурге в сентябре этого года конференция, посвященная этим событиям, в них сохраняются еще «белые пятна», а сами события августа 1991 года весьма напоминают по сути и по результатам события августа 1917 г.

лось. Пока не уточнили различие между элитой, истеблишментом и политическим классом.

Слово элита пришло из сельского хозяйства. Элитное зерно, элитные бычки... – лучшее, отборное, на развод. В человеческом обществе это люди, задающие образцы: интеллектуальные, нравственные, духовные... В политической жизни – те, кто открывает новые горизонты и пути их достижения. Люди с длинными мыслями. И эти мысли консолидируют общество, делая его обществом.

Истеблишмент – основной социальный слой общества, реализующий его ресурсы, придающий своим образом жизни этому обществу форму и устойчивое развитие.

Политический класс это депутаты, партии, чиновники, ведущие эксперты, журналисты... Этот самый политический класс в нынешней России есть и – с избытком. Истеблишмент, худо-бедно, но складывается. А вот элиты, похоже, не было, и нет.

Более того, отсутствуют механизмы ее формирования. В истории выработались два механизма формирования и воспроизводства элиты. Либо на основе инициативы, предприимчивости, таланта – как это происходит в большинстве стран цивилизационного фронта. Либо на основе тщательного отбора лучших – как это было в средневековом и есть в нынешнем Китае, как в современной Франции, Японии. Второй механизм действовал в СССР, но в извращенной форме: отбирались отнюдь не лучшие по деловым и нравственным качествам. Главным было другое. Более того, именно лучшие и устранялись. Разными способами – вплоть до физического уничтожения. Во всех социальных группах и слоях... Советский и постсоветский политический класс всячески вытапывал и вытапывает ростки конкурентной среды таланта и инициативы.

А отбор и сепарацию, крекинг лучших подменяет личной преданностью по вертикали и вертикалкам. В результате власть превратилась в некое корпоративное сообщество со своими интересами.¹⁷³

И тогда понятно – почему в России общество и экономика недоверия, когда власть не доверяет бизнесу и обществу, бизнес не доверяет государству и обществу, а общество, вполне справедливо отвечает им взаимным недоверием. Потому что консолидировать общество на конструктивной основе может только элита. Консолидировать не перед

¹⁷³ Дошло до того, что полиция объявила себя социальной группой (?!?!), критика в адрес которой расценивается как разжигание общественной розни наравне с международной. Это такая нация, государство в государстве. Минимум – этнос.

некоей – то ли реальной, то ли выдуманной опасностью, а на конструктивной позитивной основе.

Тогда понятно и почему у страны так и нет национальной идеи – ее просто некому вырабатывать. Нет людей с длинными мыслями. А есть мысли коротенькие, как заячьи хвостики: нам бы только ночь простоять, да день продержаться, иметь возможность рулить ресурсами – финансовыми, сырьевыми, энергетическими, информационными...

Понятны и все эти игры с системой образования и наукой. Элита – она, прежде всего, об образовании, науке и культуре думает. Потому что видит новые горизонты и понимает – как к ним идти. Это понимал Петр I, это понимал Ли Куаню, к которому дважды приезжал учиться Дэн Сяо-пин. Это по-своему, но понимали коммунисты.

А наш политический класс – он понимает – зачем труба. Понимает – зачем люди у трубы. Понимает – зачем люди с ружжом – они охраняют трубу и людей у нее. А зачем – тут остальные, для чего и вообще – что они делают тут – понять им, видимо, не дано. И называть временщиков элитой – то же самое, что называть педофила чадолюбивым человеком. Конечно, они имеют отношение к власти, также как и тот – к детям.

Бессильная новая историческая общность. А что же народ? Еще в глухое советское время «застоя» было ясно, что, если где-то есть общество потребления и потребителей, то это именно советское общество, в котором свой и чужой труд не ценится, где экономика издревле носит рентный характер, где люди – не хозяева своей жизни, привыкли не думать о завтрашнем дне – для этого есть начальство. И вообще – лучше не высовываться...

Этот инфантилизм сполна проявился в позднесоветское и постсоветское время. Речь идет о ценностной перенастройке советского общества, начавшейся еще в 1960-х, о чем уже шла речь выше. Широкомасштабное типовое индустриальное жилищное строительство дало возможность расселять коммунальные квартиры и общежития. Развилось массовое телевидение. В семьях рабочих и служащих появились такие предметы бытовой техники, как холодильники, магнитофоны, радиолы, стиральные машины, а в некоторых и личный автотранспорт. Возникли новые формы проведения досуга: туризм, клубы по интересам. Благодаря всему этому население становилось более автономным в плане бытового обустройства, а с другой – более зависимым от рынка товаров массового потребления и услуг. Показательно, что тогда же прошла довольно шумная дискуссия о «мещанстве» и «вещизме», показавшая, что стремление к личному благополучию

достигло уровня осознанных интересов и ценностных ориентаций широкого круга людей. Все эти факты можно было бы рассматривать как свидетельство формирования ориентированного на средний класс и рыночную экономику общества массового потребления. Если бы не отсутствие реальной собственности и следующей за нею ответственности. Все эти блага люди получали из рук государства.

В 1970-е годы завершился переход от традиционного доиндустриального общества к массовому индустриальному, а во-вторых, – от тоталитарно-мобилизационного – к потребительскому. Окончательно победило массовое общество с его потребительскими установками («мещанство» и «вещизм»). Но общество оказалось беззащитным перед массовой культурой. Если в большинстве зарубежных стран социальность имеет устоявшиеся институциональные формы гражданского общества, дающего личности – пусть формальные, но ориентиры и скрепы идентификации в виде институций религиозных, муниципального самоуправления, профессиональной корпоративности, то советский и постсоветский человек этого лишен. Советское общество было чрезвычайно дисперсно и гомогенно. Это было общество массы – самое массовое общество в мире.

Этот факт – еще одно подтверждение важности и даже необходимости понятийного аппарата для адекватного понимания общественных процессов, включая отечественную историю последних полутора столетий. Возможно, что именно непонимание смысла происходивших изменений и предопределило беспомощность и несостоятельность правящей элиты, привело к катастрофическим последствиям.

Произошедшие изменения не фиксировались в статистике, не отражались в программных документах, идеология и социальная наука оставались в плену устаревших понятий, «не видящих» новых реалий, не позволяющих адекватно описывать и понимать происходящее. Это создавало значительные трудности для советских лидеров, которые в глазах миллионов людей утратили былой ореол вождей, превращаясь в заурядных распределителей и присваивателей материальных благ. Несмотря на дежурные нападки на потребительство и мещанство, уравнительно-аскетический идеал бесповоротно утрачивал привлекательность. Нельзя забывать и то, что все это происходило на фоне очевидных достижений и роста качества жизни в развитых зарубежных странах, утаить которые от советских людей было уже невозможно.

Говоря о причинах падения советского режима, чаще всего называют техническое, технологическое и экономическое отставание,

стратегическое поражение в гонке вооружений и в холодной войне. Но к этому необходимо добавить и то, что советский режим не смог найти достойного ответа на вызов новой культурной эпохи – массовой культуры информационного общества, достигшей планетарных масштабов. Идеология и технология власти советского государства устарели задолго до того, как оно распалось в реальности. Советская коллективистская система уже не могла удерживать в повиновении массового индивида, которого сама же породила. Да и у самой советской правящей элиты возникли потребности и амбиции, типичные для массового общества: стремление выделиться из толпы «совков», обозначить свое социальное превосходство, конвертировать ставшие эфемерными привилегии власти в более осязаемые и прочные материальные ценности, закрепить их в собственность, наследственное владение.

Короче говоря, советская империя была повержена не в военном противоборстве, и даже не в экономическом соревновании с какими-то конкретными конкурентами и противниками. Она была повержена безликой и универсальной силой, утвердившейся не только «во вражеском окружении», но и в душах советских граждан – массовым обществом и ценностным содержанием его культуры.

В перестройку и гласность народ (общественность, население) с упоением читал, узнавая собственную историю, смотрел заседания Съезда Советов по телевизору... В 1991 радовались провалу ГКЧП. Так же потом бегали смотреть в 1993 году на расстрел Белого дома ... Распад Союза первоначально никто не воспринял всерьез – доходило долго и болезненно.

Консюмеризм? Инфантилизм? Да. Ожидание, что кто-то даст свободу и демократию, принесет процветание и изобилие... Вина? И да, но больше – нет. Скорее – беда. У людей не было возможности влиять на происходящее. Кроме, пожалуй, событий, связанных с ГКЧП. Да и то – только в столицах, и только отчасти. Вот и смотрели на происходящее как на детектив. Однако проблема гражданского общества в нашей стране – большая отдельная тема...

В 1970-х читал еще депонированные ВИНИТИ тексты Л.Н. Гумилева как исторические фэнтези, как реализацию освоенного автором за свои ходки на зону жанра лагерного рОмана. Теперь же перечитываю с ужасом – настолько точно все предсказано и описано. Неужели мы, действительно, имеем дело с вырождением нации? Точнее – российского суперэтноса? Демографы и этнологи, даже медики, вроде бы, подтверждают это.

Но гуманитария, тем более – философу, хочется перевести разговор в другую плоскость. Тем более, гумилевские описания, как и нынешняя российская реальность до боли в сердце напоминают последний сон Родиона Раскольникова в «Преступлении и наказании».

Получается – по заслугам? И элита и народ получили то, что заслужили. Расплата тяжелая, но заслуженная. За что?

За некомпетентность. За непонимание сути политических и цивилизационных процессов, включая опыт других стран. Наконец, просто за экономическую безграмотность.

За инфантилизм, который, в общем-то, проявление той же жизненной некомпетентности. Инфантилизм элиты, неспособной выработать длинные мысли, принимающей решения откровенно руководствуясь эмоциональными реакциями на происходящее, личными предпочтениями и симпатиями, мелкой мстительностью. Инфантилизм интеллигенции....

Инфантилизм народа, низведенного до населения и не стремящегося стать гражданами.

И лучше это признать. Потому как перекладывание вины на других – первый признак собственной слабости и несостоятельности – тех же некомпетентности и инфантилизма.

И что же делать? Есть японская историческая притча. В XVI веке три человека пытались объединить разобщенную страну: Тоётоми, Оду и Токугава. Первый из них сказал: «Если кукушка не кукует, надо свернуть ей шею». И не смог довести дело до конца. Второй руководствовался правилом: «Если кукушка не кукует, надо заставить ее куковать.» И опять неудача. Согласно третьему: «Если кукушка не кукует, надо подождать». Именно он и стал объединителем Японии, и его потомки правили страной до второй половины XIX столетия.

Шею России в XX столетии уже сворачивали. Потом заставляли быть демократической... Как известно, в России надо жить долго. В т.ч. и чтобы дожить до того, что «кукушка закукует». Причем происходит это обычно неожиданно, вдруг. Был недавно на одной политологической конференции. Разве что не хором проговаривались три мысли. Первая – в России, с неизбежностью, созревает революция. Вторая – неясно, только – когда, и кто будет ее движущей силой. Третья – главную роль при этом сыграют природные факторы, пока еще нам не понятные. С одной стороны, от такой политологии плакать хочется – еще один симптом некомпетентности и инфантилизма. А с другой – понимание своего интеллектуального бессилия – уже обнадеживающий симптом.

Похоже, за всеми нами и каждым из нас пришли. И, как учили еще древние: делай что должно, и будь что будет.

7. Перспективы российской политической культуры

Персоналистское обобщение. Историческая память vs образ будущего. Бренд России как проблема и мечта. Общество созрело, или перспективы легитимности. Откуда брать силы: проблемы и надежды.

Персоналистское обобщение¹⁷⁴

Давно уже в качестве характеристики российских политических режимов – вплоть до нашего времени отмечается их персоналистский характер. Действительно, особенности личности первого политического лица (сознательный каламбур) существенно сказываются на особенностях политического режима и политического курса. Поскольку автор этого текста по базовому высшему образованию логик, а логика – очень веселая наука, постольку можно позволить себе шутовское обобщение истории и перспектив российской политической культуры, основанное на фактологических данных «политического персонализма.

Методология эмпирического знания – индуктивные методы установления причинных связей (методы сходства, различия, остатков, сопутствующих изменений), как известно, впервые были разработаны Ф.Бэконом, немного уточнены Д.С.Миллем – с тех пор они называются бэконовско-миллевской индукцией. И без индукции невозможно и дедуктивное знание. Получить общеутвердительное или общеотрицательное заключение в дедуктивном рассуждении можно только при наличии в хотя бы одного общего суждения-посылки. А в основе всякого общего суждения лежит полная индукция, претендующая на исчерпывающее знание всей предметной области.

Зимой 1985-1986 гг мы со С.С.Гусевым – моим другом и коллегой, тоже логиком по университетскому образованию сидели у него на кухне и занимались тем, чем мы обычно у него на кухне занимались, т.е. выпивали, закусывали и делали некоторые индуктивные обобщения. Эмпирические факты позволяли выстроить некоторую закономерность.

¹⁷⁴ Впервые опубликовано: *Тульчинский Г.Л.* Бэконовско-миллевская индукция, или Лысое англофильство в российской политической истории XX века // Управление: интеллект и субъективность. СПб: СПб ГПУ, 2002, с.40-43.

А именно, что М.С. Горбачев лыс, а его предшественник – К.У. Черненко, несмотря на болезни и глубоко преклонный возраст, обладал весьма густой шевелюрой. В свою очередь, его предшественник – Ю.В. Андропов обладал глубокой и широкой залысиной, тогда как Л.И. Брежнев был весьма «волосат». И далее – Н.С. Хрущев – лыс. А И.В. Сталин – несмотря на образовавшуюся с возрастом плешь, «в имидже» был при шевелюре. А В.И. Ленин – лыс. А Николай II – волосат. А Александр III – лыс... Далее, по мере продвижения вглубь российской истории, очевидно, накладывался династический момент. Применительно же к истории «социалистической демократии» действовала железная очередность политических лидеров: лысый-волосатый-лысый-волосатый...

Индукция была полная, и мы осмелились на несколько выводов из нее. Во-первых, – об исторической необходимости К.У. Черненко – фигуры довольно странной в качестве руководителя великой державы. Индукция же все объясняла: переход от лысого к лысому невозможен, между ними должен быть хоть какой-то, но волосатый. Во-вторых, о невозможности пришествия на советский престол в ближайшее время женщины, потому как представить ее в качестве лысого лидера невозможно, а среди волосатых женщина-лидер не наблюдалась. В третьих, мы предсказали следующего «волосатого» – Е.К. Лигачева, который и вел-то себя уже именно как следующий. И – промахнулись. Как показали последующие события, следующим «волосатым», подтверждая закономерность, оказался Б.Н. Ельцин.

Тогда зимой мы посмеялись. Я рассказал этот сюжет на конференции в Киеве. В Институте философии Академии наук Украины, говорят, до сих пор висит моя фотография с подписью: «автор закона социалистической демократии». С.С. Гусев рассказал эту историю москвичам. Она пошла гулять в качестве анекдота, вошла в репертуар юмориста-сатирика М. Задорнова.

А бэконовско-миллевская индукция работала, накапливая подтверждения.

Сначала жена обратила мое внимание на то, что все «лысые» лидеры были не то, что западники, а даже, в узком смысле, были англоманами. Тогда как «волосатые» – склонны не то что к славянофильству, а были буквально русофилами-почвенниками.

Тут уже я задумался всерьез и обнаружил, что с «лысыми» связаны относительно кратковременные периоды бурления, поисков, реформ и прочих «перестроек», а с «волосатыми» относительно более длительные периоды стабилизации и прочего «застоя».

Закономерность улеглась в реальное время и в культуральные оп-позиции. Многое прояснилось на одном семинаре с психологами, с которыми я поделился этим сюжетом. Они мне популярно объяснили, что лысеют только холерики и немного – сангвиники, тогда как флегматики и меланхолики не лысеют. Почти одновременно мне попали на глаза воспоминания русского аристократа, что с воцарением Александра I (стоит вспомнить – при каких обстоятельствах он взошел на престол) питерские и московские салоны стали наполнять «невесть откуда берущиеся лысые либералы вроде П. Чаадаева». Как известно Александр I был лыс и объявил реформы, а когда те выдохлись, император как-то странно стал скитаться по окраинам империи, умер в Таганроге, а всеми делами правил очень даже волосатый Аракчеев. А если еще вспомнить союз с Британией против Наполеона, всеобщее увлечение английским языком в правление Александра.

Тогда стало окончательно ясно: речь идет о настоящем законе. Когда историческому процессу надо, его требования прорастают вплоть до требований к психофизиологическим особенностям лидера. И «бояре» выкрикивают: «лысого!» Или: «волосатого!».

Этот сюжет я приводил каждый семестр на очередном курсе по логике в качестве примера индуктивного обобщения. Меня спрашивали – а что если однажды эта закономерность нарушится. Я отвечал, что это будет означать смену политической культуры в России!

Когда стал приближаться к концу второй – последний – президентский срок Б.Н. Ельцина, я с большим (и специфическим!) интересом присматривался к кандидатам. Когда по ТВ сообщили, что Ю.М. Лужков публично объявил о своей готовности участвовать в президентских выборах и сделал это не где-нибудь, а во время пребывания в Великобритании, я чуть со стула не упал от смеха.

Последующие события показали – каких сил (отречение Ельцина, назначение преемника, беспредельный черный пиар в государственных СМИ) стоило переломить «железный закон».

Что в этом плане означает президентство В.В. Путина? Реальную смену российской политической культуры? Или.. Редкая шевелюра, высокий, с залысинами лоб, подтянутая спортивность... При всем путинском германофильстве – глубокая взаимная симпатия, дружба семьями с ...Т. Блэром! С их отношений, собственно и началась внешнеполитическая деятельность нового российского президента. Ведь даже разговорный английский был освоен в предельно сжатые сроки! Для кого как, а для меня поворот в российской внешней политике после 11 сентября 2001 года неожиданностью не был.

Изменения продолжились с избранием Президентом Д.А. Медведева, человека с достаточно пышной шевелюрой, и объявившего достаточно либеральный курс. Причем это сопровождалось новым позиционированием В.В. Путина, все более и более дистанцировавшегося от западных демократий. Такая семиотическая инверсия означала серьезные смещения смысловых оппозиций, связанных с вхождением российской политической культуры в стадию лиминальности, за которой может последовать и, очевидно – последует формирование уже новой российской политической культуры.

Но от шуток, в которых, как известно, всегда есть доля шутки, перейдем к фактам динамики политической культуры России.

Историческая память vs образ будущего: как настоящее управляет прошлым и будущим

«Кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Кто управляет настоящим, управляет прошлым» эта формула Дж. Оруэлла из его великой антиутопии «1984», противоречит, с одной стороны, известной философской рефлексии св.Августина о невозможности настоящего (то оно еще будущее, то уже стало прошлым), а с другой – психологической очевидности: каждый из нас – то, что мы о себе помним. Человеческое сознание определяется памятью прошлого. Мечты, надежды коренятся в этой памяти – к ней стремятся или от нее отталкиваются. В чем тогда роль настоящего? А тем более – владения им – которое «лишь только миг между прошлым и будущим»?

Бурные споры последнего времени относительно преподавания истории, сохранения исторических памятников, отношения к историческим деятелям давнего не столь давнего прошлого, оценки содержания художественных произведений, затрагивающих исторические события, стилистики празднования знаменательных и памятных дат – являются не случайными. Хотя бы по той причине, что все эти темы связаны с исторической памятью, которая является важнейшим фактором консолидации социума, формирования культурной и гражданской идентичности каждого из его членов. Без памяти не может быть ни человека, ни социальной группы, ни государства. А согласие по поводу памяти прошлого – центральный, ключевой момент формирования идентичности: социальной, национальной, культурной.

В этом плане, история, историческая память выступают социально-политическим институтом, реализуемым в различных формах

и различными социально-культурными технологиями: от образования, исторической науки и искусства – до массовых праздников и средств массовой информации.

Особое значение сказанное имеет применительно к современному российскому обществу, с его поисками самоопределения, позиционирования в современном мире, а главное – собственного внутреннего самоопределения, формирование которого невозможно без осмысления исторического прошлого. Проблема осложняется еще и тем, что речь идет не просто об исторических фактах, «белых» или «черных» пятнах в отечественной истории, а выборе тех фактов, которые представляются важнейшими, существенными для понимания настоящего, а главное – перспектив развития общества, фактически – того символического наследия, без которого невозможно построение будущего, которое важно для выявления и понимания перспектив этого будущего.

Споры о учебниках, спектаклях, памятниках князю Владимиру, «железному Феликсу» – споры вовсе не об их достоинствах, уместности, качестве, а о совсем другом: кем мы хотим себя видеть, что для нас важно в нашем прошлом, что мы должны о нем знать и помнить, почему именно это, и, наконец, – кто должен это решать и кто решает реально?

Историческая память – некие общепринятые представления о прошлом страны, нации, ходе их развития, которые транслируются, обсуждаются в публичном пространстве, формируя социально-культурные идентичности, способствуя осознанию общих проблем, целей, консолидируя и мобилизуя представителей различных поколений на достижение этих целей.

Активное обсуждение тематики «политического использования истории», «исторической политики», «политики прошлого», «политики памяти», «коллективной общественной памяти», «исторической памяти», «режимов памяти», «культуры памяти» и т.д. стало предметом интересов широкого круга историков, социологов, философов, политологов, психологов, культурологов и других специалистов.¹⁷⁵ Так, по свидетельству А.И. Миллера, термин «историческая политика»

¹⁷⁵ Обзор концепций и понятийного аппарата этих обсуждений см.: *Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля. //Символическая политика. Вып.1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012, с. 5-16; *Поцелуев С.П.* «Символическая политика» к истории концепта. //Символическая политика. Вып.1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012, с. 5-16.

(Geschichtspolitik) – возник в 1980-е годы в критике левыми попыток канцлера Г. Коля подвергнуть легкой ревизии германское «покаяние» за Вторую мировую войну.¹⁷⁶ В 2004 польскими историками и политологами это понятие (polityka historyczna) было подхвачено для оправдания использования истории в решении политических проблем. Эти нешуточные проблемы возникли в связи с вступлением в НАТО и ЕС посткоммунистических государств Восточной Европы, взорвавшим существовавший в Западной Европе консенсус общей исторической памяти. Помимо общей имперской истории (Древний Рим, Священная Римская империя, империя Наполеона) стран Западной Европы, в этот консенсус входило безоговорочное осуждение Холокоста. Однако в новом национальном сознании новых членов НАТО и ЕС фигурирует борьба с советским империализмом, в том числе в виде сотрудничества с нацистами. В результате в Европе появились «хорошие» и «плохие» фашисты и эсэсовцы. Одновременно противники евроинтеграции стали приписывать лидирующей роли Германии амбиции нового рейха – типа «Добро пожаловать в концлагерь ЕС!».

Этот пример показывает важность исторической памяти, необходимость ответственного осмысления ее роли и динамики.

Роль общей исторической памяти социума сродни роли памяти в формировании и самом факте существования индивидуального сознания. Объем и качество памяти достаточно точные критерии интеллектуального и нравственного развития личности, ее уровня образования и профессиональной подготовки. Сам факт самосознания, свидетельство вменяемости личности выражается в способности вспомнить далекое и недавнее прошлое, имена и даты, собственную биографию, своих близких, отношения с ними, рассказать об этом...

Недаром подавляющее большинство практик самопознания (исповеди, дневники, автобиографии, воспоминания, «истории по жизни» и т.п.), так или иначе, но связаны с практиками воспроизводства памяти, рефлексии над ее содержанием, в виде рассказов, дискурсивного развертывания.¹⁷⁷ Аналогично и с исторической памятью социума. «Чтобы сформировать ...чувство единства с другими людьми,

¹⁷⁶ *Миллер А.И.* Кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит. О европейских войнах памяти и роли России, которая активно в них участвует. // Новая газета. № 38, 04.06.2015. – С. 2-3.

¹⁷⁷ См. материалы виртуальных круглых столов: Личность как автопроект // *Философские науки*. 2009. № 9, сс.5-78, № 10, с.5-71; Скриптитизация: откровение, укрывание и вменение бытия // *Философские науки*. 2008, № 8, сс. 25-145, № 9, сс. 80-93. А также *Тульчинский Г.Л.* Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб: Алетей, 2007.

принадлежащими к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом», в котором данной нации «отводится центральная и позитивная роль»¹⁷⁸.

Нарратив (от лат. *Narrare* – рассказывать) – языковая, дискурсивная практика повествования, разворачивания событий в некоей осмысленной последовательности, имеющей начало, сюжетную структуру развития и развязку, финал. Причем ключевую роль играет именно финал, завершающий повествование и осмысление всего его сюжета. Рассказчик, собственно, тем и отличается как от героев своего рассказа, так и от слушателей, что он знает, чем завершилась рассказываемая история. Именно наличие определенного «завершения», конца, изначально известного нарратору, создает своего рода силовое поле, приводящее все сюжетные линии к одному смысловому фокусу. Знание финала выступает аналогом аттрактора, поэтому понимание истории делает ее телеологической дисциплиной, вполне в гегелевском смысле, открывая двери ее перманентному переформатированию – в соответствии с очередным «сдвигом финала», т.е. очередным этапом развития общества.

Нарративы играют важнейшую роль в формировании обыденного сознания и традиционного знания. Сказки, легенды, хроники, былины, житийные истории, эпос, биографии известных людей – все они формируют и транслируют представления о происхождении данного социума (рода, племени, нации), важнейших событиях, славят героев, внушают гордость за своих предков, задают образцы нравственного поведения, отличия от соседей и чужеземцев, позволяя позиционировать данный социум, его представителей в пространстве и времени. В этом плане нарративы символизируют действительность, наполняя ее смыслом, задают шаблоны и образцы интерпретации прошлого и настоящего, выступая эффективным средством формирования, даже конструирования идентичности социума и его членов.¹⁷⁹

Со временем к традиционным нарративным средствам социализации добавились система средства массовой информации, искусства, система образования, гуманитарные науки. Особую роль при этом играет история, которая нередко и конституируется (Т.М. Гуд, А. Данто, Д. Каллер, А. Карр, Ф. Кермоуд, А. Тойнби, П. Рикер, М. Уайт и др.) в качестве нарратологии по преимуществу. В рамках нарративного понимания истории со-

¹⁷⁸ *Bell Duncan S.A.* Mythscapes: memory, mythology, and national identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol.54, No.1, pp.63-81.

¹⁷⁹ *Sommers M.R.* The Narrative Constitution of Identity: a Relational and Network Approach. // *Theory and Society*. 1994. Vol.23, No.5, pp.606-649.

бытия, сам исторический процесс трактуется не «онтологически», как некий объективный процесс развития, а как всегда возникающие в контексте конкретного рассказа и заложенной в нем интерпретации. Согласно М. Уайту, такой рассказ в исторических сочинениях использует широкий спектр концептуализаций: от специфически выстроенной хроники, определенного типа построения сюжета до идеологического подтекста или даже социального заказа. Как теоретическая дисциплина история выступает не описанием онтологически артикулированной реальности, а скорее инструкцией по ее формированию, построению, а историк предстает коммуникатором, медиумом, который отбирает из исторических источников отдельные фрагменты, складывая их в определенную историческую картину, которая транслируется далее в научных статьях, учебниках, популяризациях, СМИ.

По словам Ж. Эллюля: «Сегодня факт – это то, что переведено в слова или представления; очень немногие люди могут непосредственно испытывать на себе то, что оказалось переработанным и приняло характер общезначимости, поэтому фактом является то, что передано широкому кругу людей средствами коммуникации, и то, чему был придан определенный оттенок, не обязательно воспринимавшийся очевидцами события. Все эти черты соединены вместе и конституируют те абстрактные факты, на которых строится общественное мнение».¹⁸⁰ В этом случае фактом становится не то, что произошло, а то, о чем рассказали. А рассказ всегда делается с учетом того фрейма, в который этот факт помещается коммуникатором.

Согласно Е.Топольски, выстраивание исторического нарратива происходит на трех уровнях: (1) информация, опосредованная воображением историка, собранная им из источников; (2) риторика убеждения аудитории в правдоподобности предложенной смысловой схемы; (3) политико-идеологические установки автора нарратива.¹⁸¹ Однако, как представляется, более точной является схема нарратива предложенная нами ранее на материале кинотекста, который, как было показано¹⁸², выступает системой, как минимум, трех уровней нарративности как технологии понимания:

(1) Демонстрация, череда образов и сцен, формирующая узнавание, идентификацию – типичная нарративность видового, домашнего, иногда – документального кино.

¹⁸⁰ Ellul J. Propaganda. The formation of men's attitudes. NY: Vintage Books, 1973; Белоусов А.Б. Пропаганда Жака Эллюля. // Свободная мысль. 2010. № 4 (1611), сс. 167-182.

¹⁸¹ Topolski E. The Role of Logic and Aesthetic in Constructing Narrative Wholes in Historiography // History and Theory. 1999/ Vol.38, No.2, pp.198-210.

¹⁸² Тульчинский Г.Л. Три уровня кинонарратива как понимания: метафора сна // Кино-текст. СПб: Изд-во СПбГУ, 2015.

(2) Монтаж, агрегация этих сцен – то, что и порождает смысл, сюжет как пазл, в котором могут обнаруживаться смысловые, каузальные нестыковки целого.

(3) Толкование этого целого, рефлексия над ним, в духе итогового рассказа Э.Пуаро, мисс Марпл в финале, достраивающего осмысление до выявления мотиваций. Иногда такую роль играет закадровый голос главного героя или автора. При отсутствии таких вспомогательных средств, роль такого толкования выполняет сама публика (зрители, критики, журналисты).

На первый взгляд, эта модель, легко применимая к историческим нарративам, выглядит тождественной модели Е. Топольского. О некотором совпадении, однако, можно говорить только относительно первого уровня – некоего эмпирической фактологии. Второй уровень не сводится к риторическим приемам убеждения. Это именно смысловое построение, суть которого состоит в выработке объяснения как выявления причинно-следственных связей, каузальности. Третий уровень тоже строит некое объяснение, но уже на других принципах – не каузальности («почему?»), а телеологичности, целесообразности («зачем?»), как выявления некоего замысла, целей, намерений, мотивации, порождающей или использующей каузальность. Примером такого варианта объяснений может служить детектив, главным моментом которого является выстраивание поздней рационализации, в которой хронология и каузальность стыкуется и объясняется мотивацией, выявляющей ответственность за происшедшее. Фактически, речь идет о двух хорошо известных основных стратегиях познания.¹⁸³ Первая свойственна естествознанию и точным наукам (*sciences, die Naturwissenschaften*), вторая – гуманитарным (*humanities, die Geisteswissenschaften*). Третий уровень наррации присутствует и в *science*, но в усеченном, старательно элиминируемом виде: в обоснованиях актуальности исследований, заявках на гранты, популяризациях. Акцентированное присутствие и важность третьего уровня наррации в истории, помимо прочего, лишний раз подтверждает принципиальную несводимость истории – как *humanities* – к *science*.

Если в постмодернистской нарратологии Р. Барта, М. Фуко, Ж. Дерриды, М. Джеймисона, ассоциируемой с ними философской герменевтики Х.-Г.Гадамера, доминировал пафос принципиального плюрализма, допустимости любой наррации как свободы высказывания, истинности любого сказанного, которое указывает на уже и еще не сказанное, то с освоением таких возможностей все более становится

¹⁸³ *Wright G.H.von, Explanation and Understanding. London: Routledge & Kegan. Paul, 1971.*

ясной социально-культурная и политическая ангажированность исторических нарративов. Это делает нарративные практики чрезвычайно удобными для трансляции явных или неявных идеологем.¹⁸⁴

Конечно, переоценка коллективного прошлого в зависимости от изменения контекста – задача, прежде всего, историков. Но и политики активно участвуют в этом процессе. Изменения государственной символики, официальных ритуалов, содержания учебников и учебных программ, календаря памятных дат, отмена и учреждение общенациональных праздников – все это далеко не полный перечень политического использования истории, а то и его целенаправленной составляющей в качестве «исторической политики».¹⁸⁵ Прошлое становится не только одним из риторических ресурсов легитимации власти, пропаганды, но частью самой политики.

Символическая политика и смысловые войны как конфликты интерпретаций. Политика, как деятельность, связанная с формированием, удержанием, передачи власти, обеспечивающая целостность социума, внутренние и внешние условия его существования и развития, в наше время в изрядной степени предполагает активное использование символических ресурсов. В современном мире имеет значение не только, а иногда даже и не столько воздействие на граждан или другие государства в форме прямого властного принуждения или подкупа, сколько влияние, основанное на привлекательности предлагаемых ценностей, норм, стереотипов, и, как следствие, их добровольном принятии.¹⁸⁶ Идеи «мягкой силы» (soft power, smart power)¹⁸⁷, «символической политики» (как symbolic politics, так и symbolic policy¹⁸⁸), «символической власти»¹⁸⁹ не только активно обсуждаются, осмысляются, но и, что самое главное, активно используются в решении политических задач различного уровня, включая реформы и

¹⁸⁴ Gill G. Symbolism and Regime Change in Russia. Cambridge: Cambridge Univ.Press, 2013.

¹⁸⁵ Историческая политика в XXI веке. / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: НЛЮ, 2012.

¹⁸⁶ Moscovici S. Social influence and social change. L., N.Y.: Academic Press (European Monographs in Social Psychology), 1976.

¹⁸⁷ Nye, Joseph S. *Yr. The Powers to Lead*. NY: Oxford University Press, 2008; Nye, Joseph S. *Yr. Soft Power: The Means to Success in World Politics*. NY: Public Affairs, Perseus books Group, 2004.

¹⁸⁸ Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля. //Символическая политика. Вып.1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012, с. 5-16; Поцелуев С.П. «Символическая политика» к истории концепта. //Символическая политика. Вып.1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012, с. 5-16.

¹⁸⁹ Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв.ред.перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетей, 2007.

революции, гражданские и межгосударственные конфликты. О возможностях новых технологий в реальной политике заговорили политические и государственные деятели самого высокого уровня.¹⁹⁰

Идея символической политики, как и другие, примыкающие к ней упомянутые концепции, открывает более широкий горизонт анализа, чем доминирующая в «нормальной» (в смысле Т.Куна) политической науке концепция рационального выбора, восходящая к экономической социологии маржиналистского толка.¹⁹¹ Правящие элиты не только и не столько реализуют интересы граждан, сколько формируют восприятие и понимание ими реальности, фактически, формируя ожидания, надежды, опасения и другие интересы и запросы.¹⁹² Более того – саму политику можно и следует изучать как «символическую форму»¹⁹³.

Согласно П.Бурдые, символическая власть – это «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира». Тем самым она предстает как «воздействие на мир, а значит, сам мир...»¹⁹⁴. Правящий политический класс не ограничивается формированием символической политики как некоего идеологического конструкта. Он сам действует в рамках задаваемых представлений, приоритетов, целей. Поэтому символическая политика не ограничивается манипулятивными технологиями выстраивания смысловых комплексов – она предстает социальной инженерией конструирования реальности¹⁹⁵, которую Д.Лакофф связывает с когнитивным рефреймингом¹⁹⁶.

Человеку свойственно (и это отличает его от животного мира) строить свое поведение не только генетически определено, но и на основе осмысления и реконструкции прошлого, чаяний, надежд, образов будущего. Эти представления обобщаются в неких символах,

¹⁹⁰ Путин В.В. Россия и меняющийся мир. // Московские новости. 2012, №33 (225).

¹⁹¹ Тульчинский Г.Л. Политические трансформации в России и современная политическая наука // Неприкосновенный запас. 2014, № 98 (6/2014), с.95-112.

¹⁹² Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham publishing company, 1971, p.7-8.

¹⁹³ Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: Univ. of Illinois press, 1964, p. 2. Edelman, 1964.

¹⁹⁴ Бурдые, Социология социального пространства, 2007, с.95.

¹⁹⁵ Lakoff G. The political mind: A cognitive scientist's guide to your brain and its politics. New York etc., 2009; Lakoff G. Thinking points: Communicating our American values and vision. New York, 2006.

¹⁹⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia, Медиум, 1995

образах, мифах, предопределяющих даже чувственные восприятия и ощущения. Это делает возможным абстрагирование, категоризацию, строить сложные рассуждения, планировать действия, поступки.¹⁹⁷

Реальное воспринимается и оценивается личностью не само по себе, а через призму воображаемого и символического.¹⁹⁸ Поэтому любое, даже самые рациональные решения и действия принимаются и предпринимаются посредством мотивационных воздействий воображаемого и с учетом символического. В этом плане суть применения «мягкой силы» заключается в представлении целевой аудитории образцов привлекательной идентичности, и обеспечения коммуникации, презентующей и транслирующей эти образцы. Тем самым, реализации мягкой силы и символической политики – как обещание реализации желаемых переживаний, с одной стороны, предстает как оперирование с памятью личности с помощью транслируемой исторической памятью, а с другой – технологической – предстает разновидностью маркетинга и брендинга¹⁹⁹ в сфере публичной политики.

Обычно символическая политика понимается как деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование.²⁰⁰ В этом плане символическая политика предстает выстраиванием картины мира в головах носителей этих интересов, сценариев их поведения. И современные технологии массовых коммуникаций дают для этого мощные инструменты.

Речь идет о широком наборе технологий и инструментов: традиционные и новые СМИ, дискурсивные практики, идеи, образы, нарративы, знаки, изображения, образы, брендинг (стран, регионов, лидеров, программ, проектов)²⁰¹, специальные события (праздники, церемонии,

¹⁹⁷ *Edelman M.* Politics as symbolic action, 1971, p. 33-35.

¹⁹⁸ *Лакан Ж.* Семинары. Книги 1-17./ Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 1998-2008.

¹⁹⁹ *Тульчинский Г.Л.* Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб: СПб ГУ, 2013;. *Тульчинский Г.Л.* Маркетинговый анализ гражданского национализма в современной России. // Социально-политические исследования. 2015, № 1, с. 6-9.

²⁰⁰ *Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля; *Поцелуев С.П.* «Символическая политика» к истории концепта; Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О.Ю. Малиновой. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011; *Киселев К.В.* Символическая политика: власть vs. общество. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006.

²⁰¹ *Тульчинский Г.Л.* Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб: СПб ГУ, 2013.

конкурсы, фестивали, выставки, соревнования и т.п.)²⁰². Даже экономика все в большей степени предстает производством и потреблением знаков, символов – не только брендов, но маркетизированных симулякров.²⁰³ В круг реализации символической политики входят и конкретные действия, принимаемые и реализуемые политические решения.

Собственно, любые (если не все!) феномены социальной реальности (события, тексты, изображения, личности, природные объекты и катаклизмы, артефакты культуры etc, etc) могут выступать предметами (и инструментами) символической политики. Таковыми они становятся при двух условиях:

– Они становятся предметом публичного дискурса: обсуждений, дискуссий, интерпретаций в публичном коммуникативном пространстве, прежде всего – в медиа. Вне публичного пространства они могут быть предметом спецопераций, кулуарных действий, которые, впрочем, в случае огласки тоже становятся инструментом символической политики.

– Эти обсуждения связаны с решением проблем сегодняшнего дня. В этих спорах и интерпретациях упомянутые феномены социальной реальности связываются с современным контекстом (проблемами, целями).

Условие (В) втягивает в символическую политику не только прошлое (историю, исторические факты), но и образы будущего, которые тоже становятся средством символической политики. Речь идет не только о художественных образах, но и исследованиях, проектах, программах. Наука, включая точные науки, количественные методы, будучи втянутыми в дискуссии о насущных проблемах развития социума тоже выступают как часть (средства и технологии) символической политики. Такое втягивание пересекается с манипуляцией, но к ней не сводится. Более того, сама разоблаченная манипуляция становится предметом символической политики.

Особый интерес представляет соотношение символической политики и действующих социально-политических институтов. С одной стороны, нормы и средства их реализации и контроля образуют инфраструктуру символической политики – как части политического процесса, инициируют и организуют ее. С другой стороны, сама

²⁰² Герасимов С.В., Лохина Т.Е., Тульчинский Г.Л. Менеджмент специальных событий. СПб: Лань, 2010.

²⁰³ Мосейчик Г.И. Экономика семиотики как экономика пороков и добродетелей эпохи пост модерн. // Экономика пороков и добродетелей. СПб: СПб ГУ, 2015, с.68-69.

символическая политика может способствовать формированию новых институтов, прохождению пути от идеи – и далее через общее понимание, формирование сообществ, ассоциаций со своими целями, нормами – до организационной институционализации (структур, организаций, учреждений). За этим процессом стоит коммуникация, ее интенсивность и упорядоченность. Именно этот процесс взаимости-мультирования идей, символов, технологий и разных стадий институционализации, единства смыслового и организационного – составляет самое интересное и важное не только в практике символической политики, но и в анализе самого этого феномена.

Функционал символической политики важен и широк. Прежде всего, это задание системы социальной мифологии, позволяющей ориентироваться в социальной реальности, категоризацию этой реальности, обеспечивая «ага-узнавание». Тем самым обеспечивается не только узнавание, но и понимание, объяснение происходящего. На основе этого общего понимания формируется как консолидация социума, так и идентичность индивидов (принадлежность и сопричастность социуму). А созданное с помощью технологий символического воздействия представление о реальности становится более значимым для жизни людей, чем сама реальность, стимулирует к преобразованию реальности в соответствии с этими представлениями. Герои и события, значимость которых еще вчера казалась незыблемой, сегодня поблекли, переоценены или забыты. Еще пару десятилетий назад и в страшном сне не могло присниться, что памятники героям Великой Отечественной войны на постсоветском пространстве станут объектами совершенно безнаказанного вандализма, а на смену музеям воинской славы придут музеи советской оккупации. В нынешней Украине – «ленинопад» от Славянска до Львова, отломанный меч Александра Невского в Харькове, киевская Родина-мать со щитом, на котором советский герб на щите, но в вышиванке, памятники С.Бандере и «героям» УПА.

Важно и то, что концепты и технологии символической политики, осуществляемой посредством массовых публичных коммуникаций, не только обеспечивают влияние, «мягкую силу». Они также открывают теоретические возможности, дают новые инструменты анализа социальной реальности в конфликтологии, прикладной политологии, социологии и социальной психологии. Более того, сами эти исследования (модели, аналитики, опросы, статистические данные, их обработка и т.д.), как уже отмечалось, сами, в свою очередь становятся компонентами символической политики, потому что предлагают определенные

интерпретации, объяснения социальной реальности. Особую роль при этом играет их включение в медийное пространство.

Ярким примером такой технологии, предстающей одновременно и теоретической моделью интерпретации, являются «информационные (смысловые) войны».²⁰⁴ Если однонаправленные информационные атаки, действия типа пропаганды, манипуляции и слухов имеют целью убеждения, мнения, то смысловые информационные войны второго рода преследуют кратковременные практические цели, стимулируя определенные действия, необходимые для решения конкретной проблемы.²⁰⁵ Специфика таких «войн» в том, что нельзя однозначно идентифицировать их акторов, их мотивацию, полученные результаты. Социально-политическая реальность является результатом взаимодействия, столкновения, конкуренции таких проектов и кампаний. Именно это имеется в виду, когда историю понимают как «равнодействующую волю». При желании за любой новостью, за любым событием можно проследить мотивационную цепочку, «коварный замысел», который можно приписать неким «врагам». Тем не менее, акторы «информационных войн» во многом оказываются продуктами интерпретаций, дискурсивных практик, которые, в свою очередь, тоже могут рассматриваться как «информационные войны». Тем самым, сам феномен информационной войны переводится не то что в дискурсивную практику мифотворчества, а в игру ума аналитиков и политтехнологов – кто кого «переинтерпретирует». Это не только и не столько собственно информационные, пропагандистские, манипулятивные атаки, сколько именно **конфликт интерпретаций** этих действий.²⁰⁶

Сегодняшние пропагандистские практики основаны уже в большей степени не на информации и ее интерпретации, а на прямой дезинформации: в XXI в. больше не нужно, да и невозможно полностью цензурировать всю информацию, но вполне возможно создать достаточно дезинформации, чтобы помешать людям разобраться в том, что

²⁰⁴ Бухарин С.Н. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект, 2007; Власенко И.С., Кирьянов М.В. Информационная война: искажение реальности. М.: Канцлер, 2011; Волконский Н.Л. История информационных войн: в 2-х тт. / Петрова И. (ред.). СПб: Полигон, 2003.

²⁰⁵ Глазунова С.М., Тульчинский Г.Л. Парадоксальность «информационных войн» как репрезентации конфликтов в современном обществе: в поисках «постинформационного Третьего» // Модернизация как управляемый конфликт. М.: Изд.Дом «Ключ-С», 2012. с.333-338.

²⁰⁶ Tulchinskii, Grigorii. Information wars as a conflict of interpretations: activating the 'third party'. // Russian Journal of Communication, 2013, Vol.5, No.3, pp.244-251.

происходит. Так информационное общество мутирует в дезинформационное.²⁰⁷ Тесная взаимосвязь и даже взаимодополнительность массовых публичных коммуникации и символической политики создают качественно новый характер современной цивилизации, предстающей насыщенным и даже перенасыщенным символическим пространством.

Символические нарративы исторической памяти и реальность. Содержание исторической памяти достаточно хорошо изучено и систематизировано. Это тематика истории происхождения народа, государства, откуда «есть пошла наша земля», славные *события* истории. С такими событиями связываются *места*, а также *даты*, позволяющие праздновать эти события, отмечать их юбилеи, приобщаться к ним. Главными персонажами при этом являются «*отцы – основатели*», *исторические деятели*, сыгравшие ключевую роль в формировании и развитии этноса. К ним примыкают *герои*, которым мы обязаны своим существованием, и которые являются образцами нравственного и поведенческого подражания. В «Пантеон» исторической наррации входят также деятели культуры, искусства, замечательные труженики, спортсмены. Этот перечень дополняют изделия рук человеческих – как предмет особой гордости: от артефактов традиционных и этнографических искусств и ремесел – до достижений современной технологии.

При этом преимущественное внимание уделяется успехам, героизму и другим предметам гордости в историческом прошлом. Однако историческая память не может не включать в себя и трагедии, пережитые социумом горе, беду, ужас. Речь идет о темах печали, возможно – стыда, а то и того, что хотелось бы забыть, не думая о плохом. Не будучи включенными в историческую память, не осмысленные ею, эти темы образуют незалеченные травмы общественного сознания, его «невротичность», обусловленную невозможностью дистанцироваться от прошлого, зафиксировать его, уверенно жить дальше. Такое прошлое постоянно присутствует, вызывая навязчивые повторы.²⁰⁸

Ярким примером такой невротичности является современное российское общественное сознание с его патологией незалеченных

²⁰⁷ В этой связи Г.Г.Почепцов не обосновательно предлагает говорить не о информационных, а о дезинформационных войнах: *Почепцов Г.Г.* Ошибки информационной политики... http://osvita.mediasapiens.ua/ethics/manipulation/oshibki_informatsionnoy_politiki_v_period_rossiyskougkrainskogo_konflikta/, 2015.

²⁰⁸ *Tunbridge J.E., Ashworth G.J.* Dissonant Heritage: The Management of the Past as Resource in Conflict. Chichester: John Wiley, 1996; Macdonald Sh. Difficult Heritage. London: Routledge, 2009.

исторических травм, неопределенностью отношения к прошлому – как давнему, так и новейшему. Это проявляется не только на уровне искусства и СМИ, в радикальных пересмотрах учебников и учебных программ, но и в переименованиях городов и улиц, разрушении памятников, охранных зон, даже на уровне вынужденно замалчиваемых тем семейной памяти. В не столь давнем советском прошлом дело доходило до уничтожения и фальсификации документов – например, дат и причин смерти репрессированных.

Люди живут рядом, на той же территории, но у них нет ясного отношения к прошлому, его понимания, нет памяти общего страдания и освобождения от него. Каждая этническая, конфессиональная, профессиональная, политическая социальная группа культивирует свои версии прошлого, что приводит к идеологическим «войнам памяти», которые, в свою очередь, порождают новые и новые интерпретации. В результате прошлое оказывается не изжитым. Оно длится в настоящем, порождая страх возвращения, страх перед будущим. Прошлое сливается с будущим, парализуя настоящее.²⁰⁹ Как говорил Д.Сантаяна – кто не помнит прошлого, тот обречен повторять его.

Ранее на материале армянского и еврейского народов была показана роль в их исторической памяти Великой жертве, грандиозной трагедии, причиненной Страшным Врагом, сплотившей каждый из этих народов²¹⁰. Речь идет о геноциде как мощного фактора формирования национального самосознания. Возможно, этот пример объясняет и некоторые проблемы с формированием российского самосознания и идентичности. Так, образ Великого врага в отечественной истории носит «блуждающий», несфокусированный характер. Более того, вчерашний враг неоднократно становился другом, и – наоборот. В образе такого то ли друга, то ли врага» побывали Германия, Франция, Австрия, Англия, США, евреи, «лица кавказской национальности»... Проблема и с Великой Жертвой. Точнее, сама эта Жертва была, и неоднократно... Татаро-монгольское иго – это жертва, или это был опыт новой государственности? Великая Отечественная война – несомненно, великая жертва, великая Победа народа, присвоенная режимом... Большевицкая революция, Гражданская война, советский

²⁰⁹ Эткнд А. Кривое горе. Повесть о непогребенных. – М.: НЛЮ, 2016, с. 66.

²¹⁰ Тульчинский Г.Л. Геноцид в национальном самосознании // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах: Том 1. 1 / Отв. ред. Богоявленская Д. Б. – М.: Когито-Центр, 2015, с. 130-132.

эксперимент, сталинский террор – Великая жертва. Но и тут возникают проблемы с ее осмыслением: во имя чего и кому она принесена.

Однако парадоксальность исторической памяти еще и в том, что, будучи акцентированной и культивируемой, она становится опасной, способствуя росту конфликтов, их обострению. Овладевая общественным сознанием, память старых обид ведет к тому, что терпимость и нелегкая работа прощения у потомков заменяется разбереживанием застарелых ран, решимостью отомстить за реальные или домысливаемые травмы. В результате историческая память несет не мир, но войну – нередко еще более трагическую, создающую новые пласты ненависти у новых поколений.

Так, в XIX столетии в связи с колониалистской экспансией возникла трактовка арабскими историками средневековых крестовых походов как проявления пагубных намерений западных стран по отношению к исламскому миру. А в наши дни это стало уже расхожим клише радикальных исламистов. В своей записанной через два месяца после терактов 11 сентября речи Усама бен Ладен связал начавшееся американское вторжение в Афганистан с продолжением войн крестоносцев против исламского мира. Более того, одним из проявлений этой злокозненности западных «крестоносцев» рассматривается возникновение и существование государства Израиль. То есть, крестоносцы предстают как прото-сионисты!

Убедительными примерами деконструктивности культивируемой исторической памяти, стимулирующей новые и новые витки недоверия и насилия, могут служить не только большая часть стран Ближнего Востока, но и страны бывшей Югославии, Северная Ирландия, Шри-Ланка, Украина.

Память может быть союзником справедливости, но это не очень надежный путь к миру и согласию, в то время, как забвение способно открыть такой путь. Хорошим примером может служить *Pacto del olvido* (пакт забвения) в Испании 1970-х между сторонниками и противниками генерала Франко после его смерти. В развитие идей пакта в 1977 году был также принят закон об амнистии, согласно которому убийства и зверства, совершенные с обеих сторон во время гражданской войны, были защищены от судебного преследования. В результате испанское общество не только смогло достичь политического урегулирования, но и успешно пройти путь демократической модернизации. При этом показательно, что при переименовании проспектов и бульваров, названных именами генералиссимуса и его окружения, использовались имена не республиканских героев и мучеников,

а деятелей более давнего королевского прошлого Испании. Не менее показательно и то, что предпринятые в 2008 году известным судьей Б.Гарсоном усилия по расследованию гибели сотен тысяч людей, убитых фашистами за время гражданской войны и франкистского правления, эксгумации массовых захоронений, не нашли поддержку высших судебных инстанций страны. Б.Гарсон был временно отстранен от судебной деятельности, и в 2014 году окончательно ушел в общественную деятельность. В этом же ряду можно отметить и отчаянные усилия правительства Н.Манделы и его сторонников по примирению постколониального социума Южной Африки.

В этой связи представляется важным различать в мемориальной культуре две логики: (А) память гордости победами, триумфами, и (В) память скорби, беды, жертв. Во втором случае речь может идти различных практиках.

Это могут быть практики забвения, замалчивания, что, как уже говорилось выше, вряд ли может рассматриваться как решение конструктивное и дальновидное. С ходом истории, а то и в современности будут найдены артефакты, свидетельства, порождающие недоверие и конфликты.

Это могут быть исторические и социологические исследования, переводящие соответствующие темы в плоскость научного анализа, объяснения с последующим «архивированием» этой памяти, изживанием прошлого на уровне научного осмысления, что не исключает, а даже предполагает включение результатов такого осмысления в учебные программы достаточно высокого уровня. Наконец, это могут быть символические презентации этой памяти, связанные или с глубокой рефлексией (сознательной скорбью и печалью), или без такой рефлексии (как просто нечто, достойное сожаления).²¹¹ Сказанное можно пояснить с помощью предложенной Х.Уайтом, К.Берком и продолженной В.Цымбурским модели выстраивания исторической наррации в соответствии с комическим и трагическим жанрами²¹². Немного модифицировав модель, можно говорить о четырех возможных «жанрах» презентации исторической памяти, в зависимости от двух пар их характеристик: презентации победы (торжества) или поражения (неудачи),

²¹¹ Рубцова О.В. Триумфальное и травматическое внутри городских практик меморизации: анализ постсоветского опыта. // Патриотизм, гражданственность, национализм: политические концепты в массовой культуре. Пермь: ПГГПУ, 2015, с.40-42.

²¹² Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Изд-во «Европа», 2011.

которые подаются либо как сопричастность (идентичность) с данным содержанием, либо отстраненно, как чуждое.

– Гордость, радость и восхищение героизмом победителей, сопричастность победе.

– Неизбежность расплаты врага за временный успех.

– Скорбь, героизм мученичества как sacrifice – жертвы-во-имя-чего(кого).

– Трагизм рока, бессмысленного распада и хаоса, victim – жертва-от-чего (кого)-то.

Такое рассмотрение позволяет существенно систематизировать представления о содержании исторической памяти, а также – формы ее презентации. Такие формы презентации заслуживают особого внимания, в первую очередь – исследования диахронического плана, которые могут уточнить соотношение динамичных медийных презентаций с долговременной культурной памятью, а также с нарративами «средней динамики», транслируемыми в образовательных программах, сфере искусства.

Историческая память социума, а тем более – символическая политика всегда и везде пристрастна, эмоционально и нравственно окрашена. Она конструируется исходя из актуальности настоящего, аккумулируя в себе позитивное начало и вытесняя негатив²¹³. Академическое – стремящееся к объективности, согласованию с фактами – историческое знание в контексте символической политики существенной роли не играет. Если общественному мнению нельзя, но очень хочется, то можно...

Помнится, как меня удивила икона св. Великого князя Александра Невского, в житийных клеймах которой Александр воюет с татарами. Любому, кто хотя бы немного знает отечественную историю, ясна невозможность этого. Ярлык на княжение был им получен в Орде, ради чего Александр ползал перед ханом на животе... Не просто «смотрящий» за русскими княжествами, но и ханский побратим, посылавший русские дружины на усмирение бунтовщиков в Китае... Татарская конница, остановившая немецких «псов-рыцарей» на льду Чудского озера (этого нет в фильме С.Эйзенштейна, но есть в летописи)... Так что Александр Невский мог воевать с кем угодно, но не с татарами.... Но это в реальной истории. А с кем должен был воевать в **обществен-**

²¹³ Сидоров А. История в стиле легио. Зачем нам памятники и что с ними делать. // <http://lenta.ru/columns/2015/07/04/monuments/>. 2015.

НОМ СОЗНАНИИ один из всего двух (А. Невский и Д. Донской) русских православных святых – воинов-защитников? Конечно – с басурманами! Вот он с ними и воюет в иконописном жизнеописании.

Великая сила общественного мнения в том и заключается, что, как говорил мудрый В.Б.Шкловский, – в истории остаемся не мы, а легенды о нас.

Так же и в современной символической политике представления об истории как прикладной части идеологии не имеют слабое отношение к фактам и установившимся в исторической науке оценкам событий. Идеологи, журналисты, представители власти, рассуждающие об уважении к истории, необходимости борьбы с ее искажениями, имеют весьма приблизительное представление о профессиональных стандартах исследователей, предполагающих точность цитирования, уважение к источнику и одновременно проверку информации. Это им даже мешает. Главное – броский образ, запоминающиеся фразы. Достоверность изложения прошлого вопрос глубоко второстепенный, гораздо важнее – его трактовка, ее пропагандистская трансляция.

Таких примеров бесконечное количество. Если высшая власть использует историю в качестве универсальной анестезии с некоторой осторожностью, то уж на средних и нижних этажах государства и общества творится такое, что даже концепция академика Фоменко кажется скучным перечнем очевидностей. Расценивать такой подход к истории как тиражирование невежества не совсем точно. Транслируемая символическая политика – нарратив 3-го уровня, к которому требования объективности мало применимы. Историческая политика в современной России используется отнюдь не для просвещения, а как инструмент для решения сиюминутных политических и идеологических задач.

Демонстративная архаизация в пышных юбилейных торжествах и подражании дореволюционным и советским государственным деятелям иногда это принимает анекдотический характер за гранью здравого смысла и приличия. Так, депутаты и общественные деятели Пермского края заменили на портретах советских маршалов времен Великой Отечественной войны их изображения своими собственными.²¹⁴

Такая «глубокая, безоглядная, по самые ноздри погруженность в прошлое, не отличимое от настоящего»²¹⁵, лишает возможности не только представить будущее, не описывая его в образах, примерах прошлого, но и не дает ни оценить, ни даже ощутить само настоящее – как нечто

²¹⁴ Антекварь П. История: с большой буквы.. // <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/07/21/601422-istoriya-s-bolshoi-bukvi>.

²¹⁵ Степанова М. Предполагая жить.: <http://www.colta.ru/articles/specials/6815>.

свое собственное, не имеющее прецедентов. Речь идет, фактически, о буквальной, даже гипертрофированной реализации формулы Оруэлла, представленной в эпитафии данной работы – полном отсутствии дистанции и даже желания дистанцироваться от всего, что уже случилось.

Тесная взаимосвязь и даже взаимодополнительность массовых публичных коммуникации и символической политики создают качественно новый характер современной цивилизации, предстающей насыненным и даже перенасыненным символическим пространством. Это пространство имманентно и самодостаточно. В этой ситуации поиск нового опыта, трансцендирование в иное заменяются фрактализацией настоящего и прошлого. В этой ситуации утрачивается образ будущего. Более того, возникает аларм по отношению к будущему, его нежелание, страх перед ним. Место научной фантастики заняло фэнтези с его средневековой стилистикой. Характерна ситуация в искусстве, в котором на первый план вышли сиквелы, приквелы, пародии, когда происходит накопление разнообразия без приращения нового.

Лавинообразный рост интерпретаций интерпретаций интерпретаций даже порождает идей жесткой регламентации символов. Введение символической регламентации вряд ли поможет, но возрождение интереса к религии (как традиционным формам, так и альтернативным) – явление именно этого порядка. Однако анализ символического пространства общества в ситуации постсекулярности уже выходит за рамки данного рассмотрения.

Преувеличенное обращение к истории в сегодняшней России не имеет прямого отношения к прошлому. Речь идет о массивном формировании исторической памяти, если не коллективной памяти просто, а по сути – активной фазе несколько запоздалого формирования российской идентичности – не столько русской (этнической), сколько именно российской. Отсюда и гипертрофированное вспоминание именно имперского, государственного прошлого. Чем менее внятна идентичность, тем актуальнее становится тема коллективной памяти. А на невнятность российской идентичности внимание обращалось чуть ли не с самого начала постсоветского периода, а то и раньше.²¹⁶

²¹⁶ Ближе к концу СССР в творчестве ряда писателей от В.Пикуля до В.Чивилихина был уловлен интерес к истории страны, который был удовлетворен писаниями, выдержанных монархически-охранительных тонах, очень часто с антисемитским оттенком. Российское прошлое предстало в облике царей, митрополитов, генералов, верноподданных заводчиков, купцов и крестьян. В Перестройку эти исторические фэнтези стали издательским и книготорговым мейнстримом. 1990 еще более подняли, точнее – опустили планку

Доминантой идентичности «советского человека» было главный миф основания – Октябрьская революция, юбилеи были главным праздничным событием года. Сегодня предпринимается попытка утверждения исторической памяти и российской идентичности вокруг двух основных событий – крещения Руси и победы над фашистской Германией, историческая дистанция между которыми только призвана подтвердить идею Тысячелетней России. Показательно – насколько активно был принят обществом символ этой идентичности – георгиевская ленточка – артефакт времен Екатерины II, использовавшийся для некоторых военных наград прошлого²¹⁷.

Если история (как собственно историография) делит течение времени на отдельные периоды и события, маркирующие различия, без которых непредставим ход истории, то историческая память акцентирована на сходствах, что вытекает из ее природы и функции как мифа: поддержании иллюзии неизменности и постоянства социума. Общество с годами и столетиями меняется, но историческая коллективная память призвана игнорировать эти изменения, подчеркивая преемственность и неизменность – основу идентичности. Более того, она ведет активную селекцию, отбрасывая все негативное и сомнительное, мешающее сознанию общности.²¹⁸ Если история всегда отстраненный взгляд, отслеживающий развитие, то коллективная историческая память – взгляд изнутри общности, что порождает совершенно специфическую перспективу осмысления: картину сходства, постоянства, когда любые изменения в социуме превращаются в сходства,

исторического масскульта. Водочные марки с «историческими», шоколадом и майонезом, изготовленным по древним рецептам предков. К началу 2000-х задорно-циничные маркетологи и рекламисты переключались из коммерции в политику.

²¹⁷ По свидетельству А.И.Миллера, этот символ был придуман журналисткой «РИА Новости» накануне 60-летия Победы (сама она о своей придумке говорила как об «абсолютно блондинистом решении»). *Миллер А.И.* Кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит. О европейских войнах памяти и роли России, которая активно в них участвует. // Новая газета. № 38, 04.06.2015., с.3. Символ был моментально подхвачен, поддержан государством: в 2008-2009 годах появились бюджетные средства на георгиевскую ленточку и ее распространение. Символ получил первоначально широкое распространение даже не столько в России, сколько в Украине, Молдове, в сопредельных странах, где ведется спор по поводу идентичности, отношения к России.

²¹⁸ Показательно, что на исторической вине и покаянии построена, пожалуй, только современная германская идентичность – да и то во многом под давлением оккупации и членства в НАТО и СЕ. И этот комплекс вины с лихвой перекрывают достижения послевоенного социально-экономического развития ФРГ. А в Польше и Литве покаяние за Холокост не пошло дальше публичных выступлений высших руководителей этих стран.

уподобляются, а в самих различиях, изменениях ищется сходное содержание с основополагающими чертами самой группы²¹⁹.

Историческая память трансформирует различия в сходства и конструирует идентичность за счет превращения всего в постоянно воспроизводимые и неразличимые стереотипы. Она, как и любой миф, принципиально тавтологична. Более того, в мифологизированной исторической памяти происходит полное стирание отличий, а вместе с ним – ликвидация истории как таковой.

Но такое погружение в прошлое, одновременно, порождает неожиданное следствие реализации формулы Оруэлла – уклонение от настоящего, нежелание настоящего и страх перед ним.

Что же до реального настоящего, то транслируемая мифология, становящаяся общественным мнением, становится реальностью настоящего. Она пронизывают содержание не только СМИ, искусства, но и образование. Она воплощаются в поступки, монументы, произведения искусства, другие артефакты, дизайн... Возникает не только «духовная», но и материальная культура, которую потом станут изучать историки и буду удивляться – почему она была именно такая. Общественное мнение, завладевшее критически значимым количеством членов общества, становится реальностью, творит ее.

У «достоверности» представления о реальности в традиционном обществе была одна слабость – она оказывалась недоступной непосредственному физическому восприятию. Недаром сюжеты этой мифологической достоверности дополняли и украшали не только культовые объекты, но и домашнее жилище, бытовую утварь. В обществе модерна человек все меньше готов верить в подлинность того, что отличается от привычного ему – это не убеждает его в реальности. Доверие собственным восприятиям (в том числе и благодаря науке) вытеснило доверие умозрительным концепциям, преданиям, легендам, религиозным текстам. Такое секуляристское «разволшебствление мира» рано или поздно порождает дефицит массово мыслимого достоверным, потребность в обретении данной в восприятиях (прежде всего – визуализированной) доподлинно настоящего. И простых мимесиса и предметности в искусстве, фактологических (протокольных) описаний в экспериментальной науке уже оказывается недостаточно.

Такие возможности открывают новые технологии запечатления окружающей действительности, прежде всего – экранные формы, вариации которых получили развитие начиная с фотографии и кино,

²¹⁹ Halbwachs M. La mémoire collective. Paris, PUF, 1968, p.78.

и формы которых множатся и множатся благодаря компьютерным технологиям, интернету и мобильной связи: FaceBook, Instagram, YouTube, фотосессии, селфи... Полная и переполненная реальность, умноженная и преумноженная запечатленность реальности. Мир факторизирующейся и фрактализирующейся реальности, ее визуальных копий.

Тем самым создается документальная питательная среда для мифотворчества. Документальность понимается как собственно правда жизни и реальности, как гарант достоверности отображения действительности и истории. При этом произвольный монтаж этих осколков реальности предстает как погружение в историческую достоверность и углубление ее понимания. Так открываются окна возможностей для произвольной манипуляции с исторической памятью.

И ладно бы, если такая практика манипуляции с изображением и его интерпретацией оставалась бы в рамках, например кино типа «Ведьмы из Блэра», когда любительская съемка и игра с фактами в маркетинговом продвижении породили феномен самого успешного (по соотношению «затраты-выручка») в истории кинопроекта. Иное дело, когда такая практика предстает в виде телевизионных или сетевых новостей, фейков, когда «...рождается некий мифологический пласт смыслов – о рождении магической Достоверности, особой эксклюзивной Объективности, о чудесной экранной... Реальности, более реальной, чем простое некультивируемое и нескандализованное документальное кино и чем сама жизнь»²²⁰.

В ход идут фото- и видео-материалы неважно какого происхождения, компьютерное моделирование, костюмированные реконструкции. В 1930-х в США выходил хроникально-новостной тележурнал «The March of Time», в котором инсценировались некоторые эпизоды, связанные с актуальными дискуссионными темами. В наши дни в этой стилистике создаются целые новостные блоки и документальные сериалы с широким спектром мифотворчества: от эстетских «Намедни» Л. Парфенова до хорроризирующей телезрителей «научной» документалистики «Плесень», «Вода», а также выдаваемой за достоверность деконструкции реальности в «разоблачающих» оппозицию материалов «Анатомия протеста» и «Анатомия протеста-2», практикуемых НТВ.

В современных кино, ТВ, других традиционных СМИ, сетевых медиа с помощью документальных жанров создается немало мифов.

²²⁰ Сальникова Е.В. «Докумиф, или погоня за реальностью. //Наука телевидения. Научный альманах. Вып.11. М.: ГИИ, 2014.

Репортаж, хроника, интервью, документальное кино, документальная драма, историческая реконструкция, мокьюментори, семидокументори, реалити-шоу – перечень таких жанров можно продолжать и продолжать... Но самым мифологизированным явлением оказывается сама действительность: как настоящее, так и прошлое, и будущее.

Немаловажно и то, что массовое общество в сочетании с интенсификацией коммуникации имеет следствием глубокую вовлеченность практически всего населения земли в происходящее на планете – если не непосредственно, то через СМИ. Войны, революции, перекраивание границ, катастрофы, массовые убийства, этнические чистки затронули миллионы людей. Такая массовая вовлеченность ведет к «историзации» массового сознания, к тому, что история становится значимой частью личного опыта миллионов, оседает в их памяти.²²¹ Фотография, кино, медиа – особенно телевидение и интернет визуализируют происходящее в разных концах мира, позволяя чувствовать себя виртуальным участником. А массовое образование, социально-культурные практики от праздников до компьютерных игр закрепляют этот опыт. Особую роль играют новые «мнемонические технологии», дополнившие обычные технологии музеефикации, мемориалов, книгопечатания широчайшими мультимедийными возможностями.²²²

Отдельной проблемой является распознавание пропагандистских нарративов и способность противостоять им.

Особенностью современной пропаганды, которую Г.Г. Почепцов называет «пропаганда 2.0», является новый формат новостных потоков в СМИ.²²³ Если обычные новости отражают события физического мира, то пропаганда 2.0 в новостях прямо транслирует создаваемый ею виртуальный мир, подавая его как мир физический. Обычные новости допускают альтернативную точку зрения, поскольку за ними стоит некая реальность, которая может оцениваться с разных позиций. Пропаганде 2.0 не может быть альтернативы – она сама претендует на статус физической реальности. Тем самым, современные пропагандистские нарративы изначально создаются так, чтобы быть нераспознаваемыми.

²²¹ Winter J. Historical Remembrance in the Twenty-First Century // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. No. 617, pp. 6-13.

²²² Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past. / ed.by J.-W. Mueller. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univer.Press, 2004.

²²³ Почепцов Г.Г. Распознавание пропаганды и языка ненависти: http://osvita.mediasapiens.ua/trends/1411978127/raspoznvanie_propagandy_i_yazyka_nenavisti/, 2015.

Это делает распознавание «пропаганды 2.0» делом сложным. У широких слоев населения нет знаний и навыков, ни времени, ни желания, необходимых для анализа. Человек массового информационного общества чувствует себя гораздо комфортнее в ситуации готового ответа, чем дискуссии, особенно – когда рассматриваемая проблема не входит в круг его особых интересов. Он просто принимает информации как данность.

Сила пропаганды 2.0 еще и в возможностях бесконечного повторения ее нарративов. Более того, мозаичное, клиповое, фрагментированное этими «образами реальности» сознание оказывается неглубоким и «коротким», не способным на «длинные мысли». Черета образов без нарратива не удерживается в памяти. Такое сознание оказывается беспмятным, значит – не способным не только на выявление причинно-следственных связей, но и на простое прослеживание хроникальной последовательности событий. Прошлое, если возникает, то каждый раз перевоссоздается как новое – под сиюминутное настоящее.

При этом оно в своей *ad hoc*-мифологичности оказывается удивительно целостным. По своей целостности это не линейное, дологическое мышление, вероятно, даже превосходит мышление линейное²²⁴. Прошлое и будущее в нем схлопывается в настоящее, меняющееся подобно цвету хамелеона. Личность же превращается в беспмятного странника по этим разноцветным мирам. Ни о какой точке сборки свободы и ответственности такого странника говорить не приходится. А не способное к рефлексии сознание оказывается идеальным объектом манипулирования.

Если человек, сформировавшийся в культуре выстраивания нарративов, прослеживания сюжетных линий, способен понимать достаточно сложные смысловые построения, то человек экранной цифровой культуры оперирует только смыслами «твиттерного» формата и не может работать со знаковыми и смысловыми структурами произвольной сложности. А источники информации воспринимаются ими как блюда на «шведском столе», с которого он набирает произвольные наборы по своему усмотрению.

В отличие от линейного рефлексивного сознания, способного к сопереживанию, фрагментированное малосвязными образами «клиповое» сознание, имеющее дело с калейдоскопической реальностью в духе телевизионного *zapping*'а, если и способно к эмпатии, то

²²⁴ Яковлева А.М. Клиповое чтение: текст как изображение-симулякр. // Наука телевидения. Научный альманах. Вып. № 11. М.: ГИИ, 2014, с.221.

непродолжительной, неустойчивой, вспышками приходящей и быстро уходящей, забываемой. Социальный опыт не переживается и социализация заведомо оказывается неполной. Недаром в электронных социальных сетях образуются видимости сообществ, между которыми доминируют негативные агрессивные отношения. И в какой-то момент идеократия может оказаться неспособной управлять политическим стебом, подогреваемым из своих же кабинетов.²²⁵

Традиционная мифология дает устойчивые структуры миропонимания. В клиповом мозаичном сознании мифология менее устойчива. «Новый человек оказывается все более «текуч»...»²²⁶. Отдельного внимания заслуживает именно игровой характер такой символической практики. Одним из его проявлений является краткий интервал места и времени конкретных игр в прошлое. Тенденции накопления различных интерпретаций усиливаются процессами демократизации, доступности информации, что делает возможным не только широкий диалог, но и артикуляцию различных версий прошлого, включая те, которые прежде по разным причинам замалчивались. Тем самым активируются, стимулируются процессы формирования этнического, расового, конфессионального, гендерного самосознания, которые, в свою очередь усиливают наращивание различных нарративов и интерпретаций прошлого и настоящего. Получается система с положительной обратной связью по дифференциации и дивергенции интерпретаций прошлого, соответствующих форм группового сознания, идентичностей. Культивирование эклектизма мультикультуральности и толерантности привело к созданию не столько некоего нового единства, сколько к нарастанию многовекторного конфликтного разнообразия – в Европе, Азии, Америке...

В этой связи небезосновательными выглядели, характерные для начала XX столетия оценки происходящего как «конца идеологий», распада «больших нарративов», определявших политическую картину мира на протяжении XIX-XX столетий.²²⁷

Нарративы символической политики, при должной настойчивости и последовательности власти и элиты, рано или поздно, становятся

²²⁵ Рубцов А. Дым с огнем, или Поражение конспирологии:

<http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/03/12/metafizika-vlasti-dim-s-ognem>.

²²⁶ Дуков Е.В. Компьютер и человек. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013, № 4.

²²⁷ Копосов Н.Е. Исторические понятия о мире без будущего. // Как мы пишем историю? / отв.ред.Г.Гарета, Г.Дюфо, Л.Пименова. М.: РОССПЭН, 2013, с.57-93.

частью актуальной картины мира. Пусть не нынешнего поколения, но следующего. Но при наличии политической воли и социальной базы в лице пассионарного меньшинства можно горы свернуть, а при нынешних средствах коммуникации это происходит стремительно, буквально на глазах.²²⁸ Но такое впечатление довольно обманчиво.

Реалии общественного развития показывают необходимость более тонкого анализа. Так, Д.Белл предлагает избегать слишком общих квалификаций и, говоря о формировании «больших мифов нации», различать память, как феномен исключительно индивидуального сознания, и пространство мифа (mythscape) – дискурсивную сферу динамичных подвижных нарративных конструкций.²²⁹ О близком различии говорит и Д.Олик, предлагая две категории памяти – собирательной (collected) и коллективной (collective).²³⁰ Первая связана с социально-психологическими процессами (мотивацией, интересами индивидов), вторая – с общими идеями, институтами от интересов, способностей или действий индивидов не зависящих. Однако, как представляется, простое различение социального и индивидуального аспектов исторической памяти, как некоей технологии и ее результата, недостаточно. Принципиальную роль имеет именно смысловое содержание, мифологический контент, используемый и формируемый. Похоже, что слухи о его подвижности сильно преувеличены. Нельзя отрицать относительную устойчивость того, что К.Юнг называл «архетипическим» – мифическими фреймами, возникшими на заре антропогенеза. Дело даже не в психических пределах подвижности и дивергенции. Между архетипами и современными мифами лежит пласт традиционной культуральной мифологии, отражающей и выражающей исторический культурный опыт народов. Это не пресловутая ментальность, а именно ценностно-нормативное содержание исторического опыта, образующего культурный код, обладающий большой исторической инерцией воспроизводства. Именно он сказывается в проблемах класса «культура тоже имеет значение»²³¹ или «культура

²²⁸ Сидоров А. История в стиле легио. Зачем нам памятники и что с ними делать. // <http://lenta.ru/columns/2015/07/04/monuments/>. 2015.

²²⁹ Bell Duncan S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol.54, No.1, pp.63-81.

²³⁰ Olick J. Collective Memory. Two Cultures. // *Sociological Theory*. 1999. Vol.17, No.3, pp.338-348.

²³¹ Культура имеет значение. / Под ред. Л.Харрисона, С.Хантингтона. М.: МШПИ, 2002; Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и экономическое процветание. М.: АСТ, 2008; Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют

как ресурс и барьер модернизации»²³². Этот же код играет стержневую роль (или сознательно культивируется) при формировании национальных государств.²³³

Акторами символической политики, исторической политики, политического использования истории являются элиты, располагающие символическим и публицитным капиталами, авторитеты общественного мнения, имеющие доступ к медийным ресурсам²³⁴: политики, журналисты, религиозные деятели, публичные интеллектуалы, гуманитарии, деятели искусства – все те, кто участвуют в производстве и публичной презентации интерпретационных нарративов прошлого. В воспроизводстве же ценностно-нормативного содержания конкретной культуры к ним подключаются акторы «сплывающего доверия»²³⁵: семья, родные, близкие, друзья – все те, кто участвует в формировании этнического и кланового самосознания, радиус доверия которого меньше, чем у институционального доверия, «наводящего мосты», но зато обладающего большей значимостью для базовой идентичности личности. И такая «культурная память» является более долговременной, устойчивой, инерционной, чем «историческая память», транслируемая нарративными символической политики.

Складывается впечатление, что постмодернистская тотальная деконструкция всего и вся себя исчерпала. Как известно, в процессе осмысления²³⁶, как социальной динамики (И. ван Геннеп, В.Тернер) за стадией остранения (лиминальности) следует стадия нового монтажа

успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство, 2008; Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014.

²³² Тульчинский Г. Л. Политическая культура как ресурс и барьер развития российского общества. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 7. Ч. 2 / Отв. ред.: Ю. Пивоваров. Ч. 2. Вып. 7. – М.: ИНИОН РАН, 2012, сс. 395-401.

²³³ Тульчинский Г.Л. Национальная идентичность и социально-культурные технологии ее формирования. // Этнические процессы в глобальном мире. СПб: Изд-вл Полит.ун-та, 2010. с.6-10.

²³⁴ Историческая политика в XXI веке. / Под ред. А.Миллера, М.Липман. М.: НЛЮ, 2012, с. 14; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015, с.27.

²³⁵ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011; Веселов Ю.В. Доверие и справедливость. Моральные основания современного экономического общества. М.: Аспект-Пресс, 2011.

²³⁶ Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В. Б. Гамбургский счет. – М., 1990. – С. 58-72. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

остраненных смыслов (новой реаггегации).²³⁷ Уже в последнее десятилетие XX столетия ситуация технологически (Интернет), политически (кризис либерализма), социально (расслоение и радикализация среднего класса), культурально (активизация фундаментализма) стала переформатироваться. Активно формируется социально-культурная и технологическая платформа для смены политических реалий.

Такие конфликты «памятей» начинают принимать международный характер. И дело уже не с только в «конflikте культур» в духе С.Хантингтона, который сам по себе стал опытом нарративной реконструкции, сколько в реалиях «проснувшегося ислама», довольно неожиданном всплеске православного фундаментализма в России, не объяснимого исключительно практикой пропагандистского манипулирования. Речь идет о нуждающемся в осмыслении запросе на нарратацию третьего уровня, выходящую за пределы сиюминутного политического контекста.

Такое осмысление особенно важно применительно к странам ускоренной модернизации, когда изменения в долговременной культурной памяти не успевают за динамикой транслируемых нарративов символической политики. Всплески антимодернизационных настроений широкой общественности в таких странах, как Алжир, Мексика, Турция, Россия, где относительно малочисленная элита разделяет и транслирует новые смыслы и ценности постиндустриального общества, тогда как собственно многочисленное население руководствуется памятью культурной традиции, – наглядные тому примеры. Пример России в этом плане особенно замечательный. В стране на полтора столетия не только радикально, по историческим меркам – мгновенно менялась собственность, а каждый новый политический режим начинал с отрицания сделанного предыдущим, нарративы исторической памяти менялись настолько быстро и радикально (с переписыванием учебников, переименованием улиц и городов, выносом трупов), что к их сменам выработался не только иммунитет, но уже, похоже и идеосинкразия.

Нельзя исключать, что сложившийся разрыв между целостной, обеспеченной традиционной мифическим содержанием «памятью» (спонтанной, спящей, бессознательной, циклически повторяющейся) и современной исторической памятью (непрерывно меняющейся мифологии второго рода, склонной к дивергенции в результате перманентного нарративного отбора) накопил критическую массу

²³⁷ Геннеп А.ван. Обряды перехода. М., Изд. «Восточная литература» РАН, 1999; Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.

различий.²³⁸ Теперь, похоже, эти различия перерастают в противоречие, а мы переживаем своеобразное «восстание памяти» или, по крайней мере, – вступаем в разгорающийся конфликт между двумя типами мифологий, между «памятью» и «историей».

*Бренд России как проблема и мечта*²³⁹

Соотнесение, сопряжение таких концептуально и энергетически насыщенных идей, как «Россия» и «бренд», буквально-таки искрит проблематичностью, создает мощное напряжение смысловых соотношений, концептуального поиска. Оно удивительно благодатно и плодотворно не только в плане политических технологий «продвижения позитивного имиджа РФ», но и – главное – уяснения важных моментов содержания самих сопрягаемых идей, высвечивая в них по-новому акцентированное содержание. Так, вроде бы, пластинка «идеи России», «русской идеи» уже изъезжена вдоль и поперек. Дело дошло до «Проекта Россия» и «Русской доктрины». Однако тема «бренда России» одной своей постановкой как-то враз обнуляет все эти разработки, делает их маложизненными. И происходит это именно при их столкновении с таким простым, но столь простым, технологически вроде бы совершенно ясным понятием бренда.

Смачное словечко «brand» за какие-то полсотни лет сделало удивительную карьеру. Буквально оно означает «клеймо», «тавро». В германских языках его первыми, похоже употребили норманны. Создатели дракаров – судов, у которых корма неотличима от носа, что очень удобно при налетах на купцов и прибрежные города – не только давали каждому дракару имя, но и клеймили его своим «брендом»: дело рук мастера такого-то. Потом Словечно активно всплыло на Севере Америки в эпоху освоения Среднего Запада с типичным для него беспривязным содержанием скота, хозяева которого занимались «брендингом». И это снимало все вопросы не нужны были никакие купчие и прочие документы: бычок с моим брендом оказался в твоём стаде! Иначе говоря, первоначально бренд выполнял роль клейма,

²³⁸ О различиях между историей и памятью см.: *Nora P. Between Memory and History // Realms of Memory. Vol.1. N.Y.: Columbia Univ.Press, 1996, pp.1-23.*

²³⁹ Впервые опубликовано в: *Тульчинский Г.Л. Бренд России как проблема и мечта. // Диалог культур – 2008: Новый имидж России. СПб: Астерион, 2008, с.16-20. Англоязычная версия: Tulchinskii G. L. Russia's Brand as a Problem and Dream // Russian Journal of Communication. Vol. 1, No. 2 (Spring 2008), p. 220-222.*

идентификатора принадлежности конкретной собственности: продукта, раба, скотинки.

Именно в таком смысле это понятие и пришло в бизнес: бренд как *зарегистрированная торговая марка*. Однако в современном бизнесе бренд уже нечто большее, чем просто символ авторства, производителя, марки. Это интуитивно чувствуется при сопоставлении, например, таких автомобилей, как *BMW* и *Москвич*, напитков *Coca-Cola* и *Байкал* или *Колокольчик*. Хотя все они – зарегистрированные торговые марки, но одни воспринимаются как бренды, а другие при применении к ним этого термина вызывают снисходительную улыбку или даже смех. Почему?

В современном бизнесе с его маркетинговыми технологиями бренд – не просто яркое название марки. *Это имиджево-репутационная составляющая рыночной стоимости этой марки*. Это важный фактор нематериальных активов, обусловленных имиджем и репутацией. Имидж – образ, представления о товаре и его производителе. Не само название, не картинка и упаковка, а то, что они вызывают в сознании других людей: потребителей, партнеров, инвесторов и представителей других контактных целевых групп. Репутация – общественное мнение. Это тоже то, что в сознании других людей. И эти вот образ и мнение, «правополушарная наглядность» и «левополушарная дискурсивность, сопрягаясь подобно Ян и Инь, и образуют бренд. То, что не в железе и в упаковке, а то, что в мозгах у других людей, по ту сторону глаз. И это нечто – может быть оценено и продано!!!

В наши дни на рынок выводятся не просто товары и услуги, а именно – бренды. Людям предлагаются их собственные представления и мнения! Или, согласно Д.Ораеву, предложившему недавно «определение бренда из четырех слов»: *обещание реализации желаемых переживаний*.²⁴⁰ Все дело в волшебных пузырьках! Не шоколадные вафли *Wispa*, а «вкус нежности». Людям предлагаются их *мечты, чаяния, надежды, их представления о себе самих какими-бы-они-хотели-стать*. Ведь они этого достойны! Поэтому современный полноценный бренд это всегда фэнтези: *волшебная история о магическом артефакте, обладание которым открывает дверь в царство мечты*. (2) Современный бренд это миф, легенда, история, некий нарратив. *BMW* это рассказ о «крутых парнях», а *Mersedes* – о достатке и комфорте, о «папиках». *Ferrari* – еще о других, которые гоняются по набережной Круазетт с канделаками, сшибая пальмы. *Coca-Cola*

²⁴⁰ Ораев Д. Определение бренда из 4 слов. //Рекламные идеи – Yes! 2005, № 4.

– это праздник с друзьями – даже у белых медведей. А *Москвич*, *Колокольчик* – просто марки, но не полноценные бренды.

В условиях массового общества массового потребления и массовой культуры бренды выполняют роль не только современной социальной мифологии. Они – важный фактор идентификации и самосознания личности. Люди носят бренды, едят бренды, пьют бренды, живут и ездят в брендах, читают и смотрят бренды... Есть люди – бренды, страны, регионы – бренды... Бренд превратился в фактор культурогенеза, идентификации и самосознания личности – не меньший, чем характеристики национально-этнические или конфессиональные. В этой связи можно и нужно говорить о бренде как факторе новой персонологии и антропологии.²⁴¹

Более того, никакой бренд не существует в одиночку. С одной стороны, имидж фирмы может использоваться для создания «зонтика» брендов (*Балтика* для сортов пива), с другой, отдельные товары создают имидж и репутацию фирмы (сорта колбасных изделий для *Стрельца*, *Невского треста* или *Парнаса*).

Некоторые отрасли заранее вызывают позитивное отношение (культура, искусство, наука), а некоторые негативное (атомная энергетика, производство оружия). В то же время, некоторые компании могут определять лицо целой отрасли, символизировать её (*Газпром*, *РАО ЕЭС России*).

С очевидностью, за товарными брендами стоит имидж и репутация страны, как это было, например, с продукцией американского автопрома. Однако, не менее очевидно, что и товарные бренды играют важнейшую роль в формировании представлений о стране-производителе (*Toyota*, *Sony*, *Honda* для Японии).

Некоторые компании активно участвуют в формировании бренда страны, а имидж и репутация страны часто сказывается на имидже и репутации компаний, придавая ей авторитет или наоборот – скептическое отношение. Достаточно в этом плане привести пример неоднозначных имиджа и репутации *Газпрома*. А *McDonald's* неспроста стал своеобразным символом США и американизации.

Важную роль играет и брендинг целых отраслей, видов деятельности, которые во многом определяют представления о стране: японская электроника, русский балет, французский парфюм. При этом имидж

²⁴¹ Подробнее см.: Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб: СПбГУ, 2013. – 280 с.

и репутацию страны могут создавать имидж и репутация некоторых видов деятельности: голливудское кино, швейцарские банки...

Именно в контексте уяснения природы и содержания феномена бренда, богатства взаимосвязей брендинга различного уровня, раскрывается вся неоднозначность темы «Бренд России», или точнее – «Россия как бренд».

В последнее время приходится много слышать и читать разговоров о проблемах продвижения отечественных брендов на внешнем и даже внутреннем рынке, призывов о необходимости государственной их поддержки... Если отвлечься от очевидного лукавства этих призывов, стремления спрятаться за спину сильного («Накажи их, Борис!»), то очевидно несколько пластов проблемы.

Во-первых, действительно, в глаза бросается несостоятельность российских товарных брендов перед натиском брендов, давно утвердившихся на глобализированных рынках. Дело, однако, не столько в масштабах. Наш производитель начинает уступать позиции производителям уже не только корейским, но и китайским. Тоже происки американского империализма?

При более пристальном рассмотрении вопроса становится очевидным, и это во-вторых, что у российской экономики есть очень серьезная проблема – у нас, фактически, нет полноценных товарных брендов. Российской экономике нечего предложить глобальным рынкам. Нет не только масштабных брендов, но и даже глубоко специализированных, «бутиковых». Отечественный автопром, развившийся на заимствованиях *Ford*, *Opel*, *Fiat* (отечественной моделью была только *Победа*) упал и уже не поднимется. Санкт-Петербург как российский «Детройт» – производство отверточное, чужих моделей. Дошло дело уже до строительства в России предприятий для сборки корейских и китайских моделей. Традиционный сектор брендов крепких напитков сдан без боя (*Столичная* уже не российский бренд). Даже от нашего оружия начинает отказываться третий мир (возвраты самолетов Алжиром, подлодок и корейсеров Индией – печальные факты).

Российским сектором оказывается сырьевой. Но нефть, газ, никель, лес – не могут быть брендами. Это рента, не руками сделанное, не воплощенная мечта, которая может воспроизводиться и воспроизводиться другими – поколениями, странами. А при неумелом обращении и превращается в ужастик: «А у нас в России газ! А у вас?!». Да еще с демонстративным, перед телекамерами перекрытием газовой задвижки чиновником, который потом оказывается избранным президентом.

Дивидендов это ни *Газпрому*, ни Д.А. Медведеву не принесло – не только в Украине. На это с содроганием смотрела вся Европа.

Действует еще инерция некоторых брендов прошлого – преимущественно культурного наследия великой империи: *Большой театр*, *Мариинский театр*, *Эрмитаж*, *русский балет*... Но это прошлое. Которое, разумеется, важно сохранить, а не бездумно разорять как получилось с таким символом эпохи, таким всемирным брендом, как монумент *Рабочий и Колхозница*.

При этом, в-третьих, нельзя не признать еще одну очевидность. Российской истории и культуре всегда был свойственен отчаянный порыв к мечте!!! Жизнь в этом мире – своя, да и чужая – в российско-советском духовном опыте ценностью никогда не являлась – как и ее проявления: здоровье, труд, собственность... Ценностью всегда была жизнь иная: в мире потустороннем, в светлом будущем, за бугром, но не здесь и сейчас. Ценностью являлась и является также нравственная личность, живущая ради идеи, по правде («не по лжи»), способная за эту правду пострадать. Поэтому закон (гарантия собственности, свобод личности) на Руси всегда ниже благодати, «немецкий фокус». На этом ценностном комплексе основано очень и очень многое: идеал святости, тема трагедии маленького человека, с которой русская литература вошла в мировую, революционное движение, особенности политической жизни...

Искания философов – одни только Н.Ф. Федоров с его мечтой о воскрешении предков и В.С. Соловьев с идеей царства добра чего стоят! В.И. Ленин, иронически названный Г. Уэллсом, который увидел Россию во мгле» – «кремлевским мечтателем», мечтал! И домечтался-таки до много чего! Правда, большей частью это были мечты либо заведомо утопического характера – построения Царства Божия на земле, либо «догнать и перегнать» кого-то более успешного: Америку, Португалию, Швецию, теперь все больше – Индию, Китай... Появившийся в свое время «Проект Россия» – тоже мечта, отчаянная в своей безысходности: построение Православного Царства, противостоящего всемирной Мамоне. Несбыточность, зависимость, противопоставление...

Речь идет об экзистенциальной проблеме. Не просто об «энергии заблуждения» (Л.Н. Толстой, В.Б. Шкловский), без которой невозможно творчество, создание чего-то нового. О чем мечтает Россия? О прошлом величии – это не мечта, а ностальгия, фантомные боли в утраченной конечности. О том, чтобы все боялись – это не конструктивно, создает нежелательные перспективы. Зачем копить обиды

и злобу на себя, зачем плодить врагов, если можно и нужно умножать друзей и партнеров?

Речь идет не о «национальной идее», заболтанной философами, политологами и публицистами, а о вещи простой и доступной пониманию каждого. Мечтой о чем является Россия? Какую дверь в какое царство мечты она открывает какими магическими артефактами? Неужели бренд России – «*Страна не для этой жизни*» или еще точнее – «*Страна не в этой жизни*»?

Что нас объединяет? Не чего мы боимся (врагов внутри и снаружи, опасностей), а к чему душа стремится. Речь идет о том, что, как чувство юмора или деньги – либо есть, либо нет, а если есть, то «*вот такое*» – о том, что в душе каждого из нас. Какими хорошими мы хотим стать? Каждый! И все! Какой наш светоч души мы можем предложить миру?

Общество созрело, или перспективы легитимности

Начиная с думских выборов 2010 года выявилась неоднозначность соответствия российской политической системы – как современному цивилизационному тренду вообще, так и современному российскому обществу в частности.

Если говорить об общецивилизационном тренде, то он связан с двумя обстоятельствами. Во-первых, череда революций, которые прошли в XIX-XX вв., имела следствием нарастание втягивания в систему властных отношений все большего количества граждан. Именно это обстоятельство позволило Б.де Жувенелю сделать вывод, что вся история есть процесс возрастания власти, ее расширения и все более глубокого проникновения в тело общества.²⁴² В этом плане, современная зрелая демократия – общество, в котором каждый контролирует каждого, общество ответственности всех перед всеми. Что, кстати, очень раздражает наших соотечественников, попадающих туда. При этом сувереном становится само общество, а смена политической власти происходит без революций, потому что сама демократия суть встроенная в политическую систему перманентная «революция», обеспечивающая ротацию политического класса без выхода за правовое поле. А в незрелых демократиях происходят «революции», меняющие не строй, а все тот же политический класс.

²⁴² Жувенель Б.де. Власть. Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, 2011.

Во-вторых, за последние десятилетия изменилась ткань и содержание политической элиты и власти. Некоторые называют это неокорпоративизмом, другие – постдемократией.²⁴³ Имеется в виду, что реальные проблемы современных государств не могут быть решены без участия крупных компаний, и власть все более от них зависима. Произошло не просто сращивание власти и бизнеса – это практически одни и те же лица. И смена политической власти происходит при помощи хорошо известных всем технологий: политической рекламы, PR, политического маркетинга, манипуляций. Ключевую роль в смене власти играют партии, но они уже не выражают идеологии каких-то больших классов, а выступают неким проектом по мобилизации электората вокруг ярких личностных брендов. Так проходят выборы в Британии, Германии, США. Далее возникают вопрос конкретных коммуникаций и конкретного механизма взаимодействия общества и власти.

Нетрудно заметить, что оба обстоятельства дополняют друг друга, придавая современной политической культуре довольно целостный вид: как формального дизайнера, так и содержания. И нельзя не признать, что Россия находится в этой цивилизационной ситуации. Современное российское общество – современное. Оно соответствует общецивилизационному тренду. Это массовое информационное общество. В котором складывается соответствующая ему политическая культура. В этом смысле нынешняя российская власть – типична. По дизайну и технологиям. Но не по существу.

Она оказалась не готова вести диалог с обществом. Она со звариной серьезностью относится к себе самой, своему пребыванию в качестве власти, препятствуя собственной ротации, зачищая сам политический класс. Любую попытку вменяемого диалога, оценки своей деятельности рассматривает как покушение, как претензию на власть. И еще несколько лет назад можно было списывать такую ситуацию на некую незрелость российского общества. Выборы и отношение общества к ним ситуацию прояснили. Политический класс проглядел произошедшие в обществе перемены. За «тучные» годы выросло поколение граждан, у которых зона ответственности вышла за границу кожно-волосяного покрова. У которых появились недвижимость, личный транспорт. У некоторых – не только работа, но и бизнес. Они платят налоги. Они ждут ночью на пустом на переходе зеленый свет, стараются соблюдать ПДД. Они уже поняли, что если кто-то на дороге нарушает правила, то не едут все. А чтобы все ехали, надо чтобы все

²⁴³ Например, см.: Крауч К. Постдемократия. М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2010.

придерживались правил. У них не только появились интересы, но и некоторое достоинство. Они не хотят потрясений. Наоборот. Они хотят, чтобы все было по правилам. В качестве наблюдателей на участки приходят вполне состоявшиеся успешные люди, со своими продвинутыми гаджетами. Все факты манипуляций и неправовых действий, которыми переполнен Интернет, сняты на их личную аппаратуру, а не предоставленную кем-то.

И их обидели. Более того – оскорбили. Эти люди могут простить вранье политиков до выборов – это воспринималось как политическая реклама, в которой можно и себя приукрасить, и конкурента опустить. Они могут пусть не простить, но понять даже вбросы бюллетеней: ну, грех не воспользоваться чьим-то недоглядом – наш слегка вороватый гражданин может это понять. Но он уже грамотный и понимает, что вбросы при нормальной явке могут дать не более 15% на выборах. Он также хорошо понял, почему власть убрала порог явки: чем ниже явка, тем более эффективен административный ресурс. Поэтому россияне пришли на избирательные участки и проголосовали таким образом, каким вынудила сделать власть, убрав графу «против всех». В итоге власти сами загнали себя в угол и получили мощное протестное голосование, в ходе которого многим было безразлично, за кого голосовать, лишь бы не за партию власти.

Но... Они, налогоплательщики, голосовали, а председатель избирательной комиссии просто подменяет протокол! Воруя, ничтожа ИХ голоса! И понятно, что при потворстве и по заказу власти!!! И все это зафиксировано на видео, предъявлены подписанные протоколы, а власть называет выборы честными и признает их результаты!

Люди могут простить много чего. Ошибку... Даже преступление понять можно. И простить раскаявшегося. Даже измену можно простить – в случае искреннего раскаяния и искупления. Люди не прощают одного – когда они понимают, что были объектом манипуляции. Потому что это не ошибка, и не слабость, а злая, холодная, расчетливая воля. И когда ты понимаешь, что был только игрушкой этой воли – носителя этой воли отрезает напрочь. И разоблаченная манипуляция всегда бьет по манипулятору. На короткой дистанции манипулятор может выиграть. На длинной – всегда проигрывает. Потому, кстати, мы и живем в стране с непредсказуемой историей.

А тут... Мало того, что обещанные «инновации и модернизация», оказались пустой болтовней, а «рокировка», о которой, оказывается, «давно договорились» полностью дискредитировала местоблюстителя...

Мало агрессивной цензуры в СМИ... Так – просто и прямо, у тебя на глазах воруют твой голос и говорят, что все по закону!

Такого издевательства над собой граждане простить не смогли. Власть, нарушив закон, фактически, поставила себя вне закона. Последующие за этим митинги имели под собой не только эмоциональную подоплеку – донести до власти, что она имеет дело с людьми, которые требуют к себе уважения. Очевидна и рациональная составляющая – требование к власти соблюдать закон.

Смысл протестов был прост и очевиден. От власти потребовали соблюдения закона – правил, ею же установленных. А власть сама демонстративно поставила себя вне закона. И в этом ее неадекватность. Которая сначала могла вызывать возмущение, но затем, своей первой реакцией – уже просто смех над ее несостоятельностью. А это уже симптом вызова легитимности, признания власти за таковую. Люди выходили на улицу под лозунгами неклассового, неэкономического содержания: «Достало врать – довралось брать!» Или: «Этот митинг снят на частной квартире». То есть, вышли люди с совершенно иным восприятием реальности, относящиеся к политикам как к медийным персонажам. На власть никто из протестующих не претендовал. Но люди хотели, чтобы «чуваки из ящика» играли по правилам. Более того, неадекватность власти уже вызывала смех. И это признак того, что ее легитимность ходит ходуном.

И что же власти могли делать в этой ситуации? С точки зрения самих властей их реакция была абсолютно вполне понятной. Незамедлительно последовали резкие, но точные шаги по спасению президентской избирательной кампании. Руководители государства напрочь отрицали очевидное – массу нарушений на выборах. Президент Медведев заявил о необходимости ввести мораторий на уличные протесты. Тем самым выигрывалось какое-то время. На протестные митинги в срочном порядке мобилируются отряды «нашистов». Были предприняты энергичные шаги по недопущению на выборы О. Дмитриевой. Если бы она участвовала в предвыборной борьбе, нацлидеру, скорее всего, не удалось бы отмолчаться, что-то да пришлось бы говорить по делу. Кроме того, мачистские шуточки проявили бы все свой мелкотравчатый дворовой характер. Выборы приобрели бы принципиально иной характер с точки зрения политического дизайна, и становился вполне вероятным второй тур с открытым результатом. Но эсеры проявили свою сервильность и выдвинули отказавшегося было Миронова. Был быстро очерчен круг остальных кандидатов. Для придания картине завершенности и выпуклости был введен М. Прохоров как некое пугало

экономического либерализма для основной части электората — с его заявлениями о 60-часовой рабочей неделе, повышении пенсионного возраста, куршевельскими шалостями.

Если же оценивать реакцию властей с точки зрения гражданского общества, естественно, наилучшим ответом стало бы расследование ситуации в избиркомах и принятие конкретных мер. Это был единственный способ дать протестующим понять, что они услышаны. Но это весьма опасно для власти — председатели избиркомов могут начать говорить — ведь не по своей же инициативе взрослые дядьки и тетки пошли на подмены, кто-то дал им указания и гарантии безнаказанности. Ничего, кроме логики... Следствия по вертикали ведут к источнику беззакония, лжи и насилия, транслируемого из этого источника.

Впрочем, если бы власти правильно оценили остроту момента и грамотно задействовали свой ресурс, убедив председателей нескольких ТИКов вести себя «правильно», то могли бы пройти думское голосование с незначительными потерями и установить коммуникацию с обществом.

Оставляя ситуацию неизменной, власть подвергает свою легитимность мощному вызову. Всякая власть является таковой только в случае признания ее гражданами, их готовностью подчиняться ей. Если власть прибегает ко лжи, насилию — это признак ее слабости. И не только. Она пытается защитить самую себя. От общества.

Нынешнюю российскую власть терпели, несмотря на откровенное самообогащение, воровство, дискредитацию демократии, правосудия, откровенное вранье, шутовские игры в модернизацию, часовые пояса, безнаказанность милицейских поросей перекрещенных в полицейских карасей... Все это не прощалось, но терпелось... Даже когда эти «юристы» и «правоохранители» даже бравировали своим правовым цинизмом.

Но, похоже, они со своим цинизмом заигрались. Речь идет о не просто об откровенном игнорировании волеизъявления граждан... Не о недопущении оппозиции до ТВ или отказе в регистрации... За манипулирующей до и во время выборов еще могут следить наблюдатели... Речь о том, до чего не додумаются никакие наблюдатели — им это просто не может придти в голову — о прямой подмене бюллетеней, документов, фиксирующих волеизъявление. Воля граждан — конституционного суверена России — отправлена на помойку, в печку, в бумагорезки. Это не просто неспособность соблюдать закон, делиться властью. Это страх. Что и подтвердили последующие дни.

Есть только два способа установления государственного суверенитета. Или сувереном, устанавливающим политическую и правовую систему является общество, учреждающее легитимную в его глазах власть. Если это невозможно в рамках существующего права, например, с помощью выборов, это делается посредством революции, выхода за правовые рамки, на который общество имеет право – как суверен.

Или это некая власть, находящаяся вне права и морали, учреждающая некое новое государство. Это случаи режима оккупации или чрезвычайного положения. Они творят незаконное насилие, устанавливая новый закон, создавая новое государство, которое сможет существовать, тем не менее, только если будет признано гражданами, согласившимися на этот новый закон.

«Состоявшиеся» думские «выборы» были НЕЗАКОННЫ. Проведя их таким образом, ТАК поступив с законами, российская власть вышла за правовые рамки. Поставила себя вне закона. И это был ЕЕ ВЫБОР. Насколько суверенна такая власть? Фактически она ввела чрезвычайное положение, поставив общество вне закона. Если такой шаг делается не ради простого самосохранения, а ради какого-то нового – будущего государства, такой шаг оправдан.

Пауза между избирательными циклами давала власти шанс, связанный с возможностью реального развития российского общества. Ответить на мощный запрос этого общества. Не просто на справедливость. А на соблюдение закона и на равенство перед этим законом всего общества, включая власть и ее представителей.

Однако, пауза между выборами таковой не стала. Наоборот, президентская избирательная кампания, ее ход, сами выборы ситуацию только усугубили. Политическая ситуация была взвинчена. Самой властью. И – до опасного предела.

Почти сразу были заданы жесткие рамки. К президентским выборам был не допущен, в общем-то безопасный, но независимый Г.А. Явлинский. Суды демонстративно отказывали в возбуждении дел по выявленным фальсификациям. А пока общество определялась в сложившейся ситуации, на него стали накатывать волны истерии («Умрем за Россию!»), запугивания («враги извне и снаружи готовят оранжевую революцию, гражданскую войну»), а то и прямых провокаций (намеки о том, что кем-то готовится сакральная жертва, кто-то кого-то «грохнет», и «мы об этом знаем»). Причем все это озвучивал не кто-то, а первые лица государства.

Сначала заявления вроде «сенсации» СКР, о том, что следственные действия показали, что все ролики о фальсификации думских выборов вывешены в сети с одного сервера, расположенного в штате Калифорния (это о YouTube !!!), раскрытие в Одессе готовившегося покушения на Путина вызывали откровенный смех. Но смех быстро перешел в оторопь. Власть приступила к прямому стравливанию населения столиц и регионов, социальных групп. Для этого были мобилизованы все возможные федеральной и региональных администраций. Стало понятно, власть всерьез готова НА ВСЕ, потому что для нее на кону стоит СЛИШКОМ многое...

Приоритеты нынешней российской власти были известны давно. Эти люди прекрасно понимают – зачем и насколько им нужна труба. И им нужны люди у трубы. Им нужны люди с ружьем – они охраняют трубу и людей у трубы. А вот зачем в этой стране остальные люди – что тут делают учителя, ученые, врачи – они уже понимают очень плохо. Зарплаты преподавателей, профессоров, ученых ниже зарплаты лейтенанта полиции... Примеров приводить можно много. Деиндустриализация, утечка мозгов, утрата научного потенциала... – все это всерьез нынешний политический класс не беспокоит. Практический демонтаж системы образования, науки это только подтверждает.

Российская политическая система превратилась в имитацию, контрафакт. Но, если выборы в России не могут быть честными – зачем выборы? Отмените их... Объявляйте себя «преемниками». «тандемами»... Если Россия никогда не была реальной федерацией, то зачем тогда ее называть федерацией, «укрупнять регионы»...

Дело, ведь не просто в неоднозначной легитимности политического режима. Цинизм разлагает общество. Выросло уже несколько поколений, которые воспринимают тотальную коррупцию, несправедный суд, откровенную политическую манипуляцию – как норму. Неспроста молодежь за 500 рублей готова участвовать в «каруселях», взрослые члены избирательных комиссиях с усталым видом (все и так уже ясно) выдают бюллетени зачем-то пришедшим избирателям, председатели избиркомов сознательно идут на преступления, а администрация сознательно вынуждает их идти на эти преступления и покрывает их, а суды выносят издевательские решения.

В топку истерии были брошены репутации, остатки общественного доверия и консолидации. Цинизм как вирус или раковая клетка, питаясь здоровыми клетками и тканями общества, разрушает общественный организм, саму среду существования режима. И дело уже в том как спасти общественный организм. И можно ли это еще сделать...

Присущая исторически российскому человеку сакрализация верховной власти уходит в прошлое. Вызрело неокapиталистическое восприятие власти – как наемного менеджмента, который должен эффективно заботиться о благе общества. У нынешней власти специфическая «кредитная история». Иван Грозный, Иосиф Виссарионович, Никита Сергеевич и Леонид Ильич прекрасно понимали: необходимость ограничения спецслужб и недопущения их к полноте власти. Потому что работников спецслужб профессиональное сознание «работы на холоде», вне правовых рамок. Право для них – некая помеха. Это – во-первых. А во-вторых, им нужно противостояние неким врагам: снаружи и внутри. Если таких врагов нет, они их создают. Основная драма современной российской политической культуры в том, что к власти пришла категория людей, которые могут профессионально решать задачи, разруливать ситуации, но они не могут поставить цель, не могут консолидировать общество на позитивной конструктивной основе.

Нынешние российские власти не видят необходимости в выстраиванию коммуникаций государства с обществом при решении тактических задач. Они не видят в обществе партнеров. Они видят массы, которым не доверяют. Наиболее отчетливо это выразилось в полном недоверии к некоммерческим организациям. В реплике главы государства «Не с той руки едят» имелось ввиду получение международных грантов разного рода благотворительными и общественными организациями. Правовую и налоговую ситуацию поменяли таким образом, что теперь легче создать заведомо убыточную коммерческую структуру, чем некоммерческую организацию. А ведь общественные организации – это одна из основных составляющих ткани гражданского общества в современных демократиях, они способны не только принимать на себя решение определенных социальных проблем, но также транслировать наверх информацию о наиболее болезненных вопросах. Российские власти увидели в этой силе реальных конкурентов. Это лишь один из примеров, демонстрирующий, что власти искусственно противодействуют процессу взросления гражданского общества в стране.

На первый взгляд, Интернет дал обществу мощный инструмент воздействия на власти и понуждения их к диалогу, вне зависимости от желания «верхов». Но не стоит забывать, что инструмент это обоюдоострый. Власть под колпаком у общества, но и оно под колпаком у власти. Можно обменяться любезностями в виде взаимного взлома сайтов. Можно следить друг за другом. Провоцировать друг друга с применением современных информационно-коммуникативных технологий. К тому же, сейчас пространство Интернета, похоже, переживает фазу

сегментации. Если ранее шел лавинообразный процесс нарастания информации, то сейчас есть некоторые признаки организации коммуницирования по группам интересов, включая элементы закрытости. Это облегчает власти мониторинг настроений и целевое применение манипулятивных приемов.

Каковы ближайшие перспективы? Со стороны общества мы имеем дело с новым качеством правозащитного движения. Причем массовым, а не маргинальным. Старая идея советского математика Есенина-Вольпина: тыкать власть носом в ее же законы, – неожиданно овладела массами, обрела социальную базу в лице широкого слоя людей, которым хочется жить по правилам. И они вышли после выборов на митинги, чтобы донести наверх простую мысль. Я, гражданин, веду себя пристойно: плачу налоги, работаю, не уповаю на государство, над повышением своего благосостояния. Я пришел на выборы и отдал свой голос за тех, за кого считал нужным. И жду симметричного ответа от властей. А именно – пристойного поведения и соблюдения правил.

Будущее России во многом зависит от готовности власти признать над собой главенство правовых норм. Либо власть показывает, что она тоже ограничена законом, либо лодка будет раскачиваться дальше. И раскачиваться властью, ставящей себя не столько над законом, сколько вне его. Не столько над обществом, сколько вне его.

Пока же общество в нравственном, гражданском самосознании не намного, но опережает власть. И, если оно сохранит гражданское давление и контроль, сможет противостоять встречным провокациям и без конфликтов, сохраняя спокойствие, создавать коридор эволюции власти к формированию в России адекватной политической системы.

Сейчас власть получила, пожалуй, последний кредит доверия. Теперь все будут смотреть – за что же она так цеплялась... Неизбежно у части общества, которая пока еще поддавалась истерике, давала себя втянуть в циничные игры, наступит прозрение.

Но со всем этим нам надо жить. Долго. Но это наша страна. И мы хотим в ней жить. Время покажет – насколько созрело российское общество, насколько полезной были эти зимы тревоги нашей...

Откуда брать силы

Помнится, мне довелось присутствовать на презентации уже не помню какой программы Правительства Санкт-Петербурга. Представлял ее тогдашний Губернатор В.А. Яковлев. Отвечая на один из

вопросов, он помолчал и изрек: «Взрослые и дети – это самое страшное, что может быть». Я подумал, что ослышался, переспрашивал у других участников мероприятия. Все было именно так. И это не было оговоркой – это была глубоко выстраданная идея отечественного руководителя, «крепкого хозяйственника»... Это первая история для начала.

А вот – вторая. Где-то в самом начале 1980-х, когда я работал в Институте культуры, к нам на только что образованную кафедру управления и экономики культуры пришел профессор В. Сыроежин — молодой, энергичный, один из ведущих тогда (сейчас бы сказали – «продвинутых») отечественных экономистов. Он предложил сделать доклад о роли культуры в экономике, поскольку несколько неожиданно для самого себя пришел к выводу, что культура – не отрасль экономики, а ее предпосылка, как он выражался – «пресуппозиция». Она не просто производит некие продукты и услуги, а формирует сами потребности, выступая в качестве фундаментального фактора развития самой экономики – хоть рыночной, хоть плано-распределительной. И ему было важно поднять эту тему в кругу специалистов из сферы культуры. Поскольку Сыроежин пришел с диктофоном, я попросил его дать распечатку записи – как доклада, так и его обсуждения. До сих пор храню эту распечатку как свидетельство небезнадежности отечественных экономистов.

Профессор Сыроежин, к сожалению, в полном расцвете творческих сил скоропостижно скончался. Потом начались «ускорение», «перестройка», «рыночные реформы», «семь лет тучных коров», теперь – «кризис»...

К чему я это все? Да прежде всего к тому, что практически все нобелевские лауреаты по экономике получили свои премии за разработки по социальной политике. А для нашей экономической «элиты», не только практиков, принимающих решения, но экспертов, теоретиков и прочих «консультантов», социальная политика – фактор все еще второстепенный.

Недавние разговоры наших ньюсмейкеров о том, что кризис – это сугубо зарубежных рук дело, что Россия – «островок безопасности», обеспеченной «подушкой» или даже «подушками» этой самой безопасности, довольно скоро стали производить впечатление даже не лукавства, а какой-то растерянной несостоятельности. Как пропагандистский прием в духе простого объяснения широким массам сложных проблем такая риторическая фигура еще может пройти, да и то со скрипом. Но не как основание для практики. Тем более, что почему-то

именно в России кризис оказался наиболее тяжелым, и рубль почему-то упал ниже, чем другие валюты, а в экономике произошло не просто замедление роста, а резкое падение ВВП. Китай, например, уже в мае вышел на докризисные показатели...

Если кризис, который быстро перерос из финансового в экономический, а того и гляди перейдет в социальный, а там, не дай Бог, и в политический, — есть плод какого-то внешнего влияния, то получается, что Россия беззащитна от таких воздействий, она — игрушка внешних сил. Получается, что у российского общества серьезно ослаблен, если не вовсе отсутствует, иммунитет. Только прошу понять меня правильно: я решительно против изоляции, отгораживания от «могучих врагов». Фактически это тоже пропагандистский прием, с помощью которого мы уже наплодили и плодим врагов чуть ли не на пустом месте: Украина, Грузия, Прибалтика, Норвегия, Британия, на подходе Туркмения... Речь о другом.

Прежде всего, важно понять причины происходящего. Знание и понимание — уже оружие, информирован — значит, защищен. Но до сих пор СМИ, специальные издания, сайты, конференции, в том числе весьма представительные, демонстрируют растерянность и попытки постановки диагноза без серьезного анализа состояния больного. Как прозвучало на одной весьма представительной конференции, любые экономические прогнозы всегда опаздывают на 2–3 месяца. И у экспертов есть только два пути их выработки: либо сопоставление с аналогичными случаями, либо выявление собственных закономерностей развития конкретного социума. Первый путь в современной ситуации малоприменим. Для второго у нас нет достоверных моделей развития отечественной экономики. Поэтому все прогнозы, которыми переполнены СМИ, — преимущественно идеологические споры с ложными дилеммами: рынок или государство, свобода или справедливость, банки или производители...

Уже приводились слова И.-В.Гете: «Общие понятия и большое самомнение в любой миг могут стать причиной большого несчастья». В самомнении нашей власти отказать никак невозможно. Так же, впрочем, как и в довольно «общем понятии». В результате уже растрочены основные средства суверенных фондов. Деньги, без всяких условий переданные на «спасение» банков и «правильного» крупного бизнеса, нахватавшего за рубежом долгов, сумма которых превышает долг государственный, сыграли против экономики. Банкиры так и не приступили к кредитованию производителей, а использовали доставшуюся им «подушку безопасности» для игры против рубля. Да и грех было

не воспользоваться, когда государство дало им на это время, обеспечивая «плавную» девальвацию национальной валюты. Банки получили на этом баснословную прибыль и выплатили запредельные бонусы своему «талантливому» топ-менеджменту. Если бы эти деньги просто раздать населению страны, то каждый, включая младенцев и пенсионеров, получил бы по \$1200 – средства, вполне достаточные для поддержания платежеспособного спроса.

Но есть, однако, факторы, выходящие за рамки «фактов личной биографии» нашего экономического руководства и политической персонологии. Это принципиальное непонимание природы и механизмов реальной экономики современного общества.

Общественные интересы и блага. Важно здесь то, что полноценные экономика и рынок не сводятся к удовлетворению индивидуального спроса на товары. Частные блага и услуги достаточно просто «расфасовываются» по объему и получателям. Одежда, продукты питания, услуги ЖКХ и т.п. имеют вполне конкретную характеристику – исключаемость. Потребление их одним человеком исключает потребление их другими людьми. Хлеб, съеденный одним человеком, уже недоступен другим.

Но существуют еще и общественные интересы – неделимые и неконкурентные. Некоторые из них выражают систему интересов индивидуальных: чистая вода и воздух, безопасность, медицинские услуги и т.п.; а некоторые выражаются в ценностях всего общества: культурно-историческое наследие, определенный образ жизни, нравственность... Потребление общественных благ одним человеком не исключает, а предполагает доступность их для потребления другими людьми. Простой «расфасовке» они не поддаются. Воздух, которым мы дышим, – благо, данное природой всем сразу, исключаемость здесь невозможна. Городская архитектура – плод усилий многих людей, и при нормальных условиях не может быть объектом исключаемости. Шум, загрязнение воды или воздуха – зло, от которого невозможно избавиться отдельно человека. И наоборот – у отдельного человека нельзя отнять право наслаждаться тишиной и чистым воздухом в парке. Или можно, но до определенной степени, установив соответствующие границы и исключив посторонних лиц из пользования этим благом. В некоторых местах пляжами и парками могут пользоваться только местные жители, на чьи налоги, как считается, содержатся эти зоны отдыха.

Чаще всего общественные блага убывают в процессе их потребления. Избыток потребителей или избыточная частота обращения к ним,

как правило, наносят им ущерб. Шоссейные дороги – пример избытка потребителей, когда рост числа пользователей вызывает пробки и создает неудобства для других. Когда блага характеризуется неисключаемостью, мы имеем небольшие возможности их выбора и наше мнение о них не оказывает влияния на их качество. Более того, мы бываем вынуждены потреблять общественные блага, к которым относимся негативно: нерадивые ЖКХ, перенасыщенные транспортом магистрали, не вызывающие доверия и уважения правоохранительные органы и т.п. детали российского быта.

Поскольку никто не может быть лишен права пользования дарами природы, у людей возникает ощущение, что платить за это они не должны. Аналогично у владельцев предприятия, выпускающего дым в атмосферу, нет стимулов устанавливать дорогостоящее оборудование, фильтрующее дым. Кончается это все тем, что, не удастся обеспечить должный уровень общественных благ. Поэтому блага совместного пользования, когда исключаемость затруднена или невозможна, предполагают специальные усилия по поддержанию их уровня и особые структуры управления, которые могут эти усилия обеспечить. Рыночные институты тут не работают, поэтому оказывается необходимым вмешательство государства с его правом применять санкции к тем, кто уклоняется от участия в общих затратах и не бережет блага, принадлежащие всем.

Если в малых социальных группах контроль за справедливым распределением общих благ между всеми реализуем довольно легко, то в больших группах каждый человек анонимен, и безнаказанное нарушение справедливости – не редкость. В этом случае необходимо принуждение к участию в общих затратах (например, через сбор налогов) на поддержание должного уровня общественных благ.

То есть по самой своей природе общественная экономика нуждается в инстанциях, наделенных правом принуждения. Более того, само обеспечение законности и порядка – общественное благо, которое становится условием обеспечения всех прочих благ. Рыночная экономика, построенная на принципах исключаемости, обмена и добровольного взаимодействия, общественные блага обеспечивать не может.

Однако обращение к принудительным мерам – не гарант получения людьми благ. Наоборот, инструменты насилия могут использоваться для того, чтобы лишить каких-то людей права пользования общественными благами и тем самым сделать их более бедными, а не более богатыми. Например, государство позволяет большинству лишать различные меньшинства прав на какие-то блага.

Но есть общественные блага, которые в процессе потребления не убывают, а даже увеличивают свою ценность и значение. Спектакль, концерт, книга, фильм, политические и религиозные идеи – чем больше народу ознакомится с ними, тем они значимее. Как говорил Б. Шоу: «Если у тебя есть яблоко, и ты мне его отдал, у тебя яблока не стало, оно стало моим, а если я его съем, то его вообще не станет. Однако если у меня есть идея, и я поделюсь ею с тобой, у нас будет общая идея». Это полностью соответствует роли в обществе морали, искусства, образования и многих других общественных благ...

Важно понять, что экономика социальных благ принципиально отличается от рыночной экономики. Управление ею в корне отлично от управления и контроля как в коммерческих структурах, так и в государственной сфере. Если частные блага (товары и услуги) в силу легкости их «расфасовки» могут быть подсчитаны, соотнесены с издержками и прочими количественными показателями, то общественные блага прямому измерению не поддаются. Увеличение доступа к качественному образованию, к услугам учреждений культуры даст результат в росте человеческого капитала, но насколько именно он возрастет – точный ответ дать невозможно, поэтому невозможно точно сопоставить затраты и прибыль. А поскольку трудно измерить «выход» общественных благ и услуг, трудно и оценить качество работы инстанций, ответственных за общественные блага.

Вот основные проблемы организации общественной экономики: отсутствие исключаемости, отсутствие количественных показателей и соответствующего способа измерения, малые возможности индивидуального выбора, а также неэффективность и опасность полного государственного контроля в этой сфере.

В зрелом гражданском обществе с производством общественных благ связана деятельность некоммерческих негосударственных организаций (НКО). Именно они занимаются деятельностью, которая в принципе не может быть осуществлена в коммерческом режиме. Поэтому в производстве и распределении общественных благ важную роль играет самоорганизация общественности. Такие общественные институции также обладают правом принуждения. Например, уставы жилищных кооперативов и кондоминиумов дают право взимать сборы за предоставление совместно используемых услуг и оборудования. Во многом аналогична роль религиозных организаций, профессиональных и творческих союзов, благотворительных обществ, спортивные и прочие клубы.

Таким образом, сектор общественных услуг представляет собой множество сфер производства и потребления: общественный поря-

док, образование, культура и искусство, водоснабжение, пожарная охрана, социальное обеспечение, здравоохранение, транспорт. Работа в них организуется на основе различных форм собственности: государственная, муниципальная, общественных организаций, частная – и в различной организационно-правовой форме.

Каждая из этих сфер имеет разные возможности сочетания общественных и частных интересов, централизации и координации. Так, в сферах охраны общественного порядка или водоснабжения – большие возможности централизации, чем в сфере культуры и искусства. Однако все участники процесса находятся в тесной взаимосвязи, суть которой – социальное партнерство. Например, оптимальный способ финансирования образования и культуры – объединение местных, федеральных, региональных и частных ресурсов. А если в обеспечении общих благ нет пропорционального участия как заинтересованных, так и ответственных сторон, как это было в советской экономике, – то получающий выгоду может счесть их бесплатными.

Очень важно также увеличение возможностей выбора общественных услуг и их конкуренция. Именно это открывает перспективы для совершенствования. Конкурентность – вообще ключевой фактор демократии. Коммерческие и государственные структуры всегда склонны к монополизму и заинтересованы в уменьшении конкурентных альтернатив. Если им это удастся, конкуренция становится неэффективной, а то и деградирует до сговора.

Поскольку рядовые члены общества могут не отдавать себе отчета в важности и необходимости таких ценностей, которые выступают именно общественными, – выразителями, носителями и защитниками общественных интересов *в нормальном обществе* выступают просвещенная часть граждан, государство и элита.

Важная оговорка. Под элитой я понимаю не правящий класс и не тех, кто «круто попал на ТВ», а людей, дающих обществу то, без чего оно деградирует, – образцы. Нравственные, интеллектуальные, духовные и художественные.

Когда речь заходит об обществе, социологи говорят о классах, этносах, стратах и прочих социальных группах. То есть рассматривают вопрос структурно-инвентаризационно. Но к концу XX столетия эта привычная парадигма постоянно дает сбой, что отчетливо видно на попытках объяснения российского общества.

Привычное различие рабочих, крестьян и служащих для экономического и политического анализа ничего не дает, поскольку реальные социальные силы, такие как бюрократия, молодежь, творческая

интеллигенция, масс-медиа, маргинальные группы и другие, – в традиционном различии не улавливаются и как бы не существуют.

Не помогает и ориентация на национально-этническую структуризацию. На время нация может стать реальной объединяющей силой – когда национальная идея (освобождения или завоевания) овладевает массами, когда появляются харизматичные лидеры (очень часто – иной национальной принадлежности), когда появляются средства для приобретения оружия и т.п. Но плодами национального движения все равно воспользуются силы, интересы которых и наполнили абстрактную идею реальными возможностями.

Классы и нации – понятия необходимые, но только на уровне предварительных классификаций и систематизаций. Не классы и нации ткнут общественное бытие, а социальные силы. Поэтому ход и результаты «революционных преобразований» для большинства аналитиков, пользующихся традиционными категориями, оказались неожиданными. Более того, традиционные классификации абсолютно ничего не смогли дать для прогнозов и выработки решений в таких, например, ситуациях, как выборы в Государственную думу или распад СССР, в котором традиционные социальные группы не были заинтересованы. Социологический анализ превратился в классификационную игру ума.

На повестку дня стала смена аппарата осмысления общественных процессов. Новая понятийная схема должна выявить реально действующие социальные силы, их личностное самоопределение и возможности самоорганизации с учетом нелинейности и катастрофичности (в терминологическом значении теории катастроф) социальных процессов.

Материалом для подобных исследований вполне может служить наша политическая жизнь. Ассоциации, партии, объединения, движения не создают теперь только ленивый. На выборах выдвигаются подчас совершенно случайные люди – лишь бы они по какому-то поводу были известны более чем троем другим. Государственная дума напоминает заповедник самозванцев – депутаты выражают непонятно чьи интересы, поэтому прежде всего удовлетворяют свои – как правило, имущественные. Парадокс, однако, в том, что эта картина очень близка состоянию политической жизни экономически развитых стран, где политические партии давно уже не выступают носителями идеологии традиционных классов. Политические партии США, ФРГ, Франции, Великобритании, Испании, скандинавских стран и др. являются, скорее, аппаратом по мобилизации на выборы – командами, успех которых зависит от привлекательности программы и обаяния лидера, финансовых и организационных возможностей, доступа к СМИ.

Поэтому центральным понятием обществоведения представляется именно **социальная сила** – общность людей, объединенных интересами и программой их реализации, а также обладающих ресурсами – материальными, финансовыми, организационными, информационными, человеческими – для осуществления этой программы.

Новый подход акцентирует интеграцию целей и средств. Он улавливает направленность развития общественной системы, определяющую ее функции, закрепляемые в определенных структурных образованиях.

С этой точки зрения и научная, и художественная, и политическая, и религиозная жизнь развиваются по одной схеме: новая идея создает объединение единомышленников, которое развивается в неформальную ассоциацию и далее – в социальный институт. На каждом из этапов создаются условия перехода к следующему уровню самоорганизации социальной силы: систематическое общение, выдвижение лидера, вербовка учеников и сторонников, доступ к СМИ, финансовым и материальным ресурсам.

Современное российское общество характеризуется отсутствием динамичных социальных сил. Это общество обессиленное. Супергосударство, распоряжающееся всеми ресурсами, и обездоленные (в буквальном смысле слова лишенные долевого участия в собственности) граждане. Бизнес, у которого в любой момент могут отобрать все ресурсы, служащие, студенты, даже рабочие – не социальные силы, в отличие от чиновников, спецслужб, криминала, СМИ, армии.

Это буквально бессильное общество. Оно не способно выразить и реализовать общественные интересы. Поэтому фактическими социальными силами становятся сложившиеся социальные институты – коллективы предприятий и их управленческий персонал, отраслевые структуры, спецслужбы, СМИ... Их функции не относятся к политической жизни, но они реально объединяют материальные и финансовые ресурсы, а значит – людей при этих ресурсах. И люди в отсутствие общественных интересов оказываются заложниками этих структур. Путь выхода из этой абсурдной ситуации – естественная самоорганизация здоровых социальных сил.

Почему в нашем отечестве нет ясного и четкого сознания общественных интересов, хотя бы даже представлений об общественных благах – выраженных, артикулированных, оформленных и защищенных? Одна из причин лежит, наверное, в исторически сложившемся способе хозяйствования, основанном на использовании природной ренты. И государство с самого своего возникновения рассматривает все свои ресурсы, включая население, как ренту. Оно не

заинтересовано в повышении конкурентоспособности экономики, росте качества жизни людей – у него просто другие функции. Фактически оно – способ обогащения носителей власти, в современных условиях – чиновничьей бюрократии.

Это даже не коррупция. Это сама природа российской государственности. Российское государство, как известно, возникло не для защиты богатеейшей городской слободы и остального населения. Наоборот... Первое письменное упоминание о Руси в византийских летописях времен Константина Багрянородного говорит буквально следующее: «Осенью князь со своей русью выезжает на кормление». Ярким примером такого кормления служит история противостояния древлян с Игорем и Ольгой. «Отдай мне, но не хазарам».

И что изменилось с тех пор? Разве что не только князь и не только осенью.

За рубежом еще до революции было найдено определение специфически российскому способу хозяйствования: «вотчинная экономика». Это когда целые регионы и отрасли отдавались в кормление «правильным ребятам». В нашем отечестве на протяжении всей истории не собственность рождала власть, а наоборот – власть порождала и делила собственность. И, как писал В.В. Розанов, вся собственность на Руси – от того, что либо ограбил кого, либо в подарок выпросил.

Отсюда и общественное сознание, представления о том, что это не мы, граждане, кормим государство, а оно нас кормит и должно накормить. Меня потрясли результаты одного опроса, согласно которым 48% граждан РФ полагают, что благотворительностью в нашей стране должен заниматься бизнес (потому как у него, мол, деньги есть), а оставшиеся 52% уверены, что благотворительность – дело государства!!! Это уже полное отсутствие свободы воли и гражданского саморегулирования. Попросту – рабская психология.

И тут мы сталкиваемся с чуть ли не главным нашим парадоксом. С одной стороны, общество обескровлено и обессилено повсеместным властным «кормлением». А с другой – если что-то может быть сделано, то только при активном участии государства. Получается, что с нашим государством – плохо, а без него – совсем невозможно. Пройти этими Сциллой и Харибдой, определив роль государства в современной России, – задача очень конкретная, на уровне социальной инженерии.

Противостояние кризису требует не изоляции, а сознательной, вменяемой социально-культурной терапии и инженерии. Только имеется ли на это политическая воля? Президентом была утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до

2020 года». В ней впервые в истории новой России сформулирован принцип национальной безопасности через устойчивое развитие в первую очередь экономики и социальной сферы, обеспечение достойного уровня и качества жизни.

И это снова оказалось очередной декларацией. Возможно политический класс и понял, что должно делать... Ведь то, чем он до сих пор занимался, ведет Россию в экономический и политический тупик. Речь идет не просто о государственном регулировании. Хотя даже эта роль российским государством не выполняется. Вместо регулирования власть откровенно сама лезет в бизнес. А такая тонкая проблема (кстати, постоянно провозглашаемая приоритетной), как борьба с инфляцией, осуществляется сдерживанием и даже сокращением денежной массы. Почти по-сталински: нет денег – нет проблем.

Отвечая за все, государство фактически не отвечает ни за что, а вмешательство его в экономику может оказаться катастрофой, как это случилось, например, в конце 2008 года. В четком осознании зоны ответственности государства и состоит проблема.

Думается, эта зона ответственности должна быть очерчена производством социальных благ, которые, как уже было сказано, в принципе не могут быть реализованы на коммерческой основе. В конечном счете все сводится к развитию человеческого капитала, вложениях государства в социальное и гуманитарное развитие населения. Правовое и политическое самосознание людей предполагают их достаточно высокое нравственное, духовное и интеллектуальное развитие, не говоря уже об их физическом и психическом здоровье.

Именно за учет и развитие социальных и социально-культурных факторов и получают нобелевские премии ведущие зарубежные экономисты. В развитых экономиках государством перераспределяется до 1/3 ВВП. Речь идет не о благотворительной раздаче, а именно о производстве и поддержании общественных благ.

Если бы усиление государства после дела ЮКОСа было оправдано чем-то подобным, но... Оно занялось простым перераспределением собственности. Даже продекларированные т. н. «национальные проекты» собственно проектной части не имели: государство попросту бросило часть присвоенной ренты «на драку собаку»: что-то на медицину, что-то на село, что-то на образование – без внятного проектирования...

Отсутствие внятной и вменяемой социальной политики ведет к вырождению общества. Именно такой вектор довольно ясно обозначился за последние годы. Путь к экономике без денег и к обществу без людей.

Недоразвитость социальной инфраструктуры уже серьезно сказывается на экономике. Например, отсутствие нормального рынка жилья, делающего его доступным, определяет невозможность переезда специалистов к местам новой перспективной работы и делает диспропорцию развития регионов угрожающей.

Необходимость социальной политики очевидна не только в экономике. Несостоятельность политического дизайна и его наполнения: федерализм и унитаризм, роль государства в экономике, освоение новой географии, отношения с соотечественниками за рубежом и т.д. — объясняется тем же. Дискуссии об империи, «постимперском синдроме», «кризисе идентичности» при анализе наших реальных проблем показывают свою пропагандистскую надуманность и реальную опасность, поскольку в этом контексте невозможно не то что решить, но даже поставить практические вопросы. Так вуалируется несоответствие российской реальности массовым ожиданиям населения. Опросы показывают, что за т.н. «имперским синдромом» реально стоит не ностальгия по империи, а желание качественного иного уровня жизни. Надуман и вопрос о «кризисе идентичности» — фактически за ним стоит проблема личностной самореализации в новых цивилизационных условиях. Также и тезис о великодержавности сталкивается с проблемой: в современном обществе величие страны определяется не столько размерами, ресурсами и военной мощью, сколько ее «престижем», привлекательностью для «новых людей», человеческого капитала, являющегося трендом развития общества. Аналогично и проблема сохранения «русского мира» декларируется, но в план технологии решения, в частности, проблемы (им)миграции, не переходит.

Между тем деградация высшей школы заставляет уже даже правительство делать конвульсивные, плохо продуманные движения. О науке приходится говорить в полуностальгическом-полумифологическом плане. Вместо реальных вложений в серьезную науку правительство тешит себя и телезрителей разговорами об инновационных технологиях, реальная материальная и научная база которых отсутствует. Как известно, IBM, сосредотачиваясь на разработках программного обеспечения, искало материально-технологическую базу, куда можно было передать производство компьютерного «железа». Они надеялись найти такую базу в России, но не нашли. Нашли в Китае, который и заполнил теперь мир своими «Асег»'ами и «Asus»'ами, конкуренты которых все дальше уходят в научно-технологический отрыв.

Повторю: России остро необходима вменяемая социальная политика, направленная на развитие материальной инфраструктуры реализации общественных интересов и социальных благ. Задача

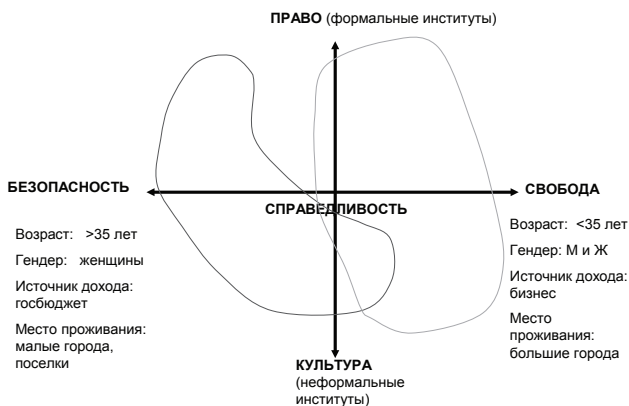
государства – возглавить разработку и реализацию такой политики. Но именно – возглавить. Решить ее в одиночку ему не по силам, да и не надо. Надо – на основе социального партнерства, выстроить которое – задача для государства не только благородная, но и благодарная. Хотя бы потому, что часть забот и проблем по реализации социальных благ и интересов могут брать на себя социально ответственный бизнес и самоорганизовавшаяся общественность, способные решать свои проблемы вне зависимости от того, с какой ноги встал сегодня президент и на кого нахмурил брови глава правительства.

Только эффективные социальные инвестиции государства и развитое социальное партнерство позволяют обществу наработать иммунитет к экономическим и социальным потрясениям. И только это позволит нам заговорить, наконец, о его состоятельности.

Проблемы и надежды

Перспективы обновления российского общества могут быть связаны с его консолидацией на конструктивной позитивной основе.

Возвращаясь к вопросу о деформации нормативно-ценностной модели российского общества, можно констатировать, что речь идет о глубокой травме этого общества. Причем, травме, закрепленной социально-демографически. На Рис.4 представлены ориентировочные социально-демографические профили нормативно-ценностных кластеров.

В этой связи, выявляются и условия реализации такой инженерии: обеспечение правовых гарантий личной инициативы, внятная социально-культурная политика с акцентированной ставкой на развитие городских агломераций, образование и молодежь.

Очевидны и основные направления и технологии необходимой социальной инженерии по преодолению этого дисбаланса, динамике социальных институтов, всей нормативно-ценностной системы общества. Она возможна с опорой на модернизационный потенциал (высокий уровень человеческого капитала, терпеливость, неприхотливость, креативность богатого опыта выживания в сочетании с высокой природной рентой, централизованной властью) и преодоление нормативно-ценностных барьеров (правовой нигилизм, низкий уровень горизонтальной мобильности, отсутствие реального запроса на инновации, взаимное недоверие, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования).

Дивергенция по ценностной оси между безопасностью и самореализацией не может компенсироваться исключительно культуральным фактором (этническим, религиозным). Сбалансированная компенсация предполагает формирование гражданской позиции и гражданской идентичности – что показывает, кстати, не только зарубежный опыт, но и движение гражданского протеста 2011-2012 в России, участники которого сформулировали *de facto* запрос на формирование гражданской нации, на легитимную власть, способную реализовать справедливое отправление своих функций.

Подобно Турции и Мексике, Россия остается страной с «разорванными, расколотыми обществом и культурой». Этот раскол обусловлен «догоняющей» моделью развития, разрывом между верхушечной (властной и экономической) элитой, идентифицирующей себя с Западом, и основной массой населения, пребывающей в ином культурно-цивилизационном поле; внешним засильем западной культуры и одновременно – не тронутостью западным опытом, трудовой этикой глубинных пластов национальной культуры; а также отсутствием общенациональной идеологии примирения, объединения и сотрудничества, компенсирующей социальное неравенство и несправедливость.

Другой проблемой остается узкое нормативно-ценностное поле в российско-советском культурном опыте для социальной значимости личности. Фактически имеются только два варианта такой значимости, два пути самоутверждения и успеха – Власть и Слава. Мастерство, Дело и Богатство остаются пока вещами малопrestiжными.

Даже Богатство – вещь остающаяся нравственно сомнительной и неоднозначной. Массовое сознание в своем большинстве признает не столько этику жизненного успеха, сколько жертвенность во имя правды и справедливости.

Однако, по мере роста самосознания и самоопределения, по мере оформления и осознания социальных интересов Мастерство и Богатство неизбежно будут подниматься в глазах общества, становиться более ценными. Баланс социальных сил и личности будет рано или поздно выстроен. Дело не за идеологией и политикой, а за конкретной социальной инженерией, учитывающей рассмотренную ранее динамику человеческого развития от ценностей выживания к ценностям свободной самореализации.

Проблемы новейшего российского реформаторства не в направленности реформ, а в их исполнении, отсутствии опоры на собственный культурный опыт, каким бы «нерыночным» он не выглядел. Иного нет, а тот, что есть – не так уж, как оказывается и плох. По результатам социологических исследований динамики ценностных ориентаций в России начался и продолжается драматический переход от «тоталитарно-идеологической к плюралистически-человеческой системе ценностей». Согласно этим исследованиям, ценностная структура современного российского сознания имеет концентрическую конфигурацию. Центральной ценностью выступает идеал спокойной совести. Периферию образуют ценности хороших отношений в семье, с друзьями, свобода, правда, добро, жизнь и т.д. Эта ценностная система повседневного гуманизма противопоставляется анти-ценности «властолюбивого эгоизма».

Парадоксально, но факт – мы имеем дело с тем же самым содержанием российского культурного опыта и главным его нервом – противостоянием народа и власти. У народа по-прежнему совесть чиста и спокойна, но у власти спокойной совести не может быть «поопределению». Но есть и обнадеживающие изменения. Упомянутая концентричная система ценностей повседневного гуманизма характеризует нормальное состояние сознания. В стрессовой ситуации (кризис, бедствие, катастрофа и т.п.) место спокойной совести в центре ценностной структуры занимает ценность самообеспечения безопасности. Иначе говоря, российский гражданин начинает понимать, что рассчитывать ему лучше на самого себя. Особенно в трудную минуту. Это уже серьезное изменение культурного опыта: при сохранении базового характера ценности безопасности и даже выживания, человек в большей степени рассчитывает на себя самого.

Общая гуманизация российского культурного опыта, его очеловечивание подкрепляются и рядом объективных факторов, создающих, как представляется, ряд «необратимостей». Прежде всего – это человеческий потенциал современной России. Сохраняющийся относительно высокий образовательный уровень, элитный уровень профессионализма в ряде сфер. Именно это не позволяет отождествлять Россию полностью с третьим миром, развивающимися странами. Речь идет не об интеллигенции («образованщине» и «образованцах»), а о массе образованных людей, горящих желанием самореализации. Не случайно ведь одну из наиболее продуктивных групп среди new russians составили бывшие научные сотрудники академических учреждений...

Опыт 1991 и 1993, 1998, 2011-2012, 2014-2017 годов показывает, что в наши дни уже, наверное, невозможен бунт «бессмысленный и беспощадный» типа пугачевщины или 1918 г. Народ убедительно и веско продемонстрировал горькую и мудрую сдержанность и стойкость, показав, что он мудрее и зрее своих властителей. Очевидно, сыграли свою роль и всеобщее среднее образование, и просвещающая роль средств массовой информации. Люди, по крайней мере – умом, понимают опасность стихии митинга и погрома. Особенно важен вклад СМИ. Почти десять лет гласности, а затем – Интернет, создали ситуацию, когда любой самозванец отдает себе отчет в том, что все тайное станет явным не только через полстолетия, а завтра, возможно, даже еще накануне, с упреждением. Социальные сети только закрепили эту ситуацию.

Медленно, со скрипом, но возникает правовая культура. То, что сделал Президент с Верховным советом осенью 1993 г. еще за год до этого было бы воспринято общественным мнением как должное. Но время меняется, меняется сознание – и теперь уже умом соглашаясь, что да, так надо, сердцем люди чувствуют, что нехорошо это, когда Президент переступает закон. И совсем плохо, когда танки расстреливают собственное законодательное собрание. Медленно, но вызревало сознание, что есть и должна быть высшая власть закона, перед которой должны уступать амбиции и целесообразность политиков любого уровня. Именно это сознание и выплеснулось в виде массовых гражданских протестов по ходу и итогам выборов 2011-2012 годов. И это был именно гражданский, а не политический протест. И поддержка, выраженная обществом власти в ситуации с Крымом, вынуждает власть ответить на ожидания выборами 2018 года.

Разумеется, ключевым вопросом перспектив развития российского общества является решение вопроса о собственности и ее правовых

гарантиях. Худо-бедно, с злоупотреблениями, но делает свое дело приватизация, формирующая не пресловутое советское «чувство хозяина», а собственность и собственников. Будущее России существеннейшим образом зависит от того, как будет поделена общенародная собственность. Либо будет создан настоящий middle-class (инженеры, предприниматели, ученые, профессура, врачи, учителя, чиновники) – подлинный гарант социальной стабильности. Либо диктатура немногих обеспечит сохранность несправедливо захваченной собственности (например, когда летчики приватизируют не ими построенные самолеты). Либо – перспектива очередного «черного передела», «грабिжек» и всеобщее «кормление», т.е. очередная национальная катастрофа.

Потребительский и хищнический индивидуализм new russians оканчивается в значительной степени эмиграцией из национальной жизни, как демонстративный разрыв с традициями «советского народа». Но, узурпировав модернизацию в духе агрессивной вестернизации, элита добилась не менее агрессивного ее неприятия населением и дискредитации ценностей демократии и либерализма. А попытки найти поддержку на Западе ведет к далеко идущим уступкам в вопросах, жизненно важных для России, торговле национальными интересами и опять же – росту внутреннего напряжения в стране. Существует ли основа преодоления этой расколотости? Без сильного государства России не обойтись. Но сила его не может быть имперски-тоталитарной. Сила его может быть основана только на человеческой свободе.

Нельзя не отметить обнадеживающую идущую рывками демилитаризацию – политики, экономики, общественного сознания. Опять же рывками, с возвратами, но на смену ксенофобии приходит осознание своего места и своих интересов среди мирового сообщества. А вспышки, приступы антиамериканизма и антиевропейскости воспринимаются как временные внешнеполитические игры.

И наконец, главная необратимость, главная надежда – это то, что в новых условиях вошли в жизнь фактически уже три поколения – не зашоренных, немного циничных, но зато рассчитывающих исключительно на свои силы. И в этом случае время работает на будущее России.

Требуются решения, не имеющие аналогов в истории по своей сложности и ответственности, либо демонтаж сложившихся традиций социального бытия, их полное разрушение. Но надо отдавать себе отчет в том, что вторая альтернатива имела бы своей ценой саму Россию, причем, не только имперскую, пораженную ксенофобией, агрессивным неприятием нового, но и столь узнаваемую своим творческим

потенциалом и душевной теплотой. Вторая альтернатива означала бы отказ от российского культурного опыта, а значит и, с неизбежностью – от России.

Все сказанное позволяет констатировать, что российское общество имеет дело с серьезнейшим цивилизационным вызовом.

Литература:

- Аверинцев С.С.* Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988, №.8,9;
- Аксаков К.С.* Полн. собр. соч. В 3 т. – М., 1875;
- Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры. (I). // Полития, № 2 (57) 2010, С. 122-144.
- Амальрик А.* Просуществоет ли Советский Союз до 1984 г. // Погружение в трясину. – М., 1991;
- Андерсон Р., Шихирев П.Н.* «Акулы» и «дельфины»: Психология и этика российско-американского делового партнерства. – М., 1994.
- Анкерсмит Ф.* Политическая репрезентация. М.: ВШЭ, 2012.
- Д'Анкосс Э.К.* Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г.до наших дней. М.: РОССПЭН, 2010;
- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991.
- Ахиезер А.С.* Труды.М.: Новый хронограф, 2006;
- Ачкасов В. А.* Этнополитология: СПб., 2005.
- Баркашов В.* Азбука русского национализма. М., 1994.
- Бауман З.* Текучая современность. М.-СПб и др., 2008.
- Белов А.А., Елисеев С.М.* Политические процессы и институты в современной России. СПб: СПбГУ, 2006;
- Беляева Н.Ю.* Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам. // Полис, 2011. № 3. С.72-87;
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990;
- Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990.
- Берлин И.* Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001;
- Боднер А.* Политическая культура общества и ее обусловленности // Политология вчера и сегодня. М., 1990, с. 216-229.
- Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М.: НЛЮ, 2011.
- Болтански Л., Тевень Л.* Критика и обоснование справедливости. М. НЛЮ, 2013.
- Бонхеффер Д.* Соппротивление и покорность. М., 1994.
- Бороноев А.О., Смирнов П.И.* Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб, 1992
- Брубейкер, Р.* Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Буковский В.* И возвращается ветер... – М.,1991;
- Булавка Л.* Феномен советской культуры. М.: Культурная революция, 2008;

- Бунин И.* Окаянные дни. М.: Сов. писатель, 1990.
- Вершинская О.Н.* Инновационное развитие личности. Социология инноватики. М., 2011.
- Веселов Ю. В.* Доверие и справедливость. М.: Аспект-Пресс, 2011.
- Вехи. Из глубины.* - М., 1991;
- Вехи российской истории.* – СПб, 1994;
- Власть, бизнес и общество в регионах: Неправильный треугольник.* М.: РОССПЭН, 2010;
- Власть в России: элиты и институты.* СПб: Интерсоцис, 2009;
- Вокуев Н.Е.* Феноменология притворства в современной культуре (на материалах блогосферы). Автореферат на соискание ученой степени кандидата культурологии. СПб, 2013.
- Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества. // Pro at Contra, 1997. т.2, N4, С.77-91.
- Восленский М.* Номенклатура. – М., 1991;
- Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
- Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 2001.
- Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. – М., 1994;
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 2005.
- Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 2004.
- Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
- Герцен А.И.* Собр.соч. в 7 тт. М.:Политиздат, 1950
- Гилинский Я.И.* Глобализация, девиантность, социальный контроль. СПб: ДЕАН, 2009.
- Глебова И.И.* Политическая культура России: образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006.
- Гордин Я.* Мятеж реформаторов. Л., 1989;
- Гройс Б.* Стиль Сталин. // Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993.
- Гудков Л.* Доверие в России: смысл, функции, структура. // Новое литературное обозрение. 2012, № 117'5. Спец.выпуск. Семиотика августа в XX веке: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. II., с.249-280.
- Гудков Л.Д.* Феномен «простоты» О национальном самосознании русских // Человек. 1991, No. 1;
- Гудков Л., Дубин Б.* Интеллигенция. СПб: Изд.И.Лимбаха, 2009;
- Гумилев Л.Н.* От Руси к России. – СПб, 1992;
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Наука, 1990.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для исследования моего времени. СПб: Петербургское востоковедение, 1998.

Дудченко В. Гражданин-невидимка. Сопротивление и сила «лагерного человека» // Век XX и мир. 1991, №.1, с.26-30;

Дука А.В. Политическая культура – поиски теоретических оснований. // ПОЛИТЭКС. 2006, № 1, с.7-30.

Евразийство: Мысли о России. М., 1992.

Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. X-XX вв. -М.,1992;

Жувенель Б. де. Власть. Естественная история её возрастания. М.: ИРИ-СЭН, 2011.

Журавлева В.И. Понимание России в США: Образы и мифы. 1881-1914. М.: РГУ, 2012. – 1368 с.

Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Захаров А. «Спящий институт»: федерализм в современной России и мире. М.: НЛЮ, 2012. – 144 с.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991;

Зеньковский В.В. История русской философии. В 4 тт.– Л.,1991;

Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1994.

Зомбарт В. Буржуа. – М., 1994.

Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.

Имидж России: концепция национального и территориального брендинга. М.: Экономика, 2012.

Империи Нового времени: типология и эволюция. (XV-XX вв.). СПб, 1999.

Имперский вопрос – национальный ответ. М.: ВШЭ, 2009.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

Иного не дано. – М., 1988; В человеческом измерении. М., 1989; Через тернии. М., 1990; Погружение в трясину. М., 1991.

Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. – СПб., 2001. – 320 с.

URL: <http://corpculture.ru/content/tipologiya-korporativnykh-kultur-k-kamerona-i-r-kuinna>

Кантор В. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: РОССПЭН, 2011

Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2008. – 542 с.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 2000.

Капитонов Э. А. и др. Корпоративная культура: теория и практика. – М.: Альфа-пресс. 2005.

Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995.

Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций. // Полис, 2004, № 4. С.6-27.

Карцов А.С. Толкование Конвенции: «консерваторы» versus «либералы».. – В кн.: «Европейская конвенция по правам человека»: теоретические проблемы и практика реализации в современной России. Сб. статей / Под ред. В.А.Ачкасова – СПб: Изд-во СПб университета, 2002, с. 146-156.

Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Ин-т национ. модели экономики, 1994;

Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М.: ЯСК, 2012.

Кордонский С.Г. Россия: поместная федерация. М.: Европа, 2010.

Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006.

Короленко В.Г. Земли! Земли! -М.,1991;

Крауч К. Пост-демократия. М.: ВШЭ, 2010.

Кузнецов А. М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе // ПОЛИС. 2007. № 6. С. 2–23.

Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: МШПИ, 2002 /

Кюстин де. Николаевская Россия. М.,1990;

Ламажаа Ч.К. Клановость в политике регионов России. Тувинские правила. СПб: Алетейя, 2010.

Лебедев А.А.: 1)Красота и ярость мира.М.,1989; 2) Чаадаев.М.,1964; 3) Честь.М.,1989;

Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1974, т. 33, с.1-120.

Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в древней Руси.Л.: Наука, 1984;

Лосский Н.О. Характер русского народа // Его же. Условия абсолютного добра. М.,1991;

Лотман Ю.М.: 1) Избр. статьи в 3-х тт. Таллинн, 1992-93;

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992;

Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М., 1999.

Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М., 2005.

Малинова О.Ю. Либерализм в политическом спектре России. – М.: Памятники политической мысли России, 1998. Глава 1.

Малинова О.Ю. Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте // Политическая идентичность и политика идентичности. М. 2012. С. 332-354;

Малинова О.Ю. Универсальные права человека и вызовы культурного релятивизма. // Civitas, 2003, 1, с. 11-16

Миллер А.И. Империя Романовых национализм. М.: НЛЮ, 2006.

Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 тт. – М.: Прогресс-Культура, 1994;

Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб, 2002. – 272 с.

Момот М. Демократия и ее польза: О происхождении «народного правления», госдолге, неравенстве и налогах. М.: Территория будущего, 2013.

Мосунова Н.А., Корнев Г.П. Нациепонимание: Поиск объективных оснований и социальное конструирование. СПб: Алетей, 2012.

Муратов С.В. ТВ – эволюция нетерпимости. (История и конфликты этических представлений). М., 2001.

Наследие империй и будущее России. // под. ред. А.И.Миллера. М.: НЛЮ, 2008.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. Политика региональных властей в России: типы, субъекты, институты и современные вызовы. // Полис, 2011, № 1. С. 80-96;

Никовская Л.И., Якимец В.Н., Молокова М.А. Гражданские инициативы и модернизация России. М.: Ключ-С, 2011;

Новая имперская история постсоветского пространства. // Под ред. И.Герасимова и др. Казань: Центр иссл. нац-зма и импер., 2004.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия – М.: ИРИСЭН, 2008;

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Ин-т Гайдара, 2011. – 480 с.

О российской и русской философской культуре. М., 1990;

Паин Э.А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд., 2004.

Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993;

Пайнс Р. Русский консерватизм и его критики. М.: Новое издательство, 2008.

Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000.

Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.

Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН, 2011.

Петрова Л.А. Общественные советы при органах власти: опыт Санкт-Петербурга. // Публичная политика – 2009. Сборник статей. – СПб: Норма, 2010. С. 187-193;

Пивоваров Ю. С. Политическая культура: Методологический очерк. М.: ИНИОН, 1996;

Пивоваров Ю. С. Русская политическая культура и political culture: (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 23–50;

Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993.

Политическая идентичность и политика идентичности. Том 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012.

Политическая идентичность и политика идентичности. Том 2. Идентичность и социально-политические изменения. XXI века. М.: РОССПЭН, 2012.

После империи. // Под общ. ред. И.М.Клямкина. М.: Фонд либеральная миссия, 2007.

Пригов Д.А. Само-иденти-званство // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. 2001. № 13.

Проект Россия. В 3 томах. М.:ЭКСМО, 208-2010

Пшевворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной

Европе и Латинской Америке. М., 1999.

Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб: СПб ГУ, 2012.

Розанов В.В. Когда начальство ушло. М., 1997.

Российская империя в зарубежной историографии. // под ред. П.Верта, П.Кабытова, А.Миллера. М.: Новое изд., 2005.

Российская империя в сравнительной перспективе. // под ред. А.Миллера. М.: Новое изд., 2004.

Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993, с.328-346.

Россия. Планетарные процессы. – СПб, 2002.

Русская идея. М., 1992.

Русские советские песни. М., 1952;

Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1992;

- Савинков Б.* Избранное Л., 1990;
- Смирнов В.Н.* Политический терроризм в Российской Империи. Харьков: Титера Нова, 21012.
- Смирнов И.П.* Самозванство, или Ролевая революция. // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. № 13. М., 2001, с. 33-58;
- Соловьев В.С.* Соч. в 2 тт. М., 1989;
- Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. London: Overseas Publ. Interchange Ltd., 1990. Т. II.
- Троцкий Л.Д.* Перманентная революция. М.: Азбука-классика, 2009.
- Тульчинский Г.Л.* Бизнес в России: проблема социального признания и уважения. М.: Вершина, 2006.
- Тульчинский Г.Л.* Глобализация и разнообразие культур – все еще только начинается. Причины и перспективы противостояния в современной цивилизации. // Международные организации в России и проблемы культурной интеграции. СПб: РГПУ, 2007, с.214– 239. См. также: // http://www.megaregion.narod.ru/articles_text_17.htm
- Тульчинский Г.Л.* Имперская культура как потенциал свободы // Империя и либералы. СПб: «Звезда», 2001, с. 46-51.
- Тульчинский Г.Л.* Культура и мифократия. // Митин журнал. 1990, № 31 <http://kolonna.mitin.com/archive.php>.
- Тульчинский Г.Л.* Маркетизация гуманизма. Массовая культура как реализация проекта Просвещения: российские последствия. // Человек.гу. Гуманитарный альманах. № 3. Антропология в России: школы, концепции, люди. Новосибирск, 2007, с. 194-216;
- Тульчинский Г.Л.* Массовое общество и средний класс как источник национализма. // Этнические процессы в глобальном мире. СПб: СПб: Астерион, 2012, с.15-19.
- Тульчинский Г.Л.* О федерализме. // Социум и власть. 2008, № 1 (17), с.58-62.
- Тульчинский Г.Л.* Об одной ошибке русской философии // Вопросы философии. 1995.№3. с.83-94;
- Тульчинский Г.Л.* Политическая культура как ресурс и барьер развития российского общества. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.7, Часть II. М.: ИНИОН РАН, 2012, с.395-401
- Тульчинский Г.Л.* Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002. Спец.: Глава 7. Постимперская идентичность и этика трансформирующегося общества, сс. 563-626.
- Тульчинский Г.Л.* Россия. Либеральная империя или свободная страна. // Top-Manager. Журнал для руководителей. 2007, № 2, с.71-73.

Тульчинский Г.Л. Санкт-Петербург: колыбель трех с половиной российских персонологий. // Петербург на философской карте мира. Вып.3. СПб: СПб НЦ РАН, 2004, с.8-17.

Тульчинский Г.Л. Санкт-Петербург: постимперская культура как потенциал открытого общества. // Восточная Европа: Феномен Балтии. СПб, 2004, с.24-44.

Тульчинский Г.Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. (Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press. 2001. Спец.: Часть III. Свобода и трансформирующееся общество, сс. 305-425.

Тульчинский Г.Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре. // Человек. Культура. Образование. 2011, № 2, с.5-14;

Тульчинский Г.Л. Цивилизационный выбор: рациональность и религия. // Человек.RU: Гуманитарный альманах. № 1. Новосибирск: НГУЭУ, 2005, с.83-111.

Тульчинский Г.Л. Этапы политической институционализации: от идеи к институту. // Политические институты в современном мире. СПб: Аллегро, 2010, с.358-360.

Ульянов Н.И. Русское и великорусское // Родина. 1990, №3;

Уолцер М. О толерантности. М.: Идея-Пресс, 2000.

Федотов Г.П.: 1) Святые Древне Руси.М.,1990; 2) Статьи и письма. Париж, 1989; 3) Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.,1991; Судьба и грехи России. ТТ.1-2. М., 1991.

Формизано Р. Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 111–146.

Франк С.Л.: 1) По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир, 1990, №.4; 2) Этика нигилизма. Л.,1990;

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003. – 603 с.

Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство, 2008.

Харрисон Л. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое издательство, 2008.

Хеллберг-Хирн Е. Печать империи. Постсоветский Петербург. СПб: Европейский дом, 2008.

Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы 1993-2006. М.: РАСПЭН, 2007.

Чаадаев П.Я. Полн. собр. сочинений и избранные письма. В 2 тт. М., 1991.

Чалидзе В. Уголовная Россия. М.,1990;

Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч.: в 15 тт. М.: Политиздат, 1947-1950.

Шабает Ю.П. Этнополитология в России: «наука без периферии» // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007), РОС-СПЭН. М., 2008. С.145-164.

Шаламов В. Манифест о «новой прозе» // Вопросы литературы. 1989, No. 5;

Шафаревич И. Есть ли у России будущее. М., 1991.

Шек Х. Зависть. Теория социального поведения. М., 2010.

Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. – М., 2000.

Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. // Полис, 1996, № 5. С.16-27;

Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: НЛЮ, 2013.

Этнополитические конфликты: пути трансформации. М.: Наука, 2007.

Этциони А. От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям. М., 2004.

Якимец В.Н., Никовская Л.И. Типология публичной политики в регионах России. // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики. Сборник научных статей – Краснодар: Кубанский государственный университет. 2010. С. 42-50.

Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Нвсб: Сибирский хронограф, 1999.

Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи. // <http://www.liberal.ru>

Ясин Е.Г., Снеговая М.В. Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2009.

After Empire. Multiethnic Societies and Nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires. / Barkley K., Hagen M., von (eds.). Boulder, 1997

Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.

Anderson B. Imagined Communities. L.-NY: Verso, 2006.

Beissinger M.P. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge, MA, Cambridge Univ. Press, 2002.

Bond M. Chinese Values and Search for Culture-Free Dimensions of Culture. // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1987, Vol.18, No.2.

Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge. 1999.

Doyle M. Empires. Ithaca, N.Y., 1986.

Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. – N.Y., 1973.

Empire and Society. // T.Hara, M.Kimitaka (eds.). Sapporo: Hokkaido Univ. Slavic Research Center, 1997.

The End of Empire? The transformation of the USSR in Comparative Perspective. / Dawisho K., Parrot B. (eds.) . Armonk, N.Y., 1997.

Gel'man V. Out of the Fryng Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective. // Int. Political Sci. Rev. 29, 2008. Pp. 157-180; Michael McFaul. Transitions from postcommunism. // J. of Democracy, 16, 2005. Pp. 5-19.

Gibbins J. Contemporary Political Culture: an Introduction // Contemporary Political Culture: Politics in a Postmodern Age / Ed. by J. R. Gibbins. London: Sage Publications, 1989. P. 1–30.

Gifford Ch. The Rise of the Post-Imperial Populism: the case of the right-wing Euroscepticism in Britain. // European Journal of Political Research. 2006, No. 5, pp.856-857;

Handy C. Understanding Organizations. N.Y., Oxford, 1993

Hellberg-Hirn E. Imperial Imprints. Post-Soviet St.Petersburg. Helsinki: SKS, 2003.

Heritage and Beyond. Strasbourg: Council of Europe Publ., 2009.

Hersey P., Blanchard K.H., Johnson D.E. Management of Organizational Behavior. Leading human resources. (10th Edition) New Jersey: Prentice Hall, 2012.

Heunks F., Hikspoors F. Political culture 1960-1990 // Values in Western Societies / ed. by de Moor R. Tilburg, 1995, p. 51-82.

Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, L.: Cornell Univ. Press, 2005.

Hofstede G. Culture's Consequences. L.: SAGE Publications, 2001.

Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd Edition, Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2001; URL: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml

Hofstede G., Hofstede G.J., Michael Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd Edition, McGraw-Hill USA, 2010; URL: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml

Hollinger D. Postethnic America: Beyond Multiculturalism. New York, 1995.

Hosking G.A. Russia and the Russians: a history from earliest times to 2001. London: Penguin books, 2002.

How Values Shape Human Progress. / ed.by L.Harrison, S.Hantington. N.Y.: Basic Books, 2000.

Imperial Formations and Their Discontes. / A.L.Stoler, C.McGranaham, P.C.Perdue (eds.). Santa Fe, 2007.

Imperial Rule. / A.Miller, A.Rieber (eds.) Budapest: CE University Press, 2004.

Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire. / K.Matsuzato (ed.). Sapporo: Hokkaido Univ. Slavic Research Center, 2006.

In From the Margins. Contribution to the Debate on Culture and Development in Europe. A Report prepared for the Council of Europe.... Strassburg (Culture Committee of CE), 1997.

Inglehart, Ronald F. (1977). *The Silent Revolution*, Princeton University Press.

Kamen H. *Spain's Road to Empire. The Making of a World Power.* Harmondsworth: Penguin, 2002.

Kavanagh D. *Political Science and Political Behavior.* London: Allen & Unwin, 1983.

Kim Y. C. *The Concept of Political Culture in Comparative Politics // The Journal of Politics.* 1964. Vol. 26. N 2. P. 313–336;

Lewis R.D. *When Cultures Collide. Leading across cultures.* Boston-London: Nicolas Brealy Intern., 2012.

Lieven D. *Empire. The Russian Empire and its Rivals.* L.: John Murray, 2000.

Lohr E. *Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during the World War I.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.

Macdonald Sh. *Difficult Heritage.* London: Routledge, 2009.

Miths and nationhood. / Ed. G.Hosking, G.Schoepflin. L.: Hurst, Univ.of London, 1997.

Motyl A. *Imperial Ends. The Decay, Collapse and Revival of Empires.* N.Y., 2001.

On Religion and Empire. Missions, Conversions and Tolerance in Tzarist Russia. / R.Geraci, M.Khodorkovsky (eds.). Ithaca, L.: Cornell Univ. Press, 2001

Pipes R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism 1917-1923.* Cambridge (Mass.): Harvard Univ.Press, 1964.

Pipes R. *Russia under the Bolshevik regime.* NY: Alfred A.Knopf, 1993.

Rosenbaum W.A. *Political Culture: Basic Concept in Political Science.* N.Y., 1975

Russia's Identity in International Relations. Images, Perceptions, Misperceptions, R.Taras (ed.) Abingdon and New York: Routledge, 2013.

The Russian intelligentsia. NY, 1961.

Somers M. R. *What's Political or Cultural about Political Culture and the Public Sphere? Toward an Historical Sociology of Concept Formation // Sociological Theory.* 1995. Vol. 13. N 2. P. 113–144;

A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. / R.C.Suny, T.Martin (eds.) Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.

Sünker H. Are Intellectuals the Keepers of Political Culture? Some Reflections on Politics, Morality, and Reason // *Nationalism, Ethnicity, and Identity: Cross National and Comparative Perspectives* / Ed. by R. F. Farnen. New Brunswick, New Jersey; London: Transaction Publishers, 1994. P. 193–204.

Taras R. Europe Old and New: Transnationalism, Belonging, Xenophobia. Lanham, 2009.

Toulchinsky G. Culture and Mythocracy. // *Re-Entering the Sign: New Critical Languages in the Soviet Union.* (Ed. By Ellen Berry and Anesa Miller-Pogacar. Bowling Green: University of Michigan, 1991;

Tulchinsky G.L. Russia's Brand as a Problem and Dream. // *Russian Journal of Communication.* Vol. 1, No. 2 (Spring 2008), p. 220-222.

Tulchinsky G.L. St.Petersburg Paradox: Post-Imperial Identity as Potentia for Open Society // VI the International Council for Central and East European Studies (ICCEES) World Congress. (Tampere 29 July – 3 August). Abstracts. Tampere, 2000, p.437.

Tulchinsky G.L. When the wind blows, or Under the Cold Light of Freedom // *Beyond Borders.* Magazine of the European Cultural Foundation. 2003, No. 4 (June), p.38-40.

Tunbridge J.E., Ashworth G.J. Dissonant Heritage: The Management of the Past as Resource in Conflict. Chichester: John Wiley, 1996.

Vertovec S. Transnationalism. NY, London, 2009.

Содержание

Предисловие	5
1. Политическая культура: как ее можно понимать и зачем.....	9
<i>Культура и политическая культура. Роль политической культуры. Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации. Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры. Справедливость и конфигурации политических режимов.</i>	
2. Ценностно-нормативное содержание российской культуры.....	59
<i>Смысловое содержание российского культурного опыта: источники и обобщение. Народ и власть.</i>	
3. Становление российской политической культуры: «искушения» власти и властью.....	75
<i>Искушение III Римом: Святая Русь и имперскость. Русское и российское. Феномен интеллигенции. Искушение рационализмом Просвещения. Драма декабризма. П. Я. Чаадаев. «Новые люди» в подполье. «Чудо-партия» по ту сторону добра и зла. «Цветы зла» Русского Ренессанса. Невостребованные альтернативы свободы</i>	
4. Советский цивилизационный эксперимент	100
<i>Легитимация насилия. Мифократия. Природа массового энтузиазма в СССР 1930-х. Начало конца: «шестидесятничество» и барачная этика в отдельных квартирах. Смыслоутрата</i>	
5. Российская политическая культура в общенсторическом контексте.....	122
<i>Российская специфика массового общества. Революция менеджеров по-русски. Постимперская культура как потенциал открытого общества. Российские модернизационные инверсии</i>	
6. Уроки российской политической культуры.....	167
<i>Урок национальной политики и этнофедерализма: перспективы российского национализма. Буржуазная революция в России: когда и почему. Судьба либерализма в России. Урок надорвавшейся империи и обессиленного социума.</i>	
7. Перспективы российской политической культуры	219
<i>Персоналистское обобщение. Историческая память vs образ будущего. Бренд России как проблема и мечта. Общество созрело, или перспективы легитимности. Откуда брать силы: проблемы и надежды.</i>	
Литература	281

Тульчинский Григорий Львович

Политическая культура России:
источники, уроки, перспективы

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Оригинал-макет *О.В. Петрицкий*

Корректор *И.Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.

Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Кг. Barona iela 45/47. Тел. 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₆. Усл. печ. л. 17,91. Печать офсетная.

Заказ №